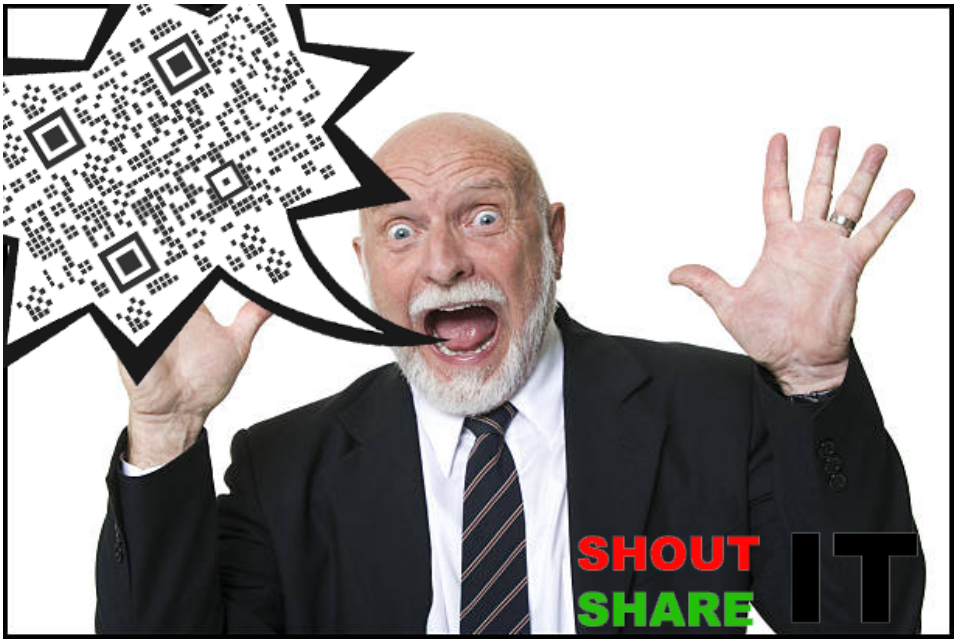
Жизнь замечательных людей

БАБЕФ

П. ЩЕГОЛЕВ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман о Гракхе Бабёфе (имя взято в честь античных Гракхов; настоящее имя Франсуа Ноэль Бабёф (Babeuf)) (1760 — 1797), французском революционном коммунисте-утописте, руководителе движения «Во имя равенства» во время Директории.

- Павел Павлович Щёголев
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Послесловие
- Библиография[6]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Павел Павлович Щёголев
Гракх-Бабёф

Революционное движение, которое началось в 1789 г. в Социальном кружке, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклера и Ру и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабёфа, — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом Бабёфа Буонарроти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка.

К. Маркс

Французская революция — только предвестница другой, которая будет и величественнее и торжественнее. И эта революция будет последней.

«Манифест равных»

СЕРИЯ БИОГРАФИИ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Горького, Мих. Кольцова, А. Н. Тихонова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: М. Горький, акад. С. И. Вавилов, проф. Б. М. Гессен, проф. И. Э. Грабарь, М. Е. Кольцов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, проф. А. П. Пинкевич, Н. А. Семашко, В. М. Свердлов, А. Н. Тихонов, проф. А. Н. Фрумкин, проф. О. Ю. Шмидт.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА 1933

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЫПУСК XIV

П. ЩЕГОЛЕВ

ГРАКХ-БАБЕФ

В КНИГЕ 13 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА 1933

Гракх-Бабёф

Глава I
Молодость Бабёфа

В XVIII веке в Пикардии, на северо-востоке Франции, проживала семья, носившая фамилию Бабёф. Установить в точности ее происхождение так и не удалось. Есть основание предположить, что отдаленные ее предки были кальвинисты, основавшие даже целую колонию в Пикардии, носившую название Бобёф. Обычным занятием их было земледелие, но в первой половине XVIII века один из них, носивший имя Клавдия, получил некоторое образование и поступил на военную службу, — сначала во французскую, а затем, с 1788 г., в австрийскую армию, где он заслужил чин майора. Ему удалось даже одно время устроиться воспитателем детей Марии-Терезии, австрийской императрицы. Таково, по крайней мере, было семейное предание. Во Франции, между тем, австрийский майор, самовольно покинувший страну, считался дезертиром. Только в 1755 г. он был амнистирован и получил возможность безнаказанно вернуться на родину. Здесь он поступил на службу в Управление соляного налога и вскоре женился. Первым ребенком от этого брака и был Франсуа-Ноэль Бабёф, появившийся на свет в 1760 г.

Вскоре после рождения мальчика отец его, по невыясненной причине, потерял свое место. Семья впала в состояние крайней нужды, близкой к нищете. Отец Бабёфа должен был искать заработок в качестве простого работника в Сен-Кантене, куда он переселил всю свою семью. Мать его день и ночь проводила за пряжей. На маленького Франсуа пала тяжелая забота по уходу и присмотру за его младшими братьями и сестрами. Семья настолько нуждалась, что отец не был в состоянии отдать их в школу. Сам Франсуа выучился читать самоучкой. Отец преподал ему начатки латыни, немецкого языка, математики. Четырнадцати лет от роду Франсуа покинул отцовский дом. Мы видим его в услужении сначала у одного землемера, а потом у некоего дворянина де Бракемона. Около 1781 г. Бабёф потерял отца. Перед смертью отставной майор, как гласит семейное предание, передал детям экземпляр жизнеописаний Плутарха и завещал каждому из них выбрать себе за образец одного из героев древности. Он признался, что сам считает наиболее достойным подражания римского трибуна Кая Гракха. Молодой Франсуа поклялся отцу исполнить его завет.

13 ноября 1782 г. Бабёф женился на Виктории Лангле,

горничной госпожи Бракемон. В поисках постоянного заработка он переселился сначала в Нойон, потом в Руа. Он выбрал себе профессию землемера и февдиста. Чтобы пояснить читателю назначение этой профессии, напомним ему, что 80-е годы XVIII века были временем своеобразной «феодальной реакции» во французской деревне. Характеризовалась она тем, что помещики-дворяне предприняли наступление на эксплуатируемое ими крестьянство в целях получения всяких забытых и полузабытых недоимок. Они проверяли старинные грамоты, откапывали старые, давно забытые права, возобновляли описи всякого рода повинностей, причитавшихся им с их вассалов. Для всего этого и понадобились теперь «февдисты» или кадастровые комиссары, в круг ведения которых входило прежде всего составление подробнейшей описи каждого имения, составление перечня сеньориальных прав, розыски в архивах.

Февдист по самой должности своей попадал в гущу вековечной борьбы крестьянства против своих угнетателей и в борьбе этой он занимал совершенно определенные позиции агента и доверенного лица помещика. На такую роль был обречен в силу избранной им профессии и Бабёф. Однако роль эта оказалась ему «не под силу». Как мы увидим дальше, именно практическая работа кадастрового комиссара породила в Бабёфе чувство жгучей ненависти к феодальному строю и к его оплоту — дворянству. Попытки же сохранить при выполнении своих обязанностей известное беспристрастие и достоинство привели Бабёфа уже в начале его служебной карьеры к бесчисленным конфликтам с провинциальными помещиками. Мы не знаем точно, в каком году Бабёф занял свою новую должность. Во всяком случае в 1785 г. Бабёф уже был кадастровым комиссаром в городе Руа. К этому же году относится и возникновение его переписки с Дюбуа де Фоссе, постоянным секретарем королевской академии в Аррасе.

Поводом к возникновению переписки послужил объявленный академический конкурс, темой которого было изыскание способов улучшения путей сообщения в провинции Артуа. Молодой Бабёф отозвался на объявленный конкурс и прислал свое сочинение, которое, однако, не было допущено к соревнованию ввиду невыполнения автором его основного условия конкурса: полной анонимности присланных работ. Дюбуа де Фоссе, недавно избранный секретарем академии, заинтересовался личностью автора отвергнутой рукописи и завязал с ним переписку, которая и длилась около трех лет, с 1785 по 1788 год. Эта переписка, сохранившаяся до наших дней, служит единственным источником для ознакомления с настроениями и думами молодого Бабёфа.

Секретарь провинциальной академии узнал в своем собеседнике человека очень и очень незаурядного. Он затрагивал в своих письмах к нему самые разнообразные темы, и из ответов Бабёфа мы подчас черпаем очень ценный материал для суждения о его воззрениях в описываемую нами эпоху. Незаметный чиновник, приказчик провинциального дворянства, лелеет замыслы обширных преобразований тогда, когда, кажется, еще ничто не предвещает грозу надвигающейся революции. Его корреспондент производит впечатление скучающего дилетанта. Его перо легко скользит по бумаге, затрагивая или, вернее, задевая мимоходом всевозможные темы, всевозможные сюжеты. Проза часто переходит в стихи или заканчивается приложенными протоколами Аррасской академии. Воспитание вкуса к изящным искусствам идет параллельно с рассуждениями о задачах педагогики. Столь же разбросанный характер носят, по крайней мере в первое время, ответы Бабёфа. Тут и мысли о воспитании детей, тут и оценка достоинств того или иного поэтического произведения. Но вот однажды словоохотливый секретарь предлагает Бабёфу найти три темы для очередного конкурса Аррасской академии. Бабёф не заставляет долго ждать ответа. Первые две из намеченных им тем не могут нас заинтересовать. Они носят узко специальный характер. Зато третья сразу разоблачает самые затаенные, самые сокровенные думы Бабёфа. «Каково должно быть при современном уровне знаний положение народа, общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами установится совершенное равенство, что земля, которую он населяет, будет принадлежать всем сообща и никому в отдельности, и, наконец, все будет общим, вплоть до продуктов промышленности? Будут ли подобные учреждения оправданы естественным законом? Возможно ли существование подобного общества и осуществимы ли практически мероприятия, которые должны быть приняты для достижения полного равенства в распределении?»[1] Вопрос поставленный здесь Бабёфом, есть вопрос о практическом осуществлении коммунизма. Немного погодя, он получил возможность подробнее развить свой проект коммунистического общества. Темы для конкурса Аррасской академии были им предложены 21 марта 1787 года, а в письме от 19 числа того же месяца Дюбуа де Фоссе сообщил Бабёфу содержание брошюры, сильно занимавшей его в это время. Эта брошюра носила гордое и несколько претенциозное название: «Преобразование всего мира». Темой ее было изображение пороков и зол, от которых страдает современное общество, исследование причин этих зол и, наконец, описание средств, при помощи которых можно было достигнуть

всеобщего благополучия и довольства. Анонимный автор брошюры предполагал разрушение всех ныне существующих городов, местечек, замков и постройку 100 городов, по два лье в окружности, 100 колледжей, в которых обучали бы искусствам и ремеслам, 15 000 местечек и 330 000 ферм. Общественный строй должен был быть вполне коммунистическим, основанным на общем труде и общем потреблении всех продуктов. Автор брошюры давал подробное описание одежды, пищи и жилищ преобразованного мира. Брошюра настолько понравилась Дюбуа, что он полушутя написал Бабёфу: «Какое счастье прожить еще 50 лет и увидеть эту тысячу новых городов! Как я жалею, что я так далеко зашел вперед с моими годами. Но не станем отчаиваться: человек, сделавший столько прекрасных открытий, найдет, может быть, способ продлить жизнь людей…» Он заверяет своего корреспондента, что не нашел у автора брошюры ни одной строчки, которая позволила бы предположить шутку с его стороны.

Сам Дюбуа был усиленно занят составлением проекта всеобщего кодекса законов. В этой своей работе он подпал под сильное влияние кодексов Фридриха Великого. Это дало повод Бабёфу в следующем письме развить свои мысли сразу — и по поводу идеи автора «Преобразования мира», и по поводу кодекса, проектированного секретарем Аррасской академии. В этом письме отчетливо проступают две основных линии идеологии Бабёфа: во-первых, ненависть к феодализму, ненависть, почерпнутая в повседневных наблюдениях, в практике февдиста и землемера, и во-вторых, смутная еще мечта о будущем человечестве, мечта, за осуществление которой Бабёфу пришлось впоследствии отдать свою жизнь. «Удивляются, — пишет он, — разнообразию наших обычаев. Мне кажется, что тут нечему удивляться, если хорошенько вспомнить ту эпоху, в которую они складывались. Люди, тогда еще невежественные и дикие, не делали ничего такого, что не соответствовало бы их характеру. Головы, захваченные энтузиазмом завоевания, обратились, как это неизбежно вытекало из их бесчеловечных склонностей, укрепленных вопиющей системой феодализма, к установлению таких обычаев, которые могли бы удовлетворить их смешное тщеславие. Счастливый разбойник был только наполовину удовлетворен, даже обладая большим богатством. Его дикое тщеславие страдало, когда он предвидел в будущем раздробление своей собственности… Отсюда проистекает новая гнусность. Нужно было задушить голос крови, чтобы услужить тщеславию, и оставить почти без всякой поддержки младших, чтобы обременить избытком старшего… Отсюда происхождение так

называемой знати и (сословных) различий, так возмущающих все слои общества… Отсюда, кроме того, происхождение этих смешных законов, которые служат оправдательным документом всем узурпаторам, легализующим их захваты… Те, кто в собраниях, призванных составлять законы, имели больше всего влияния вследствие их богатства, вводили в них те или иные правила по своему усмотрению…»

Гракх Бабёф. С гравюры по рисунку Бонневиля

От критики существующих порядков Бабёф тотчас переходит к критике утопии анонимного автора. Для Бабёфа характерен практический уклон его ума. Ему мало набросить чертеж, схему идеального общества; нужно указать конкретные меры, необходимые для завершения проектируемого преобразования. «По всей вероятности, — пишет он, — придется для всего этого королям лишиться их корон, а всем титулованным и привилегированным — чинов, мест и должностей. Но за чем дело стало? Для того чтобы совершить великую революцию, надо произвести великие перемены. И притом, что хотят сказать, в конце концов, всеми этими экстравагантными титулами? Разве они не являются пустыми, фантастическими выражениями, приобретенными тщеславием и подтвержденными низостью? Нужно ли в действительности хотя бы малейшее различие между людьми? Почему нужно оказывать тому, кто носит шпагу, больше

почтения, чем тому, кто ее выковал…» В своих рассуждениях Бабёф очень хорошо выясняет разницу между автором анонимной брошюры и Руссо. Руссо проповедует возвращение к первобытному естественному состоянию. Это возвращение может быть достигнуто только ценой отказа от всех приобретений культуры, ценой решительного разрыва с достигнутым уже уровнем человеческих знаний. Громадное превосходство автора брошюры, по мнению Бабёфа, заключается в том, что он соединяет новое, идеальное устройство общества с сохранением всех главных достоинств культуры. «Он счастливо примиряет все удовольствия жизни в обществе с удовольствиями естественной первобытной жизни». Бабёф готов громко приветствовать удачные замыслы реформатора. «Я решил сделаться одним из первых поселенцев в новой республике». Он подчеркивает необходимость обязательного труда для всех граждан утопической республики. Правда, нужно до известной степени считаться с наличием врожденных склонностей к той или иной профессии. Не каждый может стать чиновником или отправлять те или иные правительственные функции. Но никто не должен быть обделен по сравнению со своими согражданами. Простой вязальщик должен за свою работу получать все ему необходимое: хлеб, мясо, вино, одежду, сапоги, квартиру и полную охрану его прав. И так будет обстоять со всеми профессиями. Бабёф высказывает надежду, что благодаря этой системе «каждый будет вполне доволен». Новая республика не будет знать никакого подразделения профессий по степени их большей или меньшей почетности. Все полезные профессии будут в ней одинаково уважаться. В другом месте Бабёф настаивает на необходимости отмены права наследства: наследству нет места в утопической республике.

Если мы попытаемся дать резюме взглядам Бабёфа накануне революции, то мы увидим, что он шагнул далеко вперед сравнительно со своими современниками. Конечно, ненависть к феодализму, ненависть к привилегированным сословиям представляет собой повсеместной явление в дореволюционной Франции. Рассуждения Бабёфа о «порочности феодальной системы» довольно трафаретны для 80-х годов XVIII века. Характерно только, что они почерпнуты из повседневных наблюдений, из практики февдиста. Казалось, все будущее, карьерные соображения, материальное устройство семьи, которую Бабёф любил до обожания, должны были бы сделать из него слугу «привилегированных», слугу не за страх, а за совесть. Вместо этого, мы видим жгучую ненависть, холодное презрение к «так называемой знати». Этот мелкий и ничтожный чиновник в

глуши провинции, роясь, по его собственному выражению, в пыльных архивах феодальной знати, успел стать революционером с головы до ног, решительным врагом косности, рутины, злоупотреблений и притеснений феодального строя. Вместе с тем, критика феодальных отношений толкает Бабёфа на путь уравнительства — эгалитаризма, на путь солидаризации с проектом эгалитарной республики, основанной на общности труда и потребления.

Между тем жизнь Бабёфа за все время, пока длилась его переписка с секретарем Аррасской академии, сложилась так, что ему прежде всего приходилось думать о куске хлеба для своей семьи. Кроме жены и детей, он должен был содержать мать, братьев и сестер. Нежный и любящий отец Бабёф между 1787 и 1790 гг. потерял троих детей. Несмотря на это, Бабёф находил время заниматься чисто литературной работой. В 1786 г. он опубликовал проспект обширного сочинения под заглавием «Архивист-землемер», которое, однако, так и не увидело света. Ему удалось только напечатать некоторые извлечения из своей рукописи. Кроме того, Бабёф опубликовал «Рассуждение о причинах беспорядков, которые часто наблюдаются в сеньориальных документах». Это было сочинение, не выходившее за круг специальных занятий его автора, но в нем можно обнаружить кое-какие любопытные суждения о роли большинства. «Слишком часто, — говорит Бабёф, — глупцы предписывают законы мудрым, и слишком часто вполне основательные предложения отвергаются только потому, что не приходятся по вкусу первым… Людей, чьи идеи возвышаются над обычным уровнем большинства, называют обыкновенно новаторами, людьми системы, в то время как присущая людям леность заставляет их постоянно отдавать предпочтение тому, что они знают и практикуют в течение долгого времени… Большинство всегда идет за партией рутины и застоя…» Эти суждения очень характерны для молодого Бабёфа, еще не успевшего окончательно закрепить и определить свои общественные воззрения.

В 1787 г. Бабёф вступил в переговоры с графом Кастейа, пригласившим его к себе для работы над разбором сеньориального архива. Переписка богатого феодала и кадастрового комиссара из Руа окончилась, однако, очень неожиданно 7 сентября 1787 г. граф Кастейа — французская разновидность гоголевского Собакевича — писал Бабёфу: «Если вам не подходит, милостивый государь, обедать с моей прислугой и если вы не можете столоваться в деревне, то, очевидно, не приходится думать о каком-либо соглашении между нами; не

потому, конечно, чтобы я брезговал обедать за одним с вами столом — такая глупость никогда не унижала моего ума, не пачкала моего сердца, — но моя жена и я не хотим стеснять себя… Вы молоды, милостивый государь… смените смешное тщеславие, которое подавляет вас, на разумно направленное самолюбие…» Бабёф ответил графу корректным, исполненным достоинства письмом, в котором он отводил от себя подозрения в «смешном тщеславии», но в его поместье он все же не поехал.

В 1788 г. весной Бабёф достиг известного материального благополучия. Он имел обширный круг клиентов среди дворянства и духовенства, заслужив себе репутацию исключительно дельного и знающего работника. Но работа эта в душе ему, конечно, давно уже опостылела. По мере возможности старался он отстаивать интересы обездоленной крестьянской массы, старался устранить наиболее вопиющие злоупотребления. Так, получив поручение от настоятеля аббатства Сен-Терен собрать и привести в порядок архив аббатства, Бабёф ограничился сводкой существовавших с давних пор повинностей. Работа его оставила настоятеля настолько неудовлетворенным, что он даже отказывался заплатить Бабёфу следуемое ему вознаграждение. Отношения между кадастровым комиссаром и его титулованной клиентурой стали портиться. Целый ряд помещиков оставался ему должным крупные суммы, и он не имел средств принудить их к уплате. Наконец, он, отказавшись от целого ряда выгодных предложений, взялся за работу по приведению в порядок архива маркиза Суаекура. Работа эта отняла у Бабёфа много времени. Он навлек на себя смертельную ненависть некоего Биллекока, бывшего управляющим у маркиза, так что, когда работа была закончена и наступило время расчета, Биллекок убедил маркиза выплатить Бабёфу всего сто ливров, вместо причитавшихся ему 2 000. Теперь Бабёф был окончательно разорен, материальное благосостояние его семьи покачнулось. Биллекок и его многочисленная родня, пользовавшаяся большим влиянием благодаря своим связям и богатству, беспрерывно травили Бабёфа. Он находил сочувствие лишь у бедняков квартала Сен-Жиль, в котором он обитал в Руа. Его озлобление против знати все росло и росло. Впоследствии он напишет об этом периоде своей жизни: «Я был февдистом при старом порядке, и вот, может быть, причина того, что я стал бичом феодализма при новом; в пыли сеньориальных архивов я открыл ужасные тайны аристократических узурпаций — я разоблачил их перед народом в огненных строках, написанных на заре революции».

Революция, чьи грозовые тучи нависли над Францией,

должна была найти преданного и стойкого борца в этом февдисте и кадастровом комиссаре. Наступили дни, когда она призвала его под ружье и поставила в ряды своих бойцов.

Глава II
Бабёф и революция (1788–1794)

Участие самого Бабёфа в событиях 1789 г. началось с редактирования им наказов города Руа. Наказы составлялись по всей Франции, ими должны были руководствоваться в своей деятельности члены Генеральных штатов, созванных королем Людовиком XVI впервые после более чем полуторастолетнего перерыва. Наказы заключали в себе требования тех или иных реформ, требования, с которыми должны были выступить перед Генеральными штатами представители «трех сословий». Так вот Бабёф и принял участие в редактировании некоторых статей этих наказов, в особенности той, которая требовала уничтожения феодалов, выкупа сеньориальных повинностей, упразднения права первородства и ограничения отцовской власти. Бабёф, кроме того, предложил внести в наказ требование отмены всех существующих налогов и замены их единым, равномерно распределенным обложением, а также установления системы «национального воспитания». Эти предложения, однако, были отвергнуты по настоянию Биллекока, председательствующего в собрании. Бабёф пошел и дальше. На площади в Руа он устроил торжественное сожжение сеньориальных архивов. Это аутодафе должно было служить символом падения ненавистных порядков феодализма. Этот день, должно быть, был большим праздником в жизни Бабёфа, несмотря на то, что теперь, в новых условиях, теряла всякий смысл избранная им некогда профессия и он сам, со всей семьей, обрекался на неминуемую нищету.

Но Бабёфу было теперь не до того. Едва услыхав о дне 14 июля, о падении Бастилии, осажденной и взятой толпой ремесленников и рабочих, Бабёф ринулся в Париж, где он и остался на четыре месяца, до первой половины октября 1789 г. В Париже довелось ему стать свидетелем расправы народа над министрами Людовика XVI Фулоном и его племянником Бертье де Совиньи. «Я видел, — писал он 25 июля своей жене, — как пронесли головы тестя и зятя, в сопровождении почти тысячной вооруженной толпы; они были выставлены напоказ в продолжение всего долгого пути по предместью и улице Сен-Мартен; почти двести тысяч зрителей встречали их бранью и предавались веселью совместно с эскортом, который воодушевлялся звуками барабанного боя. О, какую боль доставляла мне их радость! Я был в одно время и доволен, и недоволен, я говорил себе: тем лучше и тем хуже. Я понимаю, что

народ творит правосудие, я даже одобряю это правосудие, когда оно может быть удовлетворено лишь уничтожением виновных, но неужели сегодня нельзя быть менее жестоким? Наказания всякого рода, четвертование, пытка, колесование, розги, виселицы, палачи, размножившиеся повсюду, — вот что дало нам такие плохие нравы. Наши господа, вместо того чтобы смягчить их, сделали нас варварами, потому что таковы они сами. Они жнут и будут пожинать то, что сами посеяли». В этом же письме Бабёф сообщал жене о разных неудачах, постигших его при попытке так или иначе устроить свои дела. Ему обещают кое-какую работу по описи архивов. «Но я полагаю, — замечает он, — что поземельные описи пойдут к черту, как и много других вещей, от которых теперь, наконец, избавились. Все это, конечно, очень хорошо, хотя я лично дорого расплачусь за это». В другом письме Бабёф горько сетует на нищету, в которой он должен был оставить свое семейство. Он рассчитывает получить службу в Париже и надеется на кое-какой заработок в архивах, «которые, конечно, сохраняются и после упразднения феодов». Он с нетерпением ждет выхода в свет своего «постоянного кадастра» и пытается со своим компаньоном, неким Одиффре, пристроить изобретенный ими графометр, новый тригонометрический инструмент для межевания земли. Борьба за кусок хлеба не мешает, однако, Бабёфу принимать участие в текущей памфлетной литературе, потоки которой наводняют Францию в первые месяцы революции. Он пишет, между прочим, брошюру, направленную против Мирабо, в которой содержатся резкие нападки на личность и политические дарования знаменитого оратора. В октябре, ничего не добившись в Париже, Бабёф возвращается в Руа.

Между тем революционная волна временно идет на убыль. Крепнет буржуазная реакция, которой руководит само Учредительное собрание. Власти начинают следить за выполнением всякого рода налогов, платеж которых прекратился фактически после 14 июля 1789 года. 29 февраля в Руа делают попытку восстановить не взимавшийся там с июля прошлого года косвенный налог на напитки. Это возмущает до крайности население города, и вот Бабёф, по его собственному выражению, «поднимает восстание» против косвенных налогов. Он публикует помеченную 17 апреля 1790 г. «петицию о налогах» и навлекает этим на себя недовольство муниципальных властей, которые обвиняют его в науськивании кабатчиков на администрацию. Ведомству косвенных налогов удается добиться его заключения в парижскую тюрьму Шатле, откуда он пишет письмо знаменитому в то время адвокату де Мирбек, с просьбой взять на себя ведение его дела. Бабёфа освобождают, главным образом по настоянию

Марата, и он, получает возможность принять участие в торжественном празднике федерации, в день первой годовщины взятия Бастилии. Он выступает в форме офицера национальной гвардии, среди депутации от национальных гвардейцев города Руа. Возвратившись домой, Бабёф снова вмешивается в борьбу из-за налогов и в октябре публикует новую брошюру, посвященную налоговому вопросу. В ней он требует решительной отмены косвенных налогов и установления единого подоходного, сказали бы мы теперь, налога.

Немудрено, что такие речи Бабёфа пришлись не по вкусу архибуржуазным отцам города. Мэр, некто Лонгекан, делает на него донос трибуналу в Мондидье, а ведомство косвенных налогов добивается нового приказа об аресте, осуществление которого было, однако, отсрочено решением департаментской директории от 14 декабря 1790 г. Избранный 14 ноября в генеральный совет своей коммуны, Бабёф через полтора месяца изгоняется оттуда под тем предлогом, что выборы лица, против которого возбуждено судебное преследование, не могут считаться действительными. Зато в октябре Бабёфу удается осуществить свою заветную мечту. Он становится редактором газеты, носящей название «Пикардийский корреспондент». Первоначально газета приобретает изрядное количество подписчиков, и дело имеет даже довольно ощутительный материальный успех. Но у Бабёфа слишком много врагов и недоброжелателей. На него ополчается вся провинциальная аристократия, его бывшие клиенты из привилегированных сословий. Специальная брошюра, вышедшая около этого времени, обвиняет Бабёфа в предательстве и ренегатстве, сопоставляя его прежнюю деятельность февдиста с теперешними его политическими выступлениями. Бабёфу приходится обороняться. Пока он был молодым, — пишет он, — он полагал «все существующее должным». Ему представлялось необходимым существование преследуемых и преследователей, он относился с большим уважением «к своей матери — феодализму». Но, наконец он стал взрослым мужчиной, «солнце революции» озарило его, и он убедился, что мать его была «чудовищем о ста головах», — Бабёф объявляет в № 2 своего «Корреспондента» прием у себя на дому для всех, имеющих вопросы «как общего характера», так и специально касающиеся различных деталей нового государственного устройства. Такого рода консультацией он думает, очевидно, сблизить газету с ее читателями из народа. Популярность Бабёфа растет. Квартал Сен-Жиль в Руа избирает его 23 марта «комиссаром по розыску общинных имуществ города Руа». На этом новом посту Бабёф проявляет недюжинную энергию. Ему удается разыскать

документы, устанавливающие причастность муниципальных чиновников старого порядка к захвату общинных земель. Он обвиняет новый муниципалитет в подражании старым властям, в расхищении городского имущества. Это выступление дает повод к новым репрессиям. 5 апреля 1791 г. Бабёфа арестовывают и отправляют в Мондидье. Муниципальные власти требуют предания его суду за агитацию в пользу захвата болота Бракемон и за распространение преступных учений о пределах народного суверенитета, учений, вызывающих брожение даже в соседних коммунах. В июле того же года Бабёфа обвиняют в «антиконституционном желании заменить республикой монархию, установленную нашими мудрыми законодателями». Выпущенный на свободу Бабёф продолжает воевать с властями, окончательно утверждая за собой репутацию смутьяна, демагога, опасного и неуживчивого человека. Материальные его дела из рук вон плохи. «Пикардийский корреспондент» прекращается в 1791 году на сороковом номере, очевидно вследствие отсутствия материальной поддержки, которую ему могли оказать только имущие слои населения, враждебно настроенные в отношении Бабёфа. Из затеи основать газету в Париже, еще раньше «Корреспондента», тоже ничего не вышло. Основанный Бабёфом «Журнал конфедерации» замер на 2-м номере. Отношения между Бабёфом и всем, что было знатного, богатого и чиновного в Руа, обострились до крайней степени. Летом 1792 г. Бабёф продолжал свои нападки на муниципалитет, гроза собиралась над его головою, когда к счастью для него в Париже разразилась революция 10 августа 1792 г.

Попытаемся теперь обрисовать духовный облик Бабёфа за эти первые годы революции. Революционные будни маленького городка, очень консервативного, очень косного, разбужены вмешательством человека крайне революционных убеждений. Его пылкий темперамент прямо несносен для всех этих муниципалов, сторонников Учредительного собрания и конституционной монархии. Его убеждения находятся в резком противоречии с тем, что исповедует официальная, правящая Франция, возвещающая устами своего конституционного короля завершение революции. Он — за всеобщее избирательное право, чуть ли не за республику, тогда, когда Собрание устанавливает ценз и восстанавливает пошатнувшийся после бегства в Варенн трон Людовика XVI; он — за единый подоходный налог, когда Собрание неуклонно проводит политику укрепления экономических позиций буржуазии; наконец, он — за аграрный закон, за «черный передел», когда Собрание стремится защитить существующие сеньориальные права во имя святости всякой собственности.

На последнем надо остановиться подробнее. Два произведения, вышедшие из-под пера Бабёфа в описываемую эпоху и еще нами не упомянутые, дают дополнительный материал к характеристике его идеологии; мы подразумеваем «Постоянный кадастр», выпущенный Бабёфом в 1789 г., и письмо его к аббату Купэ, кандидату в Законодательное собрание, датируемое концом 1791 г. «Постоянный кадастр» с предисловием к нему — это трактат, написанный на отвлеченную тему, с отступлениями в область политики, педагогики, естественного права. Письмо к Купэ — это политическая программа, попытка набросать тактическую платформу. Рассмотрение этих произведений Бабёфа требует нескольких предварительных замечаний.

Мы видели уже при разборе переписки Бабёфа с секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе, насколько Бабёф в своих построениях зависел от господствовавшего в XVIII веке учения об естественном равенстве. Но само учение это поддавалось различным толкованиям. Подавляющее большинство мыслителей «века просвещения» были идеологами буржуазии. «Великие люди, просветившие французские головы для приближавшейся революции, — читаем мы у Энгельса в «Анти-Дюринге», — сами были крайними революционерами. Никаких внешних авторитетов они не признавали… Разум стал единственной меркой, под которую все подводилось…. Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам… Мы знаем теперь, — продолжает Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществлялась в виде буржуазной юстиции, что естественное равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право частной собственности. Разумное государство и «общественный договор» Руссо оказались и могли оказаться на практике только буржуазной демократической республикой» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 17, 18).

Объективно служа интересам развивавшегося капитализма, формулируя, по словам Энгельса, «буржуазную сторону требования равенства», Руссо и его школа — идеологи мелкой буржуазии — субъективно выступали с требованием имущественного уравнения и введения равенства в распределение частной собственности. Этим они подготовляли программу якобинской диктатуры, программу радикального выкорчевывания всех остатков феодальных отношений,

служивших путами капиталистического развития общества. Часть учеников Руссо шла при этом гораздо дальше своего учителя. Так, ученик Руссо Госсэлен требовал всеобщего земельного передела, в результате которого вся страна раздробится на мелкие хозяйства; при этом Госсэлен высказывался против отказа от личной собственности, ибо это может подорвать всякие стимулы к труду. По проекту Госсэлена, должен быть создан первоначальный фонд из королевских, церковных и пустопорожних земель и из земель, выкупаемых у частных лиц. Из земель этого фонда беднейшие граждане наделяются равными участками, которыми они пользуются на правах аренды. «Я утверждаю, — писал Госсэлен, — что этим путем… вся земля Франции будет приблизительно поровну распределена между ее сынами и покрыта счастливыми жителями, которые вечно будут благословлять отважного смертного, который, совершив эту революцию, станет виновником их счастья и благополучия». Ретиф де ла Бретонн, более известный как автор фривольных романов, предлагал разделить всю землю между крестьянскими семьями, пропорционально числу рабочих рук. Среди мыслителей этого направления становится популярным лозунг «аграрного закона», почерпнутый из древней истории, в особенности из истории Рима и его аграрного законодательства. Само понятие «аграрного закона» отождествляется с понятием «черного передела». Несмотря на всю радикальность проектов подобного рода, они не становятся от этого ни на йоту коммунистическими. В самом деле, перед нами типичный образец аграрной, крестьянской утопии. Ведь главная утопия крестьянства, — как учил Ленин, — и состоит «в идее уравнительности, в убеждении, будто уничтожение частной собственности на землю и раздел земли (или землепользования) поровну способны уничтожить источники нужды, нищеты, безработицы, эксплуатации» (Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 251). Однако, оценивая значение уравнительных, «эгалитарных» лозунгов в буржуазно-демократической революции, мы должны иметь в виду, что утопична мысль, будто «уравнительность» может удержаться при товарном производстве», но «не утопично, а революционно в самом строгом, научном смысле слова стремление крестьян… отнять у помещиков земли и разделить их поровну» (там же, стр. 251, 252).

Поэтому-то и в буржуазной Французской революции лозунг аграрного закона, игравший передовую революционную роль, уже в первый период революции стал жупелом для правящей крупной буржуазии. Буржуазные дельцы из Учредительного собрания стремились к компромиссу со «старым порядком», с дворянством

и меньше всего думали об удовлетворении самых скромных крестьянских требований. Они декретировали выкуп «реальных» прав сеньора, к которым бесповоротно отнесли все наиболее ценные с точки зрения сеньора повинности, сделав условия этого выкупа чрезвычайно тягостными для крестьянина.

Гракх-Бабёф. С современной гравюры

Уже зимой 1790/1791 г. начались кое-где по деревням выступления крестьян, вызвавшие разговоры об аграрном законе. Защитники феодализма, в свою очередь, стремились запугать буржуазию и деревенских кулаков призраком всеобщей дележки. Так например, во время обсуждения в Учредительном собрании проекта об отчуждении церковной недвижимости представители духовенства всячески старались доказать, что подобное мероприятие проложит путь для страшного «аграрного закона». Аббат Мори предупреждал Собрание: «…Если нация имеет право вернуться вспять к возникновению общества, чтобы лишить нас нашей собственности, признававшейся законами в течение более чем 14 веков, то этот новый метафизический принцип приведет нас непосредственно ко всем восстаниям аграрного закона. Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать раздела этих земель,

которых не обеспечивает от захвата даже самое незапамятное владение». Епископ д'Юзес в свою очередь заявил: «Как только будет хоть раз нарушена священная ограда собственности, она вскоре подвергнется дальнейшим нарушениям; и вы скоро увидите, что будут произведены покушения на земельные и наследственные владения и что будет произнесено слово, разрушившее все великие общества, но вместе с тем всегда льстившее толпе, слово «аграрный закон» (речь Бетизи, епископа д'Юзес, от 23 октября 1789 г.).

После свержения королевской власти лозунг аграрного закона продолжает волновать умы правящей буржуазии. Два комиссара исполнительного совета Дюфруа и Моморо, посланные в Нормандию в начале сентября 1792 г. для ускорения рекрутского набора, распространили там «Декларацию прав», расширенную и дополненную двумя статьями. В одной подчеркивалось, что нация берется гарантировать лишь промышленную собственность, в другой провозглашался принцип временной гарантии того, что ложно называют земельной собственностью, до того момента, пока нация не издаст соответствующих на этот счет законов. Деятельность Моморо и Дюфруа вызвала волнения в Нормандии, где они вооружили против себя всю собственническую массу.

С проповедью аграрного закона выступил и некий священник Птижан из Эпинейля, предложивший своей пастве добровольно согласиться на отказ от своего имущества и разделить все свои земли. То же самое проповедовал де Бонвиль, поставивший в своей брошюре «О духе религии» вопрос о «средстве для подготовки всеобщего передела земель».

Публицисты контрреволюционной партии жирондистов в свою очередь стремились изобразить агитацию за аграрный закон как плод происков реакционеров и аристократов. Жирондистская газета «Патриотические летописи» писала по этому поводу: «С начала революции аристократы не переставали говорить об аграрном законе не потому, конечно, что они верили в его возможность, — они очень хорошо знали, что лежащая в его основании несправедливость делает его неосуществимым, — но им казалось, что самое слово способно посеять преступление и смуту в народе; они сделали из него пугало для собственников, чтобы привлечь их в свою партию… Таким образом всякий, кто говорит об аграрном законе, о переделе земли, есть явный аристократ, враг общества, злодей, которого нужно уничтожить…» Впрочем, по мнению газеты, «нечего бояться, что нация когда-нибудь примет принцип, разрушающий всякую собственность». И в дальнейшем жиронда постоянно использует

страх перед аграрным законом в своей борьбе с якобинцами. После февральских голодных бунтов в Париже, бунтов, которые открыто оправдывались представителями «бешеных», Конвент снова охвачен беспокойством. Он видит в этих беспорядках и в агитации «бешеных» угрозу самому принципу частной собственности. И вот 18 марта 1793 г. Конвент принимает декрет, которым «назначается смертная казнь всякому, кто предложит аграрный или какой-либо другой закон, подрывающий земельную торговую или промышленную собственность».

Между тем, даже якобинцы были, в сущности, далеки от лозунга аграрного закона. Робеспьер в своей речи о собственности, произнесенной 24 апреля 1793 г., заявил категорически: «Вы должны знать, что этот аграрный закон, о котором вы так много говорили, есть не что иное, как призрак, созданный мошенниками для того, чтобы запугивать дураков». Еще раньше этого, весной 1792 г., в статье, помещенной в № 4 «Защитников конституции», Робеспьер писал о «врагах революции»: «Не они ли старались с самого начала революции запугать всех богатых призраком аграрного закона — этого нелепого пугала, при помощи которого подлецы пугают дураков?»

Таким образом эгалитаризм якобинцев, представителей устойчивой мелкой буржуазии городов и середняцкого крестьянства, не достигал той высшей своей ступени эгалитарной идеологии, выражением которой служит лозунг аграрного закона. Между тем, сам по себе лозунг этот не перерастал рамок буржуазно-демократической революции, так как «отмена частной собственности на землю есть максимальное, какое только возможно в буржуазном обществе, устранение всех и всяческих загородок, мешающих свободному переходу капитала из одной отрасли производства в другую» (Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 410).

Проповедников аграрного закона следует искать налево от якобинцев-робеспьеристов, в среде той мелкой интеллигенции, которая явилась выразительницей настроений городского пролетариата, разоренных низов мелкой буржуазии и деревенской бедноты. К ней-то и примыкал Бабёф.

В своем «Постоянном кадастре» Бабёф потребовал раздела 66 миллионов моргенов земли между 6 миллионами французских семейств, из расчета 4-х человек на семью. Этот семейный надел в 11 моргенов после смерти отца семейства переходит к младшему из его сыновей. Остальные наделяются землей из государственного фонда. Отправным пунктом Бабёфа остается по-прежнему естественное право. «Общество, — пишет он, — есть не что иное, как большая семья, члены которой, содействуя каждый

соответственно своим физическим и интеллектуальным способностям общему благу, должны иметь равные права. Земля, общая мать, может быть поделена лишь на пожизненно сдаваемые участки, не подлежащие отчуждению. Мы не имеем в виду, преобразовывая мир, восстановить в точности состояние первобытного равенства, но мы стараемся доказать, что все впавшие в нищету имеют право потребовать восстановления равенства, если бы богатство продолжало настаивать на своем отказе в почетной помощи, приличествующей равным и не допускающей нового их падения до той оскорбительной нужды, в которую ввергли их в настоящий момент бедствия прошедших веков». В полном соответствии с традициями «буржуазных просветителей», Бабёф настаивает на исключительной важности воспитания. Еще Гельвеций, один из интереснейших представителей материалистического крыла «просвещения», утверждал, что «все зависит от воспитания». Бабёф придерживается этого положения и на основании его выводит необходимость равенства в воспитании. Кроме того он выдвигает уже знакомую нам мысль о введении единого прогрессивного налога, а также требование о создании национальной кассы для поддержки бедных. Его внимание привлекает судьба трудящихся. Рост крупных состояний, — концентрация капитала, сказали бы мы теперь, — привел к большому росту числа рабочих. «Из этого не только вытекает падение заработной платы, но также и то, что весьма значительное число граждан не может вообще найти работу даже за ничтожное вознаграждение, которое было фиксировано тиранническими и безжалостными богачами и которым волей-неволей довольствуется искусный работник, принужденный к тому своим бедственным положением. А между тем обычный припев людей, лопающихся от жира, заключается в том, что они посылают на работу несчастного, который, будучи лишен возможности удовлетворить самые насущные свои потребности, обращается к ним с просьбой о какой-либо поддержке. Их посылают на работу. Но где же они возьмут эту работу?»

В этом отрывке Бабёф всецело занят критикой явления, выросшего из роста капитализма, из распространения капиталистического способа производства. Вместо рассуждений общего порядка или страстных филиппик против феодализма, мы встречаемся впервые с постановкой вопроса о рабочем классе, о пролетариате. В этом заключается принципиальное значение приведенного отрывка. Здесь Бабёф имел мало последователей и единомышленников в первые, по крайней мере, годы революции. Из редких голосов, подымавшихся в эту пору на защиту рабочего

класса, можно отметить разве Дюфурни де Вилье, который, между прочим, также подчеркивал что «собственность и богатство, сосредоточенные в небольшой части общества, низводят огромное число людей на степень людей зависимых… вынуждаемых нищетой отдавать все свое время, все свои силы, самое свое здоровье за заработную плату, едва хватающую на хлеб, нужный для их пропитания». Тем ценнее для нас мысли Бабёфа, высказанные им в эпоху, когда философия и социология победившей буржуазии и не представляли себе существования пролетариата как особого класса в обществе.

В самых радужных чертах рисует Бабёф результаты проведения аграрного закона. «При такой площади хорошо обрабатываемой земли — какой высокой зажиточности могло бы достигнуть население! Какая чистота и простота нравов, какой безмятежный порядок могли бы царить среди народа, который принял бы столь мудрую форму общественного устройства, до такой степени точно соответствующую общим законам, предначертанным природой, нарушить кои позволил себе один лишь человеческий род!» Если уже в переписке с Дюбуа Бабёф предвидел неизбежность революции, то в письме к аббату Купэ он указывает на неизбежность нового этапа революции, этапа проходящего под знаком аграрного закона.

Бабёф предвидит ряд трудностей, вытекающих из занятой им позиции. «Нет почти ни одного человека, который решительно не отвергал бы аграрный закон. Могу ли я быть уверенным, что сам Ж.-М. Купэ соглашается со мной по этому вопросу? Не станет ли он вместе со всеми возражать мне в том смысле, что осуществление подобной меры поведет к разложению общества; что было бы несправедливо отнимать собственность у тех, кто приобрел ее законным путем; что с введением аграрного закона люди перестанут оказывать друг другу взаимную помощь и что, даже если допустить осуществимость этой реформы, дальнейшая мобилизация земли быстро приведет к восстановлению прежнего положения вещей? Захочет ли он удовлетвориться моим ответом, что земля должна быть неотчуждаемой; что каждый человек при рождении должен получить достаточный надел, подобно тому как дело обстоит с воздухом и водой; что по его смерти наследуют его участок не ближайшие родственники, а все общество; что как раз господствующая система отчуждения привела к сосредоточению всех богатств в руках одних и к полной экспроприации остальных… что в силу молчаливого соглашения плата за наиболее полезные функции была сведена до самого низкого уровня, в то время как вознаграждение за ненужные или даже вредные занятия было установлено в самом высоком

размере; что таким образом бесполезный работник получил возможность экспроприировать полезного и наиболее трудолюбивого рабочего… что если бы существовала более равномерная оценка различных видов труда, если бы некоторым из них не была придана искусственно вздутая ценность, то все работники оказались бы приблизительно одинаково богатыми; что таким образом новый передел земли может только восстановить прежнее положение вещей… что, если бы земля была объявлена неотчуждаемой (система, окончательно опровергающая то возражение, что после всеобщего передела дальнейшая мобилизация земли приведет к восстановлению неравенства), то каждому человеку всегда было бы обеспечено его владение, и нам не приходилось бы вечно терзаться опасениями за участь наших детей; эта реформа привела бы не к разложению общества, а водворила бы на земле золотой век и всеобщее благоденствие; она создает спокойствие за будущее и прочное счастье, гарантированное от капризов случая, положение, которое должны были бы предпочесть даже величайшие счастливцы, если бы они могли здраво понимать свои истинные интересы… что, наконец, совершенно неверно, будто неизбежным последствием нового общественного устройства явится и исчезновение искусств, так как, напротив, совершенно очевидно, что не все же население сможет заниматься земледелием; что каждый отдельный человек тогда, как и теперь, не будет в состоянии собственными силами производить все необходимые машины; что мы по-прежнему не перестанем поддерживать между собой обмен услуг и что — за исключением того обстоятельства, что каждая личность будет владеть неотчуждаемым достоянием, которое во всякое время, и при всех условиях доставит ей основной источник существования и решительно обеспечит ее от нужды, — все остальные условия развития человеческой предприимчивости останутся такими же, как и в настоящее время?»

Бабёф далее останавливается на тех политических мероприятиях, которые составляют необходимую предпосылку проведения аграрного закона. Прежде всего необходимо признать, что «Учредительное собрание — нелепость», ибо оно пытается поставить рамки народному суверенитету; во всякое время депутаты, уполномоченные народом, обязаны принимать все меры, направленные к доставлению средств существования большинству народа, лишенному работы. Отсюда следует: «аграрный закон — действительное равенство». Точно так же право «вето», право отвергать и утверждать законы должно принадлежать народу, который не замедлит воспользоваться им для проведения «меры, обеспечивающей его существование —

аграрного закона». Должно быть установлено действительное равенство граждан при занятии должностей, избирательное право должно быть распространено на всех граждан, им должна быть предоставлена полная свобода собраний; отмена военных судов, демократизация национальной гвардии и контроль над законодательной властью дополняют эту систему демократических гарантий. Осуществление ее приведет к «требованию основных прав человека, а следовательно обеспечению всем гражданам куска честного хлеба; к аграрному закону».

Дальше Бабёф предлагает оживить работу Собрания, перенеся в его пленум обсуждение всех общенациональных вопросов, совершенно упразднив всякие комитеты; это должно, по его мнению, вдохнуть новую энергию в деятельность депутатов, должно заставить их «озаботиться обеспечением всем гражданам средств к существованию, то есть проведением аграрного закона». «На обсуждение всех вопросов должно отводиться достаточное время… В результате на решение этих вопросов смогут оказывать влияние не только говоруны, вертопрахи, вечные болтуны; таким образом, у фразера… отнимается легкая возможность устранить хорошее предложение посредством ловкого приема… и, если речь зайдет о тех, чьи нужды требуют безотлагательного удовлетворения, честный человек всегда сумеет взвесить и поддержать предложение и добиться торжества милосердия. А это большой шаг вперед по направлению к аграрному закону».

Итак, полная демократия должна повлечь за собой осуществление аграрного закона, а отсюда следует важный тактический вывод. Не форсируя хода событий, не вскрывая преждевременно своих планов, сторонники аграрного закона должны бороться за дальнейшую демократизацию учреждений, созданных революцией, постепенно внедряясь в растущую демократию. Бабёф сам ориентируется на якобинцев: «Присмотритесь внимательно к Робеспьеру, и вы убедитесь, что и он в конечном счете является аграрианцем. Но эти знаменитости принуждены пока лавировать, так как они сознают, что удобное для них время еще не наступило…» Время не наступило еще и для самого Бабёфа: «Человека, который решился бы напрямик предложить нашему несчастному Собранию такие идеи, ожидал бы неважный прием. Вот почему его добродетель для борьбы с испорченностью принуждена будет прибегнуть к тому оружию, которым обычно пользуется последняя: политике надо противопоставить политику. Необходимо будет возможно тщательнее замаскировать первые мероприятия так, чтобы никто не мог заметить, к какой цели они стремятся».

Таковы значение и смысл предлагаемой Бабёфом программы. Перед нами типичная мелкобуржуазная утопия, отстаивая которую Бабёф объективно боролся лишь за последовательно демократический путь развития капитализма. «Понятие национализации земли, — читаем мы у Ленина, — сведенное на почву экономической действительности, есть категория товарного и капиталистического общества» (Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 393). Но в то же время национализация земли означает, что ликвидация феодальных отношений производится «революционно-крестьянским методом», при котором гнилая ветошь всех форм средневекового землевладения стряхивается сразу и целиком.

Бабёф и выступал за такой революционно-крестьянский метод, связывая при этом свое аграрное уравнительство с проведением широчайшей политической демократии, вплоть до референдума, до всенародного голосования законов.

Здесь же было заключено зерно расхождения Бабёфа с Робеспьером. Как известно, якобинская диктатура не шла в своем эгалитаризме так далеко, как этого требовал Бабёф. С другой же стороны, вместо осуществления демократии, она должна была вступить на путь режима революционного правительства, на путь беспощадного террора. Между тем, к идее диктатуры Бабёф пришел значительно позже.

Вернемся теперь к прерванному нами изложению событий жизни Бабёфа. Мы уже видели, как вовремя для него разразилась революция 10 августа. Уже в сентябре Бабёф занял административный пост в департаменте Соммы, переехал в департаментский город Амьен, и здесь, по своему обычаю, начал проявлять самую кипучую деятельность.

Стояли осенние дни грозного 1792 года. В Париже заседал Конвент, бросавший Франции пламенные призывы к борьбе, к защите революции. Внешний враг угрожал своим вторжением со стороны восточной границы, а внутри страны плелись искусные махинации контрреволюционеров, дворян, неприсягнувших священников. Экономическое положение резко ухудшилось. Хлеб исчезал с рынка, кое-где начинался голод.

Такова была обстановка, в которой приходилось действовать Бабёфу. За короткое время он положительно везде успел проявить свою неукротимую энергию. В октябре он разоблачил роялистский заговор, имевший целью сдать австрийским войскам город Перрон. Затем его внимание привлек голод в округе Аббевиль, искусственно вызванный спекулянтами-перекупщиками в целях повышения цен на хлеб. Как и в Руа, ему пришлось столкнуться сначала с глухим недовольством, а потом и с

активным противодействием своих коллег по администрации. Его революционное рвение толковалось ими как проявление неустойчивости и необдуманности в поступках и бестактности. Бабёфу пришлось покинуть пост в департаментской администрации и перейти на администраторскую должность в Мондидье. В округе Мондидье должность прокурора синдика занимает его давнишний враг Лонгекан, преисполненный самой решительной враждебности в отношении Бабёфа. Оплошность, допущенная самим Бабёфом при исполнении им своих служебных обязанностей, дала Лонгекану давно желанное оружие против опасного агитатора.

MUNICIPALITÉ DE PARIS.

DEPARTEMENT DES SUBSISTANCES ET APPROVISIONNEMENS

DIVISION DES GRAINS ET FARINES

Paris, 5 Juin Vers 2 de la République française.

Les Administrateurs des Subsistances prient le Citoyen Le Grand-Lebrun, Garde de archives de la Commune, d'ordonner bien remettre au Citoyen porteur de la présente, les exemplaires de la loi relative à la taxe du prix des lettres, imprimé, ouvrages périodiques, &c.

Pour les Administrateurs.

G. Babeuf

Автограф Бабёфа. Служебная записка на бланке департамента снабжения и продовольствия парижского муниципалитета

История «преступления», якобы совершенного Бабёфом, история, сильно повредившая ему как при жизни, так и после смерти, вкратце такова: в Мондидье, как и во всей Франции, происходила продажа национальных имуществ. 13 декабря 1792 года продавалась с торгов ферма, оцененная в 29 с лишним тысяч ливров. На предварительных торгах максимальную цену предложил некто Дебрен, но на окончательных торгах, состоявшихся 31 декабря, ферма осталась за неким Девилла, занимавшим пост президента округа Мондидье, который тут же поручил произвести покупку третьему лицу, некоему Левавассеру, обязавшемуся немедленно внести требуемую за ферму сумму. Приблизительно через месяц после торгов Девилла аннулировал полномочие, данное им Левавассеру, на том основании, что соответственный акт не был заверен должным образом, и попросил Бабёфа и еще одного чиновника из

окружной администрации заменить в акте имя Левавассера именами Дебрена и его компаньона по покупке Леклерка. Бабёф зачеркнул дважды имя Левавассера и вписал новые имена, следуя указаниям Девилла. Он совершил, конечно, большую оплошность и поступил в высокой степени неблагоразумно, рискуя своей репутацией администратора. Оплошность эта, впрочем, конечно не имела никаких корыстных мотивов, зато она дала Лонгекану и компании прекрасный повод для нападения на Бабёфа.

Бабёфа обвинили в служебном подлоге. 4 февраля Бабёфа отстранили от должности и дело его передали прокурору в Мондидье.

Между тем, Бабёф отправился в Париж, чтобы протестовать против действий департаментской администрации. Узнав о передаче дела прокурору, он решил остаться в столице. Здесь у Бабёфа нашлись друзья: Сильвен Марешаль — известный журналист, неутомимый проповедник безбожия и будущий участник «заговора равных» — устроил его на службу сначала в продовольственную администрацию при Парижской коммуне, потом в Комиссию продовольствия при Комитете общественного спасения.

Жил Бабёф в Париже открыто, нигде не скрывался, принимал у себя жену и детей. Лучшим его оправданием могло послужить то, что и сам Бабёф и семья его по-прежнему не вылезали из самой жестокой нужды. «Несчастные, — писал он в это время жене, — они обвиняют меня в том, что я изменил своим обязанностям ради денег. Пусть придут они посмотреть на дело своих рук! На моих детей, которые плачут, потому что у них нет хлеба!»

Та новая служба, на которую устроили Бабёфа его друзья, требовала добросовестности, рвения и наличия революционного чутья. Никогда еще за время революции продовольственный вопрос не стоял так грозно, как в эти зимние месяцы 1793/94 года. Когда рука реакционной шайки из Мондидье дотянулась до Парижа и Бабёф был арестован (14 ноября 1793 года), администраторы Парижского полицейского департамента Меннессье и Данже сочли своим долгом адресовать прокурору округа Мондидье письмо, в котором между прочим писали: «Гражданин Бабёф и до своего поступления на службу и во все время службы не дал никакого повода, по крайней мере насколько нам это известно, сомневаться ни в его гражданских чувствах, ни в его честности».

Максимилиан Робеспьер

Один из этих администраторов Меннессье стал впоследствии деятельным участником «заговора равных».

Благодаря вмешательству друзей Бабёф 7 декабря был вновь выпущен на свободу. За него поручились Сильвен Марешаль, член Конвента Тибодо и некий профессор Добе. Однако вернуться на службу ему не удалось. Комиссия продовольствия запросила на его счет министра юстиции и получила отрицательный ответ. 30 января 1794 года Бабёф по собственной инициативе вернулся в тюрьму.

Буржуазные политики Мондидье обратили против Бабёфа испытанное орудие клеветы — прием, который буржуазия не устанет и впредь применять против вождей и борцов пролетариата. Бабёфу оставалось теперь добиваться реабилитации. В тюрьме он написал обращение к комитетам Национального конвента и к министру юстиции Гойе, в котором добивался вторичного рассмотрения своего дела в любом суде за пределами департамента Соммы, лучше всего в революционном трибунале.

По докладу Мерлена из Дуе Конвент 13 мая передал дело в кассационный трибунал. Здесь решение амьенского трибунала сначала кассировали, а потом все дело передали в трибунал департамента Эны. Самого Бабёфа перевели в тюрьму в Лаон.

Энский трибунал 18 июля 1794 года нашел возможным освободить Бабёфа, не решаясь, впрочем, вынести какое-либо окончательное решение.

После почти полугодового заключения Бабёф получил возможность вновь увидеться со своими. Его сын Эмиль, названный так в честь одного из героев Жан-Жака Руссо, опасно заболел и болезнь его удержала Бабёфа в Лаоне. Но пока для Бабёфа в Лаоне тянулись долгие дни у постели больного сына, в Париже Французская революция переживала свой самый решительный, самый трагический кризис.

Велико было историческое значение революционной диктатуры мелкой буржуазии. Велика была историческая роль «Конвента, как диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 372).

Именно господство «низов», «плебейства» XVIII века, как выражался Ленин обеспечило Французской революции тот ее размах, в силу которого она до наших дней остается классическим образцом буржуазно-демократической революции. Именно этим объясняется то, что «господство террора во Франции могло послужить лишь тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. V, стр. 206).

Однако, по указанию Маркса, «в эпоху революции и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 годах, во Франции они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии…» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 54).

Якобинцы, возглавившие революционный режим 1793–1794 годов, не были наиболее левой, наиболее крайней политической группировкой. Да иначе и не могло быть, потому что они были на всем протяжении своего пребывания у власти представителями устойчивой мелкой буржуазии, влево от которой расположены были общественные «низы» городской и сельской бедноты. Представителями этой бедноты выступали эбертисты и «бешеные». Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, — писал Ленин, — состояло в том, что они были «якобинцами с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 435).

В течение исторической зимы 1793, 94 года широкий плебейско-демократический блок, на который опирался Робеспьер, распался. «Крайнее направление», представленное, по Марксу, эбертистами (Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 396), перестало блокироваться с робеспьеровской мелкой буржуазией. Политическим выражением этого была борьба Робеспьера сначала против «бешеных» и затем против эбертистов, окончившаяся казнью эбертистских вождей и разгромом эбертистской парижской коммуны. Отсюда — сужение социальной базы якобинской диктатуры. Отсюда — бессилие мелкобуржуазной диктатуры в разрешении тех задач, которые представлены были весной 1794 года всем ходом революции. Выхода из положения Робеспьер искал в противоречивой, полной колебаний политике, в которой вантозовские декреты о распределении среди бедноты имущества осужденных контрреволюционеров и прериальский террористический закон об усилении деятельности революционного трибунала сочетались с послаблениями торговой буржуазии и крестьянству в вопросе о применении максимума и с усиленным нажимом на рабочих, в целях удержания заработной платы на уровне, предусмотренном максимумом.

Укрепление экономических позиций новой буржуазии только усилило ее враждебное отношение к робеспьеровскому режиму. Новые богачи требовали безудержной свободы капиталистического накопления, ликвидации всяких эгалитарных устремлений и «солидных» гарантий против городских низов. Буржуазные перерожденцы, вроде Тальена и Фрерона, смастерили заговор против Робеспьера. Опираясь на буржуазное оппортунистическое большинство Конвента, на так называемое «болото», располагая поддержкой оппозиционной Робеспьеру части правительственных комитетов и используя депрессию, овладевшую парижскими массами еще со дней гибели эбертистов, они устроили 9 термидора контрреволюционный переворот, положивший конец диктатуре мелкой буржуазии. В республике нуворишей ажиотаж должен был заменить закон о максимуме, продажный Барра — «неподкупного» Робеспьера, господство крупной буржуазии — диктатуру революционного мещанства.

Казнь Робеспьера. С картины английского художника Бенса

Глава III
Бабёф в дни термидорианской реакции

1

9-го термидора во Франции происходит контрреволюция. У власти оказываются термидорианцы — ставленники крупной спекулятивной буржуазии. Их база — «новая» буржуазия, «нувориши» — новые богачи всех мастей, выросшие, как грибы, на болотистой почве военных поставок, подрядов, спекулятивных предприятий, ажиотажа вокруг продажи национальных имуществ и нечистых сделок с иностранной валютой. Основная черта всех этих нуворишей — хищничество, безграничная алчность, рвачество, соединенное с политической беспринципностью и звериной ненавистью к павшему режиму якобинской диктатуры и его деятелям. Выскочки, обязанные своим внезапным обогащением самым темным махинациям, отбросы великого революционного процесса, — вот кто приходит к власти на следующий день после свержения Робеспьера. Их союзником в деревне выступает кулак-ростовщик и мироед, вдоволь насытившийся эмигрантскими и церковными землями и мечтающий о твердой власти и «порядке».

Политика победивших термидорианцев направлена на последовательную ликвидацию аппарата революционного правительства, как он сложился при Робеспьере, и на развязывание всех сил реакции. Дантонисты, жирондисты, даже роялисты вновь возникают из политического небытия, в которое их погрузил разящий меч якобинского террора. При этом термидорианцы корчат из себя поборников демократии и защитников политических свобод, поруганных Робеспьером. Лозунг свободы печати подхватывается реакционерами всех мастей, пользующимися этой свободой для разнузданной погромной агитации, направленной против якобинцев и против всех вообще левых группировок.

Вся Франция наводняется потоком брошюр, в которых повествуются всякие небылицы о «свергнутых тиранах» и смешиваются с грязью вожди якобинской партии. Контрреволюционная пропаганда ведется со страниц газет и памфлетов, театральных подмостков, с трибуны Национального

конвента. Начинаются репрессии против деятелей павшего режима, переходящие вскоре, в особенности в провинции, в настоящую волну белого террора.

Политические группировки, находящиеся в оппозиции к победившим термидорианцам, бессильны преградить путь реакции. Они разъединены и враждуют между собой. Это, во-первых, так называемые «левые термидорианцы» или, как называют их термидорианские журналисты, «охвостье Робеспьера». Вожди их — Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа и др. — приняли активнейшее участие в термидоровском заговоре, сыграв в нем сугубо контрреволюционную роль. Их социальная база — мелкая буржуазия, в низших ее слоях, нищающие мелкие предприниматели и торговцы, прослойки, смешанные с тем ядром мелкой буржуазии, на которое опирались робеспьеристы, но отколовшиеся от него в момент распада возглавленного якобинцами революционно-демократического блока. Их центр, это — оскопленный после 9 термидора якобинский клуб, руководство которого всячески пытается приспособиться к существующему порядку вещей, бессчетное число раз отмежевываясь от Робеспьера и его сторонников. Впрочем, эта тактика, сводящаяся к сдаче на милость Победителя, не приводит ни к чему, и 12 ноября — 22 брюмера — Конвент, по предложению своих комитетов, окончательно ликвидирует якобинский клуб, лишая парижскую мелкую буржуазию главной ее политической опоры.

Наконец, на крайне левом фланге располагаются «электоральцы», объединяющиеся вокруг так называемого электорального клуба. Они представляют рабочий класс и сблизившиеся с ним группы разоренной, пауперизированной мелкой буржуазии. Сочувствие, выражаемое ими на первых порах правым термидорианцам, является историческим недоразумением. Им кажется, что, содействуя разрушению революционного правительства, преследуя якобинцев, они продолжают на благо революции борьбу с силой, уничтожившей коммуну и пославшей на эшафот Эбера и Шометта. От этой иллюзии их быстро излечивают уроки классовой борьбы, ставящей их лицом к лицу со всей неприглядностью режима победивших термидорианцев.

В дни, когда Париж спекулянтов, кокоток, продажных журналистов и роялистских агентов шумно празднует свой триумф над поверженным в прах врагом, Париж рабочих предместий с недоумением и тревогой, переходящей в чувство жгучей классовой ненависти, следит за маневрами термидорианских властей. В области экономической политики

термидорианцы выступают с лозунгом свободной торговли, означающей свободу накопления для нуворишей и угрозу голодной смерти для рабочих масс. Экономическое положение катастрофически ухудшается изо дня в день. После 9 термидора срыв максимума, задолго до формальной его отмены, приобретает массовый характер. Параллельно с этим начинается полный развал ассигнационного обращения и резкое падение курса бумажных денег. Если в июле 1794 г. за 100 ливров бумажными деньгами давали 34 золотых ливра, то в январе 1795 г. дают только 18. Таким образом, за эти семь месяцев средний курс ассигнаций понижается на 50 %, причем в общей своей стоимости они теряют 83 %. Торговцы, чтобы не отстать от падающего курса, ежедневно взвинчивают цены, чем со своей стороны способствуют окончательному обесценению ассигнаций.

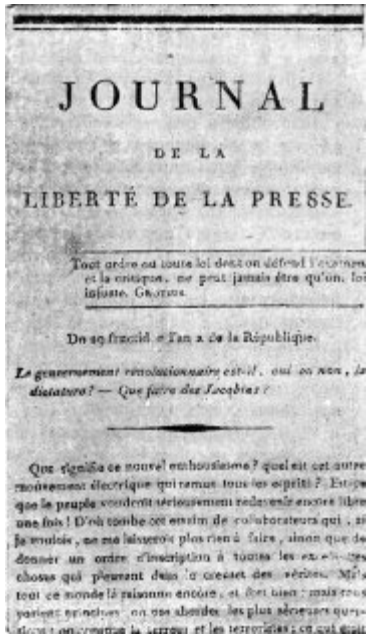
Прериальские дни. Толпа восставших в Конвенте. С картины Делакруа

«Торговая аристократия отважно подымает голову. Кажется, что равнодушие, проявляемое в отношении нарушений закона о максимуме, подготовляет ее торжество. Мы не устанем' повторять, что ропот вокруг продовольственного вопроса все усиливается и возрастает по мере приближения зимы. Инспектора, коим поручено следить за рынками, и торговцы съестных припасов жалуются на нарушение закона о максимуме и на опасности, которым они подвергаются при бесплодных попытках привести его в исполнение… Ажиотаж достиг своей вершины: крупные торговцы пишут, тревожатся, шумят, совершают путешествия для того, чтобы запастись товарами

всякого рода, и продают их с большой прибылью…» Так гласит отрывок из донесения полицейских агентов Мере и Виара от 3 вандемьера III года республики (24 сентября 1794 года).

А вот бытовая сценка, типичная для Парижа в эпоху термидорианской реакции: «На улице Бур л'Аббэ стоят длинные хвосты за свечами, в которых происходят драки между женщинами из-за первенства в очереди. Торговцы продают свечи отдельным богачам по четыре франка за ливр, причем поставляют свой товар в изобилии, в то время как неимущие санкюлоты и рабочие лишены их совершенно, так что за отсутствием по вечерам необходимого освещения не могут полностью отрабатывать свой дневной заработок».

Ропот по поводу дороговизны не прекращается в течение всей зимы. По словам одного донесения, только три вещи интересуют столичное население: дрова, уголь и мыло. Шум, производимый толпой, ожидающей прибытия угля, мешает спать обитателям соседнего квартала. Распределение прибывших запасов вызывает целую свалку. Мука доставляется нерегулярно, так что подчас лавки стоят закрытыми целый день, в то время как в Париже голодные массы уверены в существовании где-то запасов, награбленных в провинции. В кабаках среди посетителей уже в декабре слышны разговоры о неизбежности гражданской войны, о том, что придется проткнуть пиками брюхо лавочников, а в январе раздается угроза «потребовать у купцов, когда рабочим больше ничего не останется, и заставить их дать хотя бы под угрозой, потому что рабочих тридцать тысяч человек». Или же полицейские агенты подслушивают такого рода разговоры среди рабочих: «Как же хочет Конвент, чтобы мы существовали? Сокращают нашу работу в такое суровое время года; хозяева собираются уменьшить нашу заработную плату, в то время как все вздорожало сверх всякой меры, но всему этому должен же прийти конец». И так продолжается всю зиму. «Народ ропщет против торговцев, которые ежедневно поднимают цены на предметы первой необходимости».


JOURNAL

DE LA

LIBERTÉ DE LA PRESSE.

Tout ordre ou toute loi dont on défend l'examen et la critique, ne peut jamais être qu'un fait injuste. Gravina.

Du 29 fructid. an 2 de la République.

Le gouvernement révolutionnaire est-il, ou est-ce non, la dictature? — Que faire des Jacobins?

Que signifie ce nouvel enthousiasme? quel est cet autre mouvement électrique qui remue tous les esprits? Est-ce que le peuple voudrait sérieusement redevenir encore libre une fois! D'où tombe cet essaim de collaborateurs qui, si je voulais, ne me laisseraient plus rien à faire, sinon que de donner un ordre d'inscription à toutes les [illegible] choses qui peuvent dans la crevasse des révolutions. Mais tout ce monde-là raisonne encore, et fort bien; mais trop variant en opinions, on me abordes les plus sérieuses questions, on me consulte le serrou et les terroristes; on qui était

«Газета свободы печати»

Но именно великий голод зимы 1794/1795 г. пробуждает революционную энергию рабочего класса и поднимает его на восстание, колеблющее в жерминале и прериале самые основы термидорианской реакции.

2

С первыми днями термидорианской реакции для Бабёфа начался новый период политической деятельности. Энский трибунал в Лионе вынес ему 17 августа (30 термидора) оправдательный вердикт. Вердикт этот дал Бабёфу возможность окончательно переехать в столицу. Уже во вторую половину августа он был в Париже, а 3 сентября появился первый номер редактируемой Бабёфом «Газеты свободы печати».

Широкий антиякобинский поток захлестнул Бабёфа. Правда, он приветствовал падение Робеспьера по совсем другим мотивам, чем «люди 9 термидора». Мы видели, что уже в первые годы революции Бабёф выступил как убежденный сторонник аграрного закона и политической демократии. Как «аграрианца» и демократа, его не мог удовлетворить режим якобинской диктатуры. Эгалитаризм Робеспьера так и не перерос в систему «черного передела», а демократию, якобинцы ущемили весьма основательно. Для самого Бабёфа время господства якобинцев совпало с нуждой, с нищетой и тюремным заключением. Во время

недолгой службы в комиссии продовольствия он стоял ближе всего к эбертистско-шометтовским кругам, которым симпатизировал и его покровитель Сильвен Марешаль. Не уяснив смысла термидоровского переворота и не разглядев истинного лица победителей, Бабёф примкнул к громкому хору хулителей павшей диктатуры.

Отрезвление наступило очень скоро. В политический биографии Бабёфа эти дни поздней осени 1794 года образуют период кратковременных иллюзий, быстро осознанных и изжитых. Нам важно проследить, под влиянием каких событий произошел разрыв Бабёфа с термидорианцами и как складывалась зимой 1794/1795 г. его политическая и социальная программа.

Прежде всего, Бабёф остается завзятым защитником формальной демократии и, в частности, свободы печати. Заглавие его газеты не случайно. Оно тесно связано со всей политической линией Бабёфа, проводившейся им в первые месяцы термидорианской реакции. Эпиграфом для первого номера газеты взяты слова из речи депутата Фрерона, одного из наиболее прожженных заправил реакции: «Тот, кто хочет поставить какие-либо границы свободе печати, должен будет задушить истину и заставить процветать подозрения». «Я открываю, — пишет Бабёф, — трибуну для того, чтобы защищать права печати. Я укрепляю позиции, чтобы дать ей батальон защитников». С необычайным жаром обрушивался он на проповедников ограничений свободы печати. В свободе этой Бабёф видит «единственное средство защиты народа против бича олигархии, единственную преграду честолюбию».

Не забудем, что как раз в это время крепнущей реакции требование свободы печати было знаменем реакционных, зачастую скрыто монархических кругов. Именно правые термидорианцы, вроде Дюбуа-Крансэ, Тальена, Фрерона, выступали с требованием неограниченной свободы слова и печати. Циничный прожигатель жизни, кутила, казнокрад, вор, грабивший население подвластных ему департаментов, инициатор массовых расстрелов, совершенно не оправданных с точки зрения революционной целесообразности, — таков был Станислав Фрерон, из речи которого, произнесенной в заседании Конвента 9 фруктидора, Бабёф заимствовал свой эпиграф.

Объективно свобода печати не могла не означать свободы и для контрреволюционной агитации. Вот чего не уяснил Бабёф, ринувшийся в схватку, не разобравшись хорошенько в смысле происходивших вокруг него событий.

Не разобравшись в событиях, Бабёф не разобрался и в людях.

Отстаивая свободу печати, Бабёф всецело следует аргументам Фрерона, которого он в № 7 называет своим соратником и собратом. В № 17 Тальен и Фрерон причисляются к «могучим чемпионам народных прав». В том же номере Бабёф рассказывает о несостоявшейся дуэли Фрерона с якобинским депутатом экс-маркизом Шатонеф-Рандон. Фрерон должен был бы, по мнению Бабёфа, вспомнить в подобном случае «прекрасное поведение благородного и несчастного Камилла Демулена»… Демулен для Бабёфа — «великая жертва». Настало время проклясть его убийство и пролить не скрываясь несколько слез над его могилой. Вызванный на дуэль, Демулен отложил принятие вызова до того времени, когда родина перестанет нуждаться в его услугах. «О, Фрерон, — пишет Бабёф, — бери в будущем пример с доброго Камилла: помни, что ты не принадлежишь себе, что отечество нуждается в твоих знаниях… и что, покушаясь на тебя, в твоем двойном звании депутата и публициста-просветителя, посягают на самый народ».

Тут же открыто солидаризуется Бабёф с Тальеном и с Мерленом из Тионвиля. «О, Мерлен, — пишет он в № 5 своей газеты, — ты устранил главный камень преткновения, восстав наконец против **этого правительства, которое все ненавидит, против этого кровавого правительства, которое друзья хотят стереть со страниц истории**».

Любопытно также суждение Бабёфа о термидоре: в течение пяти лет проделывает Франция революцию, «но нужно иметь мужество признать, что в конце концов мы допустили торжество контрреволюции». Это произошло в тот период, когда имели место первые покушения на свободу мнений. «10 термидора началась новая эра, с этого дня мы неустанно работаем для того, чтобы возродить свободу». Бабёф жалуется на видимую недостаточность того, что произошло в термидоре. «Наши Первые революции шли шагами гигантов; революции 10 термидора едва хватило на то, чтобы расправиться с тираном и несколькими его сообщниками. Эта революция должна была бы быть дополнена, она должна была бы разбить на тысячу кусков презренные оковы, поработившие печать». Термидор кажется Бабёфу «новой эпохой в революции».

С большой симпатией отзываясь о Марате и его газете «Друг народа», Бабёф оплакивает «низость Робеспьера», погубившею столько людей, в свое время мужественно помогавших Марату. «Максимилиан жестокий», «Робеспьер-император» — таковы эпитеты, которыми он по-прежнему награждает Робеспьера. В № 5 газеты Бабёф собирается разоблачать якобинцев и высказывает большое возмущение по поводу покушения на Тальена, одного из

наиболее беспринципных вождей термидорианской реакции, покушения, едва ли не инсценированного, к слову сказать, для вящего посрамления всех противников нового режима. Атака против якобинского клуба ведется планомерно и в следующих номерах. По мнению Бабёфа, якобинцы готовы требовать, как требовал этого тиран Робеспьер, чтобы «кровь текла широкими потоками, чтобы была уничтожена безопасность и собственность частных лиц… чтобы были заполнены тюрьмы и упразднена всякая свобода мысли и слова». Им приписывается то организация восстания в Марселе, то «чудовищный проект» умерщвления членов Конвента. «Граждане, — взывает Бабёф, — мы переживаем один из наиболее критических моментов революции, столь же критический, как и 9-е термидора. Дело идет теперь, как и тогда, об уничтожении Конвента, о подчинении республики игу нескольких грубых тиранов». Он больше всего опасается поощрения якобинцев со стороны колеблющегося Конвента. Его возмущает адрес народного общества в Дижоне, «зажигательный адрес», встреченный аплодисментами у якобинцев, разглашенный в секциях Парижа и в департаментах. Между тем этот адрес содержал требования, удовлетворение которых только и могло приостановить безостановочный рост буржуазной реакции. Дижонцы настаивали на организации окружных революционных комитетов, на предоставлении им права арестовывать подозрительных на основании закона 17 сентября 1793 г., одним словом — на продолжении режима революционного правительства. И эту-то программу обороны революции Бабёф разоблачал как «зажигательный адрес», как контрреволюционную затею якобинцев!

Немудрено поэтому, что и якобинцы или, точнее, «левые термидорианцы» видели в Бабёфе такого же врага, как в Тальене или Фрероне. Не делая никакого различия между «Народным оратором» — органом Фрерона — и «Газетой свободы печати», якобинцы, как на это жалуется сам Бабёф, преследовали и разгоняли продавцов этих анти-якобинских газет.

Следует ли из всего этого, однако, что Бабёф стал простым прихвостнем всяких Фреронов и Тальенов, каким его пытаются изобразить некоторые буржуазные историки, вроде недавно скончавшегося Альбера Матьеза? Конечно, нет. У Бабёфа была определенная политическая программа, далеко не совпадавшая с той, которую защищали правые термидорианцы. Программа эта разделялась не им одним, а целым течением, составившимся из осколков разбитых еще в пору якобинской диктатуры группировок «бешеных» и эбертистов, группировок, выражавших, как мы уже знаем, интересы пролетариата и пролетаризованных

низов мелкой буржуазии. Осколки эти объединились вокруг так называемого электорального клуба, сыгравшего крупную роль в течение первых месяцев термидорианской реакции. Электоральцы боролись за восстановление органов революционного самоуправления, разрушенных еще робеспьеристами. Конвенту и революционному правительству они противопоставляли Парижскую коммуну, секции и народные общества. Такая их программа, в эпоху до 9 термидора оказывалась направленной против диктатуры мелкой буржуазии, игравшей роль гегемона революции.

Но после 9 термидора условия круто изменились. Теперь «бешеным» и эбертистам противостояла вышедшая из контрреволюционного термидоровского переворота диктатура новоришей, диктатура новой крупной буржуазии. Старые лозунги, вплоть до лозунга конституции 1793 г., приобретали теперь новый революционный смысл. К этим «лозунгам, защищавшимся электоральцами, примыкал и Бабёф. Несомненно также, что он принял самое живое участие в организации и в повседневной работе клуба. Придется поэтому сказать несколько слов и о самих электоральцах.

Буржуазные модники эпохи термидорианской реакции и Директории. По рисунку Верне

Возникновению клуба предшествовало брожение в рабочих секциях Парижа. Здесь все еще сильны были уцелевшие соратники Эбера, Шопетта и Жака Ру. Здесь питали неприязнь к новым господам положения и одновременно сохраняли достаточно горькое воспоминание о последних месяцах робеспьеровского режима. Именно в этой среде эбертисты повели агитацию за восстановление Парижской коммуны. Еще 30 термидора, под прямым воздействием этой агитации, секция Музея приняла адрес Национальному конвенту, в котором содержалось требование выполнения законов, касающихся организации власти на местах, смещения агентов-назначенцев

«свергнутой тирании» и «народного избрания должностных лиц».

Против этого адреса ополчились и правые и левые термидорианцы, заседавшие в «очищенном» от робеспьеристов якобинском клубе. Ни те, ни другие ничего не хотели слышать о выборности властей, а тем более о восстановлении под тем или иным предлогом Коммуны, этой грозной соперницы Конвента и его комитетов. В буржуазных и мелкобуржуазных секциях петицию ошельмовали, а в Конвенте ее объявили «плодом коварства и интриги», результатом происков «интриганов и иностранцев».

Между тем движение, начавшееся в секции Музея, приобрело определенный центр. Им стал электоральный клуб, заседавший в одной из зал канцелярии парижского архиепископа. В этом помещении в 1792 и 1793 гг. происходили собрания избирателей Парижского департамента. По этой причине и клуб стал называться клубом избирательного собрания или просто электоральным (избирательным) клубом.

Не успел еще клуб проявить себя, а на него уже поступил донос. Обвинение в «эбертизме» брошено было 20 фруктидора с трибуны Конвента Бийо-Варенном. В этот день у решетки Конвента появилась делегация клуба, представившая петицию с требованием неограниченной свободы печати и выборности общественных чиновников. Бийо-Варенн вспомнил роль клуба при Робеспьере. «Он принял участие в заговоре Эбера; сегодня, когда назревает новый заговор, его опять выдвигают на первый план». Бийо предложил переслать петицию в Комитет общественной безопасности, что и было принято Конвентом.

Обвинение Бийо-Варенна вызвало чрезвычайно резкие возражения со стороны Бабёфа. «Это общество, — писал Бабёф, — менее всего похоже на центр заговорщиков, быть может оно является последним оплотом свободы». По уверению Бабёфа, электоральцы не имеют ничего общего с клубом, существовавшим в эпоху Эбера. Электоральцы соорганизовались после смерти Робеспьера. Бабёф удостоверяет, что он сам присутствовал на заседаниях электорального клуба.

«Принципы, которые там проповедывались, заставляют меня предположить, что он (клуб) составлен из порядочных людей».

Адрес секции Музея и петиция электоральцев от 20 фруктидора формулируют одну и ту же политическую программу. В петиции усиленно подчеркивается, что только благодаря узурпации народного суверенитета парижский муниципалитет стал орудием в руках Робеспьера. Как мы видим, это та же мысль, какую проводит адрес секции Музея. «Мы просим, — говорится в петиции электоральцев, — …чтобы никогда не наносился ущерб

принципам, вверяющим одному народу право выбора должностных лиц». Тождество политической терминологии вскрывает тесную связь, установившуюся между руководителями электорального клуба и вожаками секции Музея.

В своем органе «Газета свободы печати» Бабёф в одинаковой степени отстаивал и секцию Музея и электоральцев. Изобличая членов якобинского клуба в посылке эмиссаров для борьбы с адресом Музея, Бабёф обвиняет газеты в том, что солгали, «утверждая, будто подавляющее число секций отвергло петицию Музея, в то время как на самом деле, несмотря на всю ревность якобинских эмиссаров, она была принята в довольно большом количестве». В № 13 Бабёф насчитывает от 12 до 15 секций, присоединившихся к адресу Музея.

По отношению к электоральцам правые и левые термидорианцы проводили совершенно одинаковую линию, словно повинуясь молчаливому соглашению. Сравнительно рано начались репрессии против клуба и отдельных его руководителей. Адрес 20 фруктидора редактировал некий Бодсон, занимавший пост судьи в трибунале первого округа. Он был арестован по постановлению Комитета общей безопасности, как об этом рассказывает Бабёф в № 7 своей газеты от 28 фруктидора. Он был схвачен в помещении трибунала при исполнении служебных обязанностей. Одновременно Комитет общей безопасности предписал арестовать делегата секции, ораторствовавшего перед трибуной Конвента. Бабёф, весьма сочувственно относящийся к содержанию петиции, солидаризовался с пострадавшими и обвинял новых господ положения в нарушении прав петиции и свободы собраний. «Пусть нападают, — писал он в № 7 своей газеты. — Я ничего не желаю кроме преследований». Несколько дней спустя он гневно обрушивается на Конвент. «Где же наконец Конвент?.. Что делает вся эта масса сенаторов?.. Чего она ждет для того, чтобы высказаться?» Если «сенаторы», движимые личными интересами, покончили с Робеспьером, то ведь они ничего не предприняли для того, чтобы разрушить робеспьеризм. Целые департаменты находятся еще во власти «ставленников тирана». Что делается для того, чтобы установить царство правосудия? «Почему тирания переживает таранов, или почему тираны находят последователей?» Почему допускается возмутительное насилие в отношении Бодсона, арестованного только за то, что он редактировал и представил Конвенту петицию «избирательного клуба»? Почему Конвент отказался принять петицию народного общества в Аррасе, которая является ведь простой декларацией свободы печати? Все это в глазах Бабёфа тревожные симптомы

возвращающейся тирании, «повторения царства Максимилиана Робеспьера». Он перепечатывает в десятом и одиннадцатом номерах адрес Аррасского общества, содержащий между прочим «разоблачение» Барера, одного из вождей термидорианцев. Начинают поговаривать о закрытии народных обществ, и Бабёф мечет громы против этого «губительного для свободы проекта». Он видит во Франции две партии: одну, являющуюся сторонницей системы Робеспьера, и другую, стоящую за установление правительства, опирающегося исключительно на «вечные права человека».

Так постепенно нарастает в Бабёфе разочарование в результатах термидоровского переворота. В № 18 он перепечатывает резолюцию, принятую секцией Музея 30 термидора. Он определяет ее, как «первую вспышку гражданского пыла», имевшую место в тот момент, когда «после дня 10 термидора, названного днем революции, народ убедился, что это была революция, направленная против одного человека, одного тирана, что однако эта *так называемая революция* (курсив наш), отнюдь не покончила с тираническим управлением, которое только перешло в другие руки, когда пришлось убедиться в том, что все дело свелось к некоторым изменениям в системе правительственных комитетов и революционного режима, изменениям, совершенно безразличным для народа… когда оказалось, что пользуются событиями 9 и 10 термидора для того, чтобы нанести окончательный удар свободе парижского народа, отнимая от него его муниципальную организацию…»

Так изменяется принятая было Бабёфом концепция термидоровского переворота. Оказывается, что народ по-прежнему находится под игом, что «конец тирана» не принес ему желанной свободы. Речь идет о том, чтобы начать борьбу против узурпации, и петиция секции Музея кажется Бабёфу «первообразом восстания, *самой священной и необходимой из обязанностей* народа и *каждой его части* (курсив Бабёфа), обязанностью, которую вменяют ему природа и 35-я статья Декларации прав всякий раз, как *правительство насилует его права*» (курсив Бабёфа). «Необходимо, чтобы адрес секции Музея стал манифестом всех республиканцев». Бабёф сам готов подать первый пример. Пусть ему угрожают «варварские эдикты», недостойные названия законов, — были ли эти законы крови и тирании санкционированы народом?

«Нет. Они являются узурпацией народного суверенитета, и я имею право, — пишет Бабёф, — собственной рукой умертвить узурпаторов, которые путем единственного им доступного коварства принудили Конвент принять такие законы».

Наряду с этим Бабёф, исходя из основных положений петиции секции Музея, формулирует свои текущие политические требования. «Политическое воспитание, полученное нами в течение последних пяти лет, научило нас тому, что главным проявлением народного суверенитета является право народа выбирать своих чиновников, что, если правители существуют для и через управляемых, то необходимо, чтобы первые зависели от вторых…»

Под обстрел берется сам Конвент. Бабёф поражен явной бесплодностью его заседаний, отсутствием чего-либо достойного пера «писателя-философа». А между тем сколько еще осталось работы! «Будем всегда напоминать нашим бойцам, что мы преследуем завершение революции 9 термидора, что этот день недостоин названия революционного дня, потому что он ограничился ниспровержением нескольких тиранов, что настоящая революция будет иметь место тогда, когда за этим днем последует другой, когда мы разрушим тиранию и восстановим наши священные принципы, ныне попранные и поруганные». Опасность лежит в безразличии народа к совершающимся политическим переменам. «Я не вижу сегодня, — пишет Бабёф, — того порыва гражданских чувств, который в 1789 году открывал все уши для добрых советов Друга народа и составил по меньшей мере половину того успеха, которым пользовалось его красноречие. Какая польза в том, чтобы сегодня заниматься проповедью в пустыне?.. Не следует ли приписать общему безразличию к советам просветителей отсутствие интереса к делу свободы?»

Между тем реакция становится все более и более активной. Она направляет свои удары на Парижскую коммуну, стремясь окончательно ликвидировать ту организацию, которая некогда была базой революционной демократии. Бабёф правильно оценивает значение этой попытки. «Я утверждаю, что парижский муниципалитет является силой, необходимой для гарантии свободы; и безопасность сената и свобода в одно время требуют того, чтобы место пребывания законодателей было расположено посередине многочисленного населения». Он предвидит необходимость повторения революции 31 мая. «Есть еще один довод, в силу которого необходимо требовать существования в Париже центрального муниципалитета. Необходимо всячески облегчить возможность объединения всего народа на тот случай, если нужно будет оказать сопротивление угнетению со стороны сената. Я надеюсь, никто не будет оспаривать правдоподобности этой гипотезы. Деспоты! Диктаторы! Децемвиры! Вы это знаете слишком хорошо, и я вновь вижу вашу работу, когда смотрю на

разложение муниципальной организации… Трепещите, час пробил, вашей тирании пришел конец; вы находитесь, быть может, накануне того дня, когда вам придется покинуть ваши троны…»

Между тем 7 вандемьера делегация электоральцев вновь добивалась у Конвента освобождения Бодсона и Варле и возвращения отнятого помещения. Петицию и на этот раз сдали в комитеты, поручив им представить доклад в трехдневный срок. Тем не менее утром 8 вандемьера помещение клуба было занято агентами правительства во главе с архитектором. Эти «200 Геростратов», как их называет Бабёф, и произвели полнейший разгром всей залы.

10 вандемьера (1 октября) электоральцы снова появились в Конвенте. На этот раз они предъявили собранию адрес, принятый их клубом 7 вандемьера III года республики. На ряду с петицией секции Музея, адрес этот является важнейшим политическим документом эпохи и поэтому на нем надо остановиться несколько подробнее.

Начнем с политических требований. Авторы петиции высказываются за восстановление парижского городского самоуправления. «Верните Парижу его секционные собрания, по два в декаду, которых едва хватает для обсуждения текущих дел. Верните Парижу его муниципалитет; законодатели, вы не потерпите, чтобы Парижская коммуна одна была бы полагающейся ей магистратурой, верните ей ее администрацию, члены которой, избранные народом, пользующиеся его доверием, помогут своими знаниями восстановить торговлю…

Верните, не дожидаясь наступления зимы. Вы видите, как редки стали после практиковавшейся системы реквизиций уголь, масло, дрова, мыло и все съестные припасы. Что будет с нами зимой, если вы не поспешите нам на помощь?»

Таким образом, политические требования петиции электоральцев совпадают с требованиями, сформулированными в адресе секции Музея. Лозунги выборности властей и восстановления органов парижского самоуправления объединяют все разновидности «левой оппозиции». Бабёф, электоральцы, деятели секции Музея — все в одинаковой степени борются за осуществление этих лозунгов. Именно здесь пролегает демаркационная линия, отделяющая последователей Эбера и Ру от термидорианцев левого и правого толка.

Гораздо более специфическими оказываются экономические требования, запечатленные в петиции электоральцев. «Общество… занялось… изысканием средств, ведущих к оживлению торговли, которые помогли бы вернуть ей блеск,

столь полезный для поддержания республики, и сделали бы ее настолько цветущей, что это устрашило бы коалицию деспотов… Общество прежде всего укажет вам, что если обстоятельства и сделали необходимым ряд чрезвычайных мероприятий, вроде конфискаций и реквизиций, то законы эти не могут быть соблюдаемы впредь без того, чтобы они не стали опасными, перестав приносить пользу, и что, кроме всего, трудно выполнимые сейчас, они станут совершенно невыполнимыми в будущем.»

«Общество констатирует, что та же судьба постигла закон о барышничестве, вызванный аналогичными обстоятельствами. Он способствовал усиленной наживе торговцев и привел к тем же последствиям, что и реквизиции, разорившие промышленность. Начиная земледельцем и кончая богатым негоциантом, все опасаются быть заподозренными в нарушении этих законов. Их опасения имеют тем большие основания, что торговля и промышленность не могут быть ограничены, поскольку их оборот всегда зависит от степени мастерства, от богатства, от уровня коммерческих познаний…»

«Верните народу полноту его прав, восстановите самую широкую свободу торговли» — так звучит окончательный синтез экономических и политических требований петиционеров.

Дав место адресу на страницах своей газеты, Бабёф сопровождает его следующим комментарием: «Мы выражаем наше полное одобрение адресу в той его части, которая заключает в себе требование всех прав суверенного народа. Вопрос о торговле заслуживает большего углубления: можно многое сказать по поводу барышничества, и *еще долгое время нам нужны будут законы против корыстолюбия* (курсив наш). Для достижения блага, быть может, достаточно добиться их выполнения: мы обсудим особо это обстоятельство». Это очень характерный штрих в идеологии Бабёфа и, вместе с тем, первое упоминание на страницах «Газеты свободы печати» вопросов экономического порядка. Электоральцы, увлекшиеся чисто буржуазным лозунгом «свободной торговли», отражали иллюзии рабочей массы, в памяти которой еще свеж максимум заработной платы, срезывавшей заработок рабочих во времена господства Робеспьера. Ища выход в другой крайности, электоральцы противопоставили системе экономической опеки, проводившейся якобинским правительством, лозунг абсолютной свободы для торговли, для хозяйственной деятельности вообще. Бабёф оказался проницательнее своих единомышленников, когда он воздержался от выступлений против максимума. Последующие события, в первую очередь голод, разыгравшийся после падения

максимума, полностью оправдали его опасения.

10 вандемьера (1 октября), как мы уже говорили, делегатам электоральцев удалось представить петицию Конвенту. Здесь ее приняли сухо, даже враждебно. Председательствовавший напомнил делегатам что революционное правительство будет существовать до заключения мира. В его словах явственно прозвучала угроза по адресу клуба.

Бабёф возмущен этой угрозой целому народу. Он напоминает опять, что восстание есть священнейшая из обязанностей народа. В № 24 Бабёф подвергает критике Конвент. Его политика кажется ему двойственной: с одной стороны, Конвент «говорит о революционном правительстве как о святом святых, с почтительностью и уважением; с другой стороны, он клеймит негодованием правительство Робеспьера, террор и систему пролития крови, как будто бы это все не было одно и то же». Бабёф приводит примеры этой возмущающей его двойственности, обличающие отсутствие твердой политической линии и беспринципность конвентских лидеров. К этой же теме возвращается он в № 25. «Я вижу, — пишет он, — в теперешнем строе общественной администрации политические абстракции вместо принципов; постоянный гнет рабства и оцепенение вместо энергии, характеризующей свободные народы; олигархическое правительство вместо республиканского режима; сенат, значение которого сведено до нуля, руководство которым захвачено, по верному замечанию Лекуантра, кучкой правящих; народ несчастный, охваченный унынием, неуверенный в своем положении, не знающий, чего нужно придерживаться, не видящий, наконец, в революции ничего, кроме большого бедствия».

По мнению Бабёфа, необходимо наглядно показать всем республиканцам существование олигархии комитетов, деспотически помыкающей и народом, и Конвентом… Не приведет ли это, — спрашивает он дальше, — к ниспровержению революционной системы? Не следует бояться слов. «Почему революционное правительство должно постоянно служить талисманом, который покрывает собой все злоупотребления, не позволяя даже на них жаловаться?.. Разберемся в вещах и поймем смысл слов. Что такое революционное правительство? Я понимаю под этим понятием терроризм, господство крови, господство Робеспьера, тиранию Робеспьера, деспотизм комитетов и все ужасные последствия, отсюда вытекающие… Народ больше не видит народных, демократических, республиканских учреждений, он видит себя доведенным до ничтожества, потерявшим всякое значение…»

Республика, преданная, обманутая, обольщенная, является, по мнению Бабёфа, *аристократическим правительством* (курсив Бабёфа). «Недовольство стало всеобщим; нужно быть слепым, подобно королям, чтобы не заметить этого. Правительство не может прекратить ропот… Взрыв может произойти внезапно». Особенно резкий протест Бабёфа вызывает решение Конвента отсрочить ликвидацию революционного правительства до окончания войны. По его мнению, это означает «отсрочку всех прав народа, запрещение до заключения мира конституции и декларации прав, продолжение самовластной администрации, покров, наброшенный на статую свободы, приведение всех французов к состоянию пассивного повиновения, одним словом — рабство, продолженное до заключения мира».

Бабёф полагает, что «свобода, права каждого человека и всего народа могут быть вполне согласованы с революционными мероприятиями, направленными к тому, чтобы сдержать врагов внутренних и обеспечить свободу над врагами внешними». А если мир и будет заключен, кто поручится за его длительность? А если вновь начнется война, будет ли это означать возобновление революционного правительства? А если его возобновят, значит опять будет покончено с правами человека и народным верховенством, «и вот мы опять станем рабами до заключения другого мира, а ведь только бог и законодатели знают, когда приходит мир».

Во всем Конвенте не видит теперь Бабёф ни одного человека, на которого мог бы положиться народ; «он не может рассчитывать в деле защиты своих прав ни на кого, кроме самого себя». Были в Конвенте два человека, склонные, казалось, отстаивать народные интересы, но и они оказались изменниками. Это — Фрерон и Тальен. Бабёф объявляет их под подозрением.

«Фрерон и Тальен, — читаем мы в № 27 Бабёфовской газеты, — вы не оправдываете данного вам названия — Надежды народа… Нужно, чтобы ваша популярность никого не вводила в заблуждение, нужно, чтобы вас ценили по настоящей вашей стоимости». Бабёф вспоминает политический путь, пройденный Фрероном и Тальеном со дня 9 термидора. В своих газетах — в «Народном ораторе» и в «Друге законов» — они дали превосходный образчик громких фраз, блестящей декламации, уснащенной разными республиканскими словечками.

Однако удары, наносимые ими, скользили по поверхности. Фрерон и Тальен как будто не замечали гигантских усилий электорального клуба в его борьбе за права человека. «Народный оратор» прошел мимо грозных инвектив Бийо-Варенна, направленных против клуба с конвентской трибуны, мимо ареста

Бодсона, мимо разрушения залы, в которой заседали электоральцы, мимо наглого ответа Андрэ Дюмона на петицию, представленную в Конвент 10 вандемьера. «Я пока еще не обвиняю Фрерона, — пишет Бабёф, — но я подозреваю его в том, что он является одним из столпов узурпации народного суверенитета».

Приведенные строки лучше всего, характеризуют природу взаимоотношений, сложившихся между Бабёфом и правыми термидорианцами. Это были попутчики, связанные на время общностью некоторых тактических лозунгов и глубоко враждебные по самому существу, по классовой своей природе.

Борьба между тем обостряется, и Бабёф находит время подходящим для перемены названия своей газеты. Отныне она будет называться «Народный трибун». В № 23, вышедшем впервые под новым названием, мы находим следующее объяснение, которое Бабёф сам дает этой перемене. «Любое заглавие газеты должно содержать в себе священное имя *народа* (курсив Бабёфа), потому что всякий публицист должен быть им только для народа». Не желая заимствовать у Марата название «Друга народа», Бабёф находит, что слово «трибун» наиболее соответствует понятию друга или защитника народных прав. Попутно он объясняет мотивы, по которым принял имя Гракха: «Беря в свои патроны самых честных, с моей точки зрения, граждан Римской республики, желавших более всего достижения общего блага, я имел своей моральной целью дать почувствовать, что я так же сильно, как они, стремлюсь к достижению этого блага. Известно, что лица, появившиеся на подмостках нашего театра под именем великих людей, не были счастливы. Мы послали на эшафот наших Камиллов, наших Анаксагоров, наших Анахарзисов[2], но все это меня ничуть не беспокоит. Чтобы смести с лица земли все следы монархии, знати и фанатизма, мы дали республиканские имена нашим местностям, нашим городам, нашим улицам и всему вообще, что носило на себе печать этих трех видов тирании». Бабёф решительно отказывается от христианских имен. В особенности неподходящим кажется ему имя Никэз (святой, относительно которого существует легенда, что он, обезглавленный, встал и носил свою отрубленную голову). В шутливом тоне пророчит Бабёф свой собственный трагический конец. «Если когда-нибудь мне отрубят голову, то я не буду иметь никакого желания прогуливаться с нею подмышкой. Я предпочитаю погибнуть попросту, как Гракхи, под покровительством которых я ставлю себя на будущие времена». Для них он даже покидает Камилла, имя которого он носил в первые годы революции.

Пока Бабёф направлял со страниц своей газеты удары против правящих термидорианцев, электоральцы, перебравшиеся в помещение секции Музея, со своей стороны продолжали нападать на «революционное» правительство. Так, газета «Республиканский курьер» от 19 вандемьера (10 октября) сообщает о том, что ораторы клуба «в последнем заседании громко утверждали, что у нас не будет мира до тех пор, пока существует революционное правительство, и что необходимо установить наконец во Франции прочный и постоянный порядок». Понятно, что термидорианские власти начали усиленно искать предлога для новых репрессий и против клуба и против Бабёфа. В заседании 18 вандемьера Бурдон из Уазы выступил с формальным доносом на электоральцев. «Электоральный клуб был изгнан из помещения бывшего епископства, ставшего очагом анархии, он заседает теперь у самого вашего порога, в зале Музея. Знаете ли вы, что обсуждали там в течение последней ночи? Уничтожение Конвента. Было постановлено, что Конвент собрался только для суда над тираном и для выработки новой конституции и что, следовательно, сейчас он должен разойтись и уступить место разбойникам… стремящимся к убийству собственников и разграблению имуществ».

21 вандемьера (12 октября) Революционный комитет 4-го округа распорядился арестовать Легрэ, президента клуба. 22 вандемьера в заседании клуба была оглашена рукопись № 27 «Народного трибуна» и письмо Бабёфа, извещавшего об его разрыве с издателем «Народного трибуна», депутатом Жиффруа. Клуб постановил отпечатать номер газеты вместе с письмом.

Это постановление дало повод к новым репрессиям, о которых Конвент был оповещен Мерленом из Тионвиля в заседании от 9 брюмера. «…Бабёф, — заявил Мерлен, — укрылся в недрах «избирательного клуба», где он произнес речь еще более демагогическую, чем его первое выступление. Клуб заслушал ее и постановил напечатать от своего имени». Согласно закона Комитет общей безопасности предписал арестовать Бабёфа, президента клуба и его секретарей за то, что они подписали это постановление, и наложить печать на все бумаги клуба.

Самый приказ об аресте Бабёфа помечен 23 вандемьера. Приказ предписывает заключить Бабёфа в Люксембургскую тюрьму.

Сравнивая текст приказа с содержанием сообщения, сделанного Мерленом в Конвенте, мы приходим к тому выводу, что Бабёф не был арестован по крайней мере до 5 брюмера. Действительно, в том и в другом случае ничего не говорится о самом факте ареста, речь идет исключительно о приказе, о

распоряжении, отданном Комитетом. Если бы Бабёфа удалось арестовать, то об этом несомненно было бы упомянуто в постановлении Комитета общей безопасности от 3 брюмера.

Вернемся, однако, к нашим электоральцам. Клуб все же не был закрыт, хотя бумаги его и подверглись опечатыванию. Мы знаем, что 12 брюмера Бабёф снова появился перед электоральцами. По сообщению газеты «Вечерний вестник», заседания клуба были прерваны после наложения печатей и возобновились в конце брюмера в одной из публичных зал секции Музея. Это было бывшее помещение Кордельерского клуба на Тионвильской улице. Та же газета указывает на то, что в заседаниях клуба принимает участие большое количество бывших якобинцев. Не забудем, что самый якобинский клуб был закрыт 22 брюмера. Поэтому нет ничего невозможного, что к этому времени могло обнаружиться некоторое сближение между якобинцами и электоральцами. Газета «Ведетт» в номере от 30 брюмера прямо говорит об якобинцах, собирающихся в электоральном клубе. «Патриотические и литературные анналы» за тот же день рассказывают об усиленных патрулях, окружающих Лувр — «место, предназначенное для собраний электорального клуба».

До каких-либо волнений дело, однако, не дошло. Секция Музея, по сообщению «Республиканского курьера» от 3 фримера, изгнала электоральцев из их помещения. «Было решено, — читаем мы в «Маленьком парижском листке», — не пускать якобинцев на порог. Говорят, — добавляет газета, — что они будут собираться в каком-то другом месте».

На этот раз опасения буржуазно-реакционной печати оказались напрасными. Лишенный помещения электоральный клуб распался.

Итак, в лице электорального общества мы имеем дело с первой попыткой создать организационный центр, объединяющий распыленные силы «левой оппозиции». Политическая платформа, на которой сошлись представители этих течений, сводится к борьбе с революционным порядком управления во имя выборности властей, восстановления парижского самоуправления и свободы печати. Из этой программы родился основной лозунг прериальского восстания: «Конституция 1793 г.!»

Отношение правых термидорианцев к электоральцам было резко отрицательное. Нужно, однако, подчеркнуть, что программа электоральцев не отражала никаких специфических нужд рабочего класса. В этом отношении электоральцы стояли не выше уровня «бешеных» и эбертистов. Самое характерное в политической традиции, перенятой электоральным клубом у

своих предшественников, — это борьба за коммуну, за парижский муниципалитет. Борьба эта вскрывает социальные корни движения его в целом.

Бабёф был, несомненно, одним из вождей электорального клуба. Политические воззрения Бабёфа и электоральцев развиваются в одном и том же направлении. Расхождение их по вопросу о максимуме, при всей симптоматичности занятой Бабёфом позиции, не являются сколько-нибудь решающими. Великий голод зимы 1794/1795 г. должен был излечить и электоральцев и шедшую за ними массу от фритредерских увлечений.

Мы видим, таким образом, что политическая деятельность Бабёфа уже в первые месяцы термидорианской реакции оказалась слитой с массовым движением. Его ошибки не были его личными ошибками. Они совпадали с политической линией, усвоенной определенными группировками и выросшей на почве определенной исторической традиции. Бабёф шагает в ногу с остатками «бешеных» и эбертистов, с представителями рабочего класса. Более того, он выступает не только как рядовой участник движения, но как один из его вождей и идеологов.

День 13 вандемьера. Войска Конвента расстреливают восставших у церкви Сен Рош. Современная гравюра

Именно здесь, а не в области чисто личных отношений, следует искать причину конфликта Бабёфа с правящими термидорианцами и начала направленных, против него гонений.

Важнейшим этапом политической биографии Бабёфа является несомненно разрыв его с депутатом Жиффруа, в типографии которого печатался «Народный трибун». Жиффруа, в

прошлом дантонист, прикрывавшийся ультра-террористической маской, стал с началом реакции одним из заправил публицистической кампании против робеспьеровского охвостья. Приняв на себя издание «Народного трибуна», Жиффруа несомненно руководствовался соображениями политического характера, продиктованными ему его право-термидорианской позицией. После выхода в свет № 26 от 19 вандемьера произошел разрыв между владельцами типографии и редактором. 21 вандемьера Жиффруа написал Бабёфу пространное письмо, проливающее любопытный и во многом неожиданный свет на социальный характер Бабёфовской агитации. «Чтобы попасть в Конвент, — пишет Жиффруа, — крайние проповедовали аграрный закон. Те же люди возобновляют теперь агитацию за этот закон или за что-нибудь ему подобное для того, чтобы получить места в Законодательном собрании, призванном поддерживать народное и республиканское правительство, после того как Конвент установит его на незыблемых основах».

Жиффруа упрекает Бабёфа в том, что он говорит языком этих людей. Основная же ошибка Бабёфа заключается в позиции, занятой им по отношению к революционному правительству. «Ты обрисовал яркими красками зловещие последствия режима, установившегося при революционном правительстве, и в этом ты был прав. Но до тебя на это указывали многие депутаты… Ты не хочешь революционного правительства в духе Робеспьера. Об этом же заявлял неоднократно Конвент; но ты все же высказываешься за революционное правительство, настаивая на «необходимых мероприятиях» и «революционных распоряжениях». Это как раз то, что мы должны сохранить от революционного правительства, иначе говоря, это возврат к справедливости. Признайся же, что ты противоречишь сам-себе; признайся же со всей искренностью, что нужно уточнить смысл употребляемых слов…»

Намеки Жиффруа насчет проповеди аграрного закона показывают только, что ему были известны «аграрианские увлечения» редактора «Народного трибуна». Можем ли мы на основе этих намеков предположить, что агитация Бабёфа после термидора носила социальный характер, что он был склонен вновь выставить требование аграрного закона? Вопрос этот, за полным отсутствием данных, приходится оставить открытым.

Письмо Жиффруа означало объявление войны непокорному редактору. За разрывом последовали репрессии, о которых сам Бабёф рассказал в № 22 своей газеты: «Я пишу, — начинает он свое повествование, — моя газета принята всеми гражданами, ненавидящими угнетение… Упоенный похвалами своих

сограждан, весь охваченный сладостным чувством, возникающим из сознания добра, сделанного своим ближним, я воспламеняюсь еще больше, я забываю все для моей родины, я забываю почти-что о своем личном существовании, я забываю жену и детей, я жертвую своим местом, я не принадлежу больше ничему, кроме дела защиты прав народа. Моя супруга и мой сын в возрасте девяти лет — оба республиканцы, настолько же преданные, как их отец и супруг, стараются мне помочь всеми возможными средствами. Они приносят жертвы. День и ночь они заняты у Жиффруа, моего издателя, за упаковкой, рассылкой и раздачей моей газеты. Домашний очаг заброшен. Двое других детей, из которых одному не больше трех лет, остаются каждый день одни, взаперти, в течение больше чем одного месяца. Это невнимание заставляет их чахнуть, но они не жалуются, они также кажутся охваченными любовью к родине и готовностью добровольно приносить ей жертву. У нас больше нет кухни, — в течение всего этого времени мы питаемся исключительно хлебом, виноградом и орехами… теперь тирания… повергает нас в самое бедственное положение. Вот способ, к которому она прибегла, чтобы пустить в нас свою стрелу. Депутат Жиффруа, мой издатель, велел вчера наложить арест на весь тираж моего 26-го номера, запретив всякую продажу, захватил около тридцати тысяч экземпляров остальных номеров, выставил за дверь мою жену и моего сына и заявил им, что он собирается сделать на меня донос в Комитет общественной безопасности. Этим самым Жиффруа совершил одновременно несколько преступлений. Он нарушил мое искреннее, братское доверие, он меня безнаказанно обокрал, он обокрал с не меньшей дерзостью цвет патриотов, подписавшихся на мою газету, и, наконец, он нанес удар родине, отняв у нее факел, искрившийся ослепительным светом истины. Народ! и это один из твоих представителей». Сопоставляя выходку Жиффруа с арестом Легрэ, Бабёф видит в этих актах начало нового похода реакции против друзей народа. С письмом Альбертины Марат, сестры Друга народа, требовавшей у Фрерона немедленного освобождения арестованного Легрэ, с рукописью № 27 «Народного трибуна» явился Бабёф в «избирательный клуб» и просил его озаботиться их обнародованием. Клуб, как мы знаем, постановил принять печатание этих документов на свой счет, и, очевидно, № 27, помеченный 22 вандемьера, появился на свет значительно позже этой даты. По крайней мере, как это явствует из текста самой газеты, постановление «избирательного клуба» об отпечатании № 27 «Народного трибуна» состоялось 27 вандемьера, через пять дней после приказа об аресте Бабёфа.

Мы видим также, что приказ этот не был проведен в жизнь.

13 брюмера у электоральцев огласили принадлежавший Бабёфу проект реорганизации клуба. Во вводной части Бабёф отмечает кризис, переживаемый клубом. «Ваше общество, — пишет он, — насчитывает 400 членов. Где они? Обычно вас собирается 30–40 человек… Последнее заседание дало картину движения вспять». Далее Бабёф развертывает замечательную программу реорганизации клуба. До сих пор народные общества сохранили кастовый дух. «Народ был разделен ими как бы на две касты: касту избранных и касту профанов. Их нужно демократизировать, отменив членские взносы и сделав доступ в них открытым для всех граждан. Настоящее народное общество — это то, в котором неимущие не стоят ниже имущих. Клубы должны быть также, доступны и для женщин. Не нужно ни реестров, ни архивов, ни протоколов, ни постоянного президиума. Реорганизованный клуб? Его лозунгами станут: «Свобода, хороший хлеб, изобилие и высокое качество предметов первой необходимости».

Таким образом, формальному пониманию демократии, присущему идеологам буржуазии, Бабёф противопоставляет понимание материальное. Его интересует вопрос, как и каким образом реализовать на деле участие «неимущих» в политической жизни, в народных обществах. Особо следует отметить, передовую и необычайно по тем временам радикальную постановку вопроса о политической роли женщин. Вспомним только, что Конвент еще в октябре 1793 г., в связи с деятельным участием возглавленного Кларою Лакомб общества революционных республиканок в движении «бешеных», формально ликвидировал все женские народные общества. По заключению выступившего докладчиком Амара, женщины вообще не должны были заниматься политикой, ибо «каждому полу свойственен свой род занятий». Совсем иначе у Бабёфа. «Предоставьте вашим женам принимать участие в делах родины, они могут сделать для ее благополучия больше, чем вы думаете. Как вы хотите заставить женщин рожать героев, если вы будете притеснять их…» В защите политических прав женщин Бабёф на голову выше самых передовых революционеров своего времени.

3

В продолжение более чем двух месяцев Бабёф осужден был на полное молчание. За этот короткий срок реакция успела сильно закрепить свои позиции. В частности, произошли такие важные события, как окончательное закрытие якобинского клуба и возвращение в состав Конвента жирондистских депутатов,

изгнанных оттуда после революции 31 мая 1793 г. Что делал за это время Бабёф, в точности не установлено. Скорее всего он оставался все время спрятанным в самом Париже. Невеселые это должны были быть дни и для него и для его семьи. Мы видели уже, что издание «Народного трибуна» было делом далеко не прибыльным, далеко не доходным, но все же у Бабёфа и его детей был кусок хлеба, которого они вновь лишились. Были у него, конечно, и друзья, и единомышленники. Во всяком случае он продолжал писать и печатать. Одна за другой выходили из подполья его брошюры, в которых он с неслыханной страстностью продолжал начатую кампанию против термидорианского режима.

По одной линии высказывания Бабёфа за этот «подпольный» период тесно связаны с его первыми выступлениями эпохи начала реакции. Он по-прежнему остается ненавистником Робеспьера и якобинцев. В брошюре, вышедшей под названием «Путешествие якобинцев в четыре части света», якобинцам присвоена новая кличка «максимилианисты». Брошюра проводит ироническую параллель между проповедью апостолов и агитацией якобинцев по поводу закрытия их клуба. В своем поведении якобинцы, по мнению Бабёфа, только копируют «шарлатанов и священников». Они обращаются к простоте и доверчивости, чтобы сеять семена фанатизма. Они предлагают соединить усилия для приведения в исполнение той статьи Декларации прав, которая вменяет в обязанность восстание против деспотического правительства. Но Бабёф не считает, что закрытие якобинского клуба может явиться поводом для такого выступления. Если бы действительно было доказано, что репрессии против клуба угрожают другим обществам, тогда можно было бы говорить о серьезной угрозе конституции и правам народа. Но этого нет. «Зато почти доказано, что ваше центральное учреждение стремилось стать властью, что оно собиралось путем деспотического насилия над мнениями… соперничать с законной властью народа, чтобы именем свободы установить царство разбоя и воровства, в котором единственными представителями человеческой породы остались бы пожиратели, секта которых захватила бы имущества, удобренные телами их собственников. В таком случае ваше поражение нужно рассматривать не как акт угнетения, а как победу, одержанную над наиболее необузданными из угнетателей. Нет, ваши убеждения напрасны, мы не восстанем вместе с вами» Но, по мнению Бабёфа, сами якобинцы не рассчитывают серьезно на возможность восстания. Он советует им отказаться навсегда от «кровожадных замыслов», советует вернуться к «гуманным чувствам». Так или иначе, «санкюлоты Антуанского предместья» не захотели даже слушать якобинцев.

«Вы говорите, как Барер; мы не понимаем языка варваров», таков, согласно Бабёфу, был их ответ.

Бабёф опровергает дальше сообщение газет о появлении якобинцев на заседаниях электорального клуба. Он предостерегает правящие круги против использования антиякобинских настроений для подавления других обществ. Ведь было бы так выгодно для реакции «распространить на все общества ту антипатию, которая по справедливости должна ограничиться обществом 9 термидора (т. е. якобинским клубом) и филиалами, разделяющими его кровожадную мораль». Бабёф приветствует мероприятия, направленные против якобинских клубов в провинциях, и чистку провинциальной администрации, кишащей по-прежнему ставленниками робеспьеровского режима. Необходимо разыскать их в их убежищах и предать гражданской смерти, но ведь от этого далеко до полного уничтожения всех народных обществ. «Демократическое правительство не может обойтись без них. Повсюду, где народ действительно свободен, он имеет свой форум, свои собрания, в которых он может обсуждать политические вопросы». Бабёф выражает надежду, что Конвент проникнется подобающим взглядом на роль и значение народных обществ, система которых будет сохранена в ее первоначальном виде. Он сочувственно отзывается о выступлениях в Конвенте левых термидорианцев Барера и Одуэна, поставивших вопрос о введении в действие конституции 1793 г. При этом Бабёф оговаривается, однако, что он вовсе не меняет своего отношения к этим политическим дельцам, как ни подозрительна их личность: «Хорошее и дельное предложение не может быть предано, анафеме только потому, что его произносят обесчещенные уста».

Ту же установку и тот же антиякобинский пафос находим мы в брошюре «Побитые платят штраф». «Что бы там ни было, — пишет Бабёф, — Конвент, уничтожив центр якобинизма в Париже, не довел еще дело до конца. Конвент должен срезать своим очистительным серпом все его ответвления, восстановив народные общества на подлинных их основах». Если Бабёф чего-либо опасается, так это только того, что удар по клубу отразится на судьбе народных обществ. Поэтому он, по его словам, не склонен выказывать признаки особого веселья. «Все это довольно тревожно, если подойти к делу с принципиальной стороны».

Однако кульминационным пунктом антиякобинских выступлений Бабёфа остается участие его в кампании, направленной против Каррье, члена Конвента и комиссара города Нанта. Именно с этой кампанией связана статья Бабёфа «Хотят спасти Каррье», вышедшая в свет около 17 брюмера (7 декабря), и

объемистый его памфлет «О системе истребления народа или жизнь и деятельность Каррье», написанный во второй половине декабря, уже после казни Каррье.

Жан-Баптист Каррье, выученик иезуитского колледжа, по профессии юрист, занимал в Конвенте место на скамьях Горы. Посланный в октябре 1793 г. комиссаром в город Нант, Каррье прославился там последовательным применением террора и политикой зажима крупнобуржуазных элементов. Он был отозван со своего поста в феврале 1794 г. не без давления, оказанного на Робеспьера умеренным крылом правительственных комитетов. Каррье уцелел в дни термидоровского переворота, но уже с сентября против него развернулась травля и в целом потоке памфлетной литературы, и с трибуны Конвента. Начало прямых преследований против Каррье положено было процессом членов Нантского революционного комитета, начавшимся 25 вандемьера (16 октября). Члены комитета называли Каррье как человека, непосредственно руководившего их политической деятельностью. 21 брюмера (11 ноября) Конвент, по докладу особо избранной для этого комиссии двадцати одного, декретировал арест Каррье. Докладчик комиссии обвинял Каррье в том, что он «угрожал арестовать и расстрелять всех торговцев и негоциантов. Он с трибуны народного общества декларировал против богатых, проповедовал проскрипцию и раздел их имущества между своими сателлитами. Он хотел восстановить народ против купцов, он приказал арестовать всех маклеров, посредников, продавцов, покупателей и перекупщиков».

Одним словом, Каррье проводил политику, всем своим острием направленную против купеческой буржуазии, экономически господствовавшей в Нанте. В этом и была главная его вина. Обвинения же во всевозможных эксцессах, в устройстве оргий, в насилиях над женщинами — шиты были белыми нитками. Расправа с Каррье была для правых термидорианцев не только актом политической мести, она должна была зарекомендовать их в глазах крупной буржуазии, которая все еще не могла опомниться после всего пережитого ею в дни якобинской диктатуры.

1 фримера (21 ноября) Каррье был допущен на трибуну Конвента. Он произнес обширную защитительную речь. Это ему не помогло, судьба его была предрешена, и в ночь с 3 на 4 фримера Конвент 498 голосами из 500 признал необходимым предать его суду революционного трибунала. 26 фримера (16 декабря) Каррье был осужден на смертную казнь и на следующий же день гильотирован. Голова Каррье покатилась на эшафоте под улюлюкание уличных зевак и крики «да здравствует республика».

Бабёф выступил против Каррье, потому что видел в нем одного из наиболее видных представителей павшего режима диктатуры. В листовке «Хотят спасти Каррье» Бабёф разоблачает план сообщников Каррье, состоящий в том, чтобы запугать трибунал и принудить его оправдать Каррье под предлогом, что проводимый им террор был нужен для спасения родины.

Бабёф однако не довольствуется перспективами простой казни для Каррье. Казнь эта должна быть особо мучительной. «Все требуют смерти Каррье, она цель всеобщих желаний, она необходима для спасения республики… Быть может, в соответствии с положениями философии и политики будет правильно потребовать особого рода казнь для этого чудовища, для этого врага человеческого рода… Нет, для таких выродков недостаточно одного удара гильотины. Тени их жертв восстанут против столь незначительного жертвоприношения…»

К темам, связанным с делом Каррье, Бабёф вернулся в брошюре «Жизнь и преступления Каррье», появившейся не раньше, чем в конце фримера. В этой брошюре воспроизведены обычные нападки на Каррье и на весь террористический режим, сдобренные фантастическими разоблачениями, заимствованными из брошюр некоего Вилата. Вилат этот, агент Робеспьера и присяжный революционного трибунала, арестованный еще накануне 9 термидора, сидя в тюрьме, написал, чтобы добиться реабилитации в глазах термидорианцев, несколько «разоблачительных» памфлетов: «Секретные причины революции 9 и 10 термидора», «Продолжение секретных причин» и т. д. В них Вилат приписал Робеспьеру чудовищный план физического истребления значительной части французского народа как богачей, так и бедняков, в целях нового распределения собственности. Столкнувшись с несоответствием между производительностью французской почвы и потребностями ее населения, Робеспьер будто бы решил выйти из этого затруднения путем уничтожения избыточного населения. Вилат выдает при этом Робеспьера за чистого «аграрианца». Передавая выслушанное им якобы из уст самого Робеспьера суждение о Гракхах, Вилат, например, пишет: «Идея аграрной системы — вот искра, промелькнувшая в этой сцене, чтобы осветить потемки, в которых я бродил». Террор и был, по мнению Вилата, средством к осуществлению аграрной системы и «черного передела». В разоблачениях Вилата было несомненно зерно истины. Вантозовские законы, предусматривавшие конфискацию имущества врагов революции и распределение его среди нуждающихся партриотов, выражали эгалитарные устремления якобинцев и должны были стать шагом вперед на пути

имущественного уравнения и общего увеличения числа мелких собственников.

Однако мы знаем уже, что вантозовские законы дают лишь одну сторону политики, проводившейся якобинцами весной 1794 года, что их эгалитаризм отличался половинчатостью, непоследовательностью и что, наконец, робеспьеристы оказались не в силах добиться проведения их в жизнь.

Все прочее оставалось, конечно, чистейшей фантазией Вилата. В угоду новым господам положения он размалевывал Робеспьера под людоеда и «аграрианца». Бабёф принял на веру вилатовские разоблачения, но перестроил вытекавшую из них критику робеспьеровского режима сообразно собственным своим убеждениям. Бабёф критикует Робеспьера не за эгалитаризм, не за аграрианство, а за подавление демократии, проведение политики террора и стремление произвести перемещение собственности исключительно в интересах укрепления режима диктатуры. Сам Бабёф подчеркивает, что он не намерен осуждать ту часть политического плана Робеспьера, которая относится к взиманию пособий с богатых в пользу детей и родственников защитников отечества. Он уделяет место беглому изложению своих политических воззрений. «Я говорю (хотя бы это показалось похожим на систему Робеспьера), что земля должна обеспечивать существование всех членов государства, все равно — сражаются они или нет; я говорю, что когда в государстве меньшинству удалось захватить в свои руки поземельную и промышленную собственность, когда она держит во власти большинство населения и пользуется своей силой для того, чтобы ввергать его в состояние нужды, мы должна признать, что такой монопольный захват мог создаться только благодаря дурным государственным учреждениям; а в таком случае… авторитет закона должен осуществить переворот, направленный к конечной цели разумного государства, созданного общественным договором: все должны иметь достаточно и никто не должен иметь слишком много. Если таковы были намерения Робеспьера, то он в этом отношении выказал себя настоящим законодателем».

Обеспечение за всеми трудящимися необходимых предметов потребления, равенство в воспитании, помощь нетрудоспособным, — вот, по мнению Бабёфа, предпосылки внутреннего мира и спокойствия. В противном случае, когда чаша переполнена, когда народная масса, лишенная продовольствия, изголодалась, природа (а она всегда была справедлива) прорывает все плотины, — тогда-то скрытая вражда, которая всегда существует между эксплуататорами и угнетенными, вспыхивает с внезапной силой и опрокидывает все препятствия.

Точно так же и Каррье нельзя обвинять за то, что он устанавливал налоги на богачей, таксировал продукты и наделял неимущих землей эмигрантов. Совсем иначе обстоит дело с политическими методами якобинцев и вообще с режимом «революционного правительства». В нем «следует искать причину всех зол». «Что такое максимум, продовольственная комиссия и все эти захваты? Это первый шаг к переходу всей собственности в руки правительства. Что такое гильотинирование богатых и конфискация под всяким предлогом? Это второй шаг на том же пути».

Даже максимум берется здесь под подозрение, хотя вообще Бабёф никогда не причислял себя к его врагам. Много места в брошюре уделяется войне с Вандеей, но Бабёф обнаруживает полное непонимание ее истинных причин, полное незнание самой социальной природы гражданской войны. Он склонен полагать, что наличие нескольких агитаторов предотвратило бы всякую возможность столкновения. Он взваливает на революционное правительство ответственность за все вандейские эксцессы. Он доходит до того, что обвиняет робеспьеристский Комитет общественного спасения в лице Барера в сознательном желании довести Париж путем организации систематической голодовки до восстания и затем совершенно разрушить его «по примеру Лиона». Он приписывает себе самую почетную роль в деле разрушения этого комплота во время своей службы в продовольственной комиссии. Все это крайне несерьезно, крайне легковесно. Обвинение Робеспьера в попытке разрешить мальтузианскую, как сказали бы мы теперь, проблему путем «хладнокровного истребления» излишней части населения кажется нам самым фантастическим вздором, какой только мог бы взбрести на ум публицисту, даже настроенному враждебно в отношении якобинцев, и самая брошюра Бабёфа производит впечатление какого-то кошмара на политические темы, порожденного хаосом термидора.

Так или иначе, но до самого конца 1794 г. Бабёф задержался на том этапе своей политической биографии, когда для него оставались характерными эгалитаризм, приверженность к демократии, резко отрицательное отношение к режиму якобинской диктатуры. По всем этим линиям, как мы видели, он смыкался с осколками эбертистов и «бешеных». Бабёфу еще предстояло проделать путь от формальной демократии к революционной диктатуре, от аграрного закона к коммунизму, от электорального клуба к «заговору равных».

Между тем крепнущий поток политической реакции беспощадно смывал людей, учреждения, законодательство и нравы революционной эпохи. Париж оказался во власти буржуазной реакции, олицетворенной распущенной золотой молодежью Фрерона, купеческими сынками, бульварными щеголями в высоких воротниках, длиннополых сюртуках и с дубинками в руках. Париж, суровый Париж спартанских нравов и якобинской диктатуры, превратился внезапно в город продажных женщин, головокружительных мод и бесстыдного прожигания жизни. Бешеная жажда наслаждений охватила и правящие круги, и «бывших» людей, переживших эпоху господства «неподкупного Робеспьера». «Мало того, — жаловался Бабёф, — что дерзкое распутство атакует меня на каждом шагу; ему разрешают, помимо этого, открыто предлагать мне, моему несовершеннолетнему сыну каталоги с адресами самых позорных притонов, с описанием талантов каждой уличной Венеры…» Эти уличные Венеры на верхах становились куртизанками большого жанра. Они выходили из разных слоев. Дочь испанского банкира Тереза Кабаррюс, разведенная маркиза де Фонтенэ, Розалия де Борнэ, вдова гильотинированного офицера-аристократа, жена банкира Рекамье, актрисы Солье и Конта, — вот имена главнейших из них. Особенно знаменитой была Кабаррюс, обвенчавшаяся в конце 1794 года гражданским браком с Тальеном. «Она проходит, — писала одна из бульварных газет, — и ей аплодируют, как будто она спасла республику; и как будто для спасения республики достаточно иметь испанскую фигуру, нежную кожу, прекрасные глаза, благородную походку, любезную улыбку, греческий костюм и голые руки».

Та же газета уверяла своих читателей, что чудеса роскоши, концерты, певец Гара и прекрасная гражданка Тальен «занимают парижан гораздо больше, чем все вопросы продовольствия, вместе взятые». Остается только удивляться неумному самодовольству термидорианского листка и равнодушному цинизму, с которым он отождествлял золотую молодежь и завсегдатаев полусветских салонов со «всеми» парижанами. Но такова уже была психология победившей крупной буржуазии и ее борзописцев.

На самом же деле уже со второй половины декабря 1794 г. продовольственный вопрос начал играть доминирующую роль в быту парижского населения. За отменой максимума, декретированной Конвентом 24 декабря 1794 г., последовал конвульсивный скачок цен. Рост дороговизны заставлял сожалеть о временах максимума чуть ли не на следующий день после его отмены. «Пока не обуздают свободу торговли, — говорили на улицах, — мы останемся несчастными, потому что с

упразднением максимума торговцы продают свои товары по тем ценам, по каким им заблагорассудится». Теперь, после снятия всех преград, поток спекуляции стал охватывать все больше и больше слои населения. «С тех пор как упразднены максимум и реквизиции, — читаем мы в одной парижской газете, — весь свет занялся коммерцией. Не думайте, что вы найдете все вам необходимое у оптовика, у крупного торговца, в больших магазинах, в просторных лавках; войдите лучше в любой дом, подымитесь на третий или четвертый этаж: вам покажут съестные припасы, сукна, полотно или какой-нибудь другой товар, с вас спросят втридорога и вам с бесстыдством ответят: «Ведь я не купец, я и не собираюсь заниматься продажей; это вы, хотите купить у меня и поэтому должны платить». Но все это не есть еще признак изобилия, так как, хотя и продают во многих местах, товаров все же не хватает…» Газета далее указывает на роль перекупщиков, — прежде чем попасть к потребителю, всякий продукт проходит через целую цепь перекупщиков, так что, например, сахар, стоивший 20 су, продается теперь за 12 и 13 ливров. На каком уровне остановится это «ужасающее вздорожание цен на съестные припасы?» — спрашивает газета. Особенно губителен дровяной кризис. Холодная зима усугубляет тяжелые последствия дороговизны. Обитатели окрестностей Парижа, видя, что дрова покупаются по любой цене, занимаются опустошением лесов.

Причина надвигавшегося голода крылась таким образом всецело в экономической политике, проводившейся термидорианцами. Это был голод «посреди изобилия», как любили тогда выражаться, поразивший исключительно низшие классы общества — пролетариат и пролетаризующуюся часть мелкой буржуазии. Продукты, имевшиеся на-лицо, мясо и овощи, которыми завалены были парижские рынки, кондитерские изделия, под которыми ломились витрины магазинов, — все это было абсолютно недоступно подавляющему большинству парижского населения. Париж больше чем когда-либо становился городом резких контрастов. В то время, когда в центральных его кварталах веселилась и прожигала жизнь веселящаяся термидорианская буржуазия, рабочие предместья, посаженные на нищенски голодный паек, корчились в муках голода. Начались случаи голодной смерти, произошел ряд самоубийств, вызванных голодом. «О, как мало в нас подлинного духа братства! — писал один термидорианский листок, напуганный перспективами нового восстания рабочих предместий… — Там бедняк делит со своей семьей кусок черного хлеба, а здесь, на столе богача, сверкает молочной белизны хлеб, выпеченный из нежной

пшеницы, купленной по баснословной цене…»

Немудрено, что тон «Народного трибуна», возобновленного 18 декабря (28 фримера), становился все более и более резким. Нравы и быт термидорианского Парижа — вот что прежде всего вызывает возмущение Бабёфа, а это приводит его к сопоставлению распущенности и продажности термидора с суровым, закаленным в гражданских добродетелях духом революционного режима. При этом режиме на подмостках театров царили «гражданские песни и революционные гимны, проституция исчезла совершенно. Париж перестал выставлять напоказ бесстыдный порок, ужасное искушение перестало отравлять душу юности». Бабёф признает теперь, что учреждения этой эпохи соответствовали принципам, но что они были испорчены засилием вероломных людей. Зато теперь Париж вернул себе дурную славу, приобретенную им во время монархии.

«На сцене теперь господствует легкий жанр, настоящая выставка разврата, оскорбляющая разум народа. Все предсказывает быстрое и полное восстановление господства бар. Уже начинается возрождение прежнего барского костюма. Для упрочения республики хотят ее напудрить, и во времена всеобщего бедствия, когда хлеба повсюду не хватает, когда его продают в некоторых местностях по тридцати ливров за фунт, Франция, оказывается, не может обойтись без того, чтобы не потратить четверть своей муки на парики чванной и многочисленной бюрократии».

Самая революция, по мнению Бабёфа, совершает движение вспять. «Все пороки, вся гниль старого режима отважно поднимают головы и стирают с лица земли людей и принципы революции. Повсюду встречаешь огрубение, упадок нравов, проституцию, разложение. Лесть и рабская угодливость царят в качестве добродетелей». Запершись в своей рабочей комнате, Бабёф долгое время обдумывал наилучшие способы борьбы и убедился в необходимости немедленно атаковать чудовище. «Когда я, в свое время, одним из первых обрушился с пылом на чудовищный эшафот, увенчавший систему Робеспьера, я был далек от того, чтобы предвидеть, что я способствую возведению здания, которое, несмотря на видимую противоположность своего устройства, будет не менее гибельным для народа; я был далек от той мысли, что требование снисхождения, упразднения угнетения, деспотизма и всякой несправедливой суровости, требование самой полной свободы слова и мысли повлечет за собой использование всего этого в целях подрыва самого фундамента республики, в целях разнуздывания самых реакционных страстей».

Тревогу в Бабёфе вызывает и триумфальное возвращение в Конвент жирондистских депутатов, и слухи об отмене конституции 1793 г. Впервые обращает он также внимание на рабочего и затрагивает вопрос об экономическом положении трудящихся масс.

Он не колеблется больше, давая определенную и вполне сочувственную оценку максимуму и резко высказываясь против фритредерской экономической политики термидорианцев. У него явно вырабатывается новый подход, новое понимание движущих сил революции. Политическая схема, первоначально усвоенная Бабёфом, начинает наполняться совершенно определенным социальным содержанием. «Я различаю, — пишет он в № 29, — две совершенно противоположные партии. Обстоятельства часто изменяют соотношение их сил, и только этим колебанием объясняется чередование успехов, выпадающих на долю каждой из них. Я охотно допускаю, что обе они хотят республики, но каждая хочет ее по-своему. Одна партия хочет республики буржуазной и аристократической; другая требует, чтобы республика сохранила чисто народный и демократический характер. Первая партия хочет, чтобы ничтожная кучка привилегированных и господ утопала в роскоши и в наслаждениях, а подавляющее большинство было поставлено в положение илотов и рабов; вторая партия требует для всех не только юридического, бумажного равенства, но и умеренного довольства, обеспеченного законом удовлетворения всех физических потребностей, и пользования всеми преимуществами общежития — в виде справедливого и неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком на общую пользу».

От этого резкого разграничения республики богатых и республики бедных Бабёф переходит к изложению политической программы плебеев. Вместо туманных юридических формул, вместо абстрактных «прав народа», мы находим конкретные требования, которые должны отстаивать «представители плебса». «Вспомните, — обращается к ним Бабёф, — закон, которым вы обещали сделать к концу войны собственниками всех защитников отечества. Вспомните закон, которым вы гарантировали почетную помощь инвалидам, детям, старикам, недостаточным всех классов. Вспомните закон, обеспечивающий труд всем полам и всем способностям. Вспомните о превосходном плане народного образования… согласно которому отечество, обязанное установить равенство в образовании, бралось обеспечить содержание детей на все время их образования. Вспомните закон, спасительный в высшей степени, несмотря на все, что можно

было сказать против него, которым вы поставили границы неутомимой алчности и смертоносному барышничеству, закон, который не был превосходным только по причине недостаточности мер, принятых для его действительного выполнения. Вспомните конституцию, санкционированную 10 августа 1793 года. Вспомните, наконец, закон, гарантировавший земельные участки из конфискованных владений врагов родины всем безземельным санкюлотам. Все эти законы составляют достояние бедняка. Он завоевал их ценой своей крови». Неужели теперь «они будут обесчещены и заменены аристократическим и враждебным народу законодательством богатых»?

Во всех этих требованиях нет ничего коммунистического. Чего добивается Бабёф? Осуществления якобинской конституции 1793 г. и исполнения ряда якобинских декретов, как-то: декрета от 27 февраля 1793 г. о наделении национальными имуществами «защитников отечества», декрета от 13 сентября того же года о предоставлении главам семейств, не владеющим землей, права льготной покупки эмигрантской земли, декрета от 23 июня об организации помощи бедным, декрета от 15 октября о мерах к искоренению нищенства и т. д. Но важно, что он заинтересовался уже экономическим положением масс, заинтересовался судьбою рабочего, фигура которого, согбенная под тяжестью невыносимого бремени дороговизны, начинает все решительнее вытеснять со страниц бабёфовской газеты абстрактного «гражданина» и защитника прав народа.

16 фримера Комитет общественного спасения издал распоряжение, согласно которому существовавшая в оружейных мастерских поденная заработная плата заменялась платою сдельной, и хозяевам мастерских предоставлялось право сокращения рабочего персонала, с тем, чтобы рабочие, подпавшие под сокращение, направлены были в армию. Это мероприятие Комитета вызывает самую суровую отповедь со стороны Бабёфа. Он сопоставляет декреты, покровительствующие чудовищному вздорожанию цен на предметы первой необходимости, с актами, направленными на «окончательное разорение рабочего класса». «Единственным результатом этого мероприятия будет то, что большое число рабочих, отцов семейств, содержавших семьи на свой заработок, оставят, направившись в армию, целые толпы женщин и детей, обреченных на крайнюю нищету, посреди полчища лавочников и торговцев, созданных, кажется, для того, чтобы давить и заставлять умирать с голода настоящий народ». Наряду, с этим Бабёфа возмущает прекращение казенных заказов на пошивку военного обмундирования, заказов, которые давали пропитание «женам санкюлотов».

Более подробному анализу Бабёф подвергает в том же номере разрешение свободного вывоза звонкой монеты, меры, направленной к уменьшению массы находящихся в обращении ассигнатов и упразднение максимума. Его выводы относительно неизбежных результатов этих мероприятий носят совершенно безотрадный характер: «Не надо удивляться, если рабочий, даже зарабатывающий такое количество денег, которое прежде можно было бы назвать суммой, умирает сегодня с голоду…» Что касается отмены максимума, «прекрасные результаты ее уже налицо» и «обращение сената к французскому народу» (подразумевается адрес Конвента по поводу отмены максимума) уже успело смягчить души всех лавочников и торговцев. «8 нивоза говорят о негодяях, распространяющих слухи о близком голоде. Но ведь голод уже наступил… Снова всплывает вопрос о максимуме. Он необходим. Вы признали, что не можете обойтись без него, вы восстановили максимальные цены на дрова. Но если нельзя обойтись без таксации дров и хлеба, то нельзя делать исключения для других предметов первой необходимости. Разве мне нужно только хлеба и дров?..»

Шаг за шагом крепнет реакция. Бабёфу остается только регистрировать все новые и новые контрреволюционные выпады термидорианцев. «Конвент плебеев! — восклицает Бабёф, — что хорошего скажу я о твоих делах?.. Кажется, все элементы контрреволюции восстают из хаоса… Здание республики потрясается в его основах».

Безвыходность положения заставляет Бабёфа идеализировать ненавистные ему времена Робеспьера. В то время как термидорианцы стараются убедить народ устами немногочисленного меньшинства, что все обстоит благополучно, Робеспьер поступал гораздо благоразумнее. При нем народ не жаловался, и убеждать в благополучии приходилось только незначительное меньшинство. Во времена Робеспьера народ не волновался, потому что у него не было недостатка в предметах первой необходимости, он располагал в изобилии средствами к труду и заработок рабочего был для него вполне выгодным. Благодаря этому и было возможно укрепить тиранию… Иначе обстоит дело теперь. «Когда вы делаете невозможным для меня приобретение дров и хлеба, повышая до чудовищного уровня все цены, лишая меня всякой возможности трудиться и, наконец, затыкая мне глотку, чтобы положить конец моим справедливым протестам, — вы всем этим ставите меня на порог отчаяния… и мне не надо размышлять много времени, чтобы убедиться, что вы являетесь единственной причиной всех моих бедствий». Этот отрывок очень характерен: он знаменует решительный шаг к

переоценке якобинской диктатуры.

Важно, что у Бабёфа появляется новый критерий для оценки прочности политического строя. Это — материальное благосостояние трудящейся массы. Именно на тяжести и безвыходности экономического положения «24 миллионов» строит он перспективы новой революции. Самый вопрос о необходимости нового восстания не возбуждает в нем никаких сомнений. «Должен ли народ восстать? — спрашивает Бабёф. — Вне всякого сомнения, он должен это сделать, если не хочет потерять свою свободу».

Самое восстание Бабёф мыслит в форме вооруженной, но мирной демонстрации, призванной оказать давление на Конвент. Он все еще рассчитывает на конвентское большинство, искренне преданное народу. Надо только уметь различать это большинство от зловредной фракции, гнездящейся в недрах Собрания и возглавленной Тальеном и Фрероном. Конвенту должна быть представлена петиция, в которой будут изложены все народные бедствия и указаны пути к их исцелению. Такая петиция уже в силу единодушной поддержки всей нации должна была бы стать законом. Но как же следует поступить, если Конвент обманет народ и отвергнет петицию? Прямого ответа на вопрос Бабёф не дает. Однако он ссылается на традиции «дня» 31 мая 1793 г., когда восставшие рабочие предместья Парижа заставили Конвент под наведенными дулами пушек санкционировать произведенный переворот.

5

В конце 1794 г. и в начале 1795 г. имя Бабёфа не переставало упоминаться в полицейских рапортах, на страницах реакционной прессы, с трибуны Конвента. Так, в одном реакционном листке от 28 января 1795 г. читаем: «Вчера в кафе Шартр читались отрывки бунтовщического писания гнусного Бабёфа. Он открыто проповедует гражданскую войну, пытается поднять рабочих и предместья против Конвента, который он называет кобленцским сенатом. Согласно этому нечестивцу, австрияки заседают в Национальном дворце. Все декреты, там составленные, редактируются нашими врагами, которые платят за это хорошие деньги. Охваченные чувством справедливого негодования, шесть граждан… отправились донести на зажигательные писания этого бунтовщика, который был уже однажды присужден к двадцатилетнему заключению и который ныне находится под покровительством Фуше; Комитет общественной безопасности

принял их очень хорошо и выразил свое удовлетворение по адресу патриотов, собирающихся в кафе Шартр».

29 января (10 плювиоза) вопрос о Бабёфе был поставлен в Конвенте. Тальен указал Конвенту на газету Бабёфа как на угрозу национальному представительству и обвинил Фуше в том, что он просматривает ее корректурные листы. «Вот человек, желающий гражданской войны», — заявил Тальен о редакторе «Народного трибуна» и тут же привел ряд отрывков из газеты, которые, по его мнению, могли служить доказательством преступных намерений Бабёфа. Фуше не отрицал своего знакомства с Бабёфом, подтвердил также получение им от Бабёфа рукописи брошюры, посвященной возвращению в Конвент жирондистских депутатов. «Эта брошюра, — добавил он, — не была опубликована и это достаточно говорит о том, каково было мое поведение в этом вопросе». Сношения между Фуше и Бабёфом действительно установились в течение зимы 1794/1795 г. Что было общего между трибуном народа, пламенным проповедником прав народа — Бабёфом, и Фушэ, бывшим священником, бывшим комиссаром Конвента, проконсулом Лиона и будущим министром Директории, Наполеона и самого христианнейшего короля Людовика XVIII? Не забудем, что Фуше находился в это время под смертельной угрозой. После казни Каррье, Фукье-Тенвиля и ряда других деятелей 93 года он был намечен очередной жертвой термидорианской реакции. Вожди термидора не успели еще разглядеть абсолютной беспринципности и аморальности этого человека, готового идти на службу любому режиму и любой партии. Фуше приходилось бороться. В поисках какой-либо базы он обратился к Бабёфу, должно быть не без намерения предать его в случае неудачи. Фуше находился в свое время в оппозиции робеспьеровскому режиму, и это обстоятельство, так же как и близость Фуше к Эберу, Шометту и «бешеным», делали его желанным человеком для Бабёфа. Трудно судить, пользовался ли Фуше каким-либо влиянием на Бабёфа. Нам это представляется мало вероятным. Так или иначе, Тальен сопоставил их имена в своей обвинительной речи, он изобразил их зачинщиками гражданской войны, и действительно, тон статей «Народного трибуна» становился все более и более резким. Правда, Бабёф успел выпустить всего шесть номеров газеты, но и этого было совершенно достаточно.

Полиция была поставлена на ноги для розысков Бабёфа. Начали с того, что задержали газетчиков, продававших экземпляры «Народного трибуна». При допросе некоей гражданки Анны Фремон 10 плювиоза III года республики выяснилось, что она получала газету непосредственно от Бабёфа. Этот человек лет

около сорока, одетый то в редингот, то в другое платье, цвет которого она не успела запомнить. У него «задумчивый вид, лицо худое, продолговатое, он среднего роста».

№ 32 «Народного трибуна» вышел в свет 13 плювиоза, а через два дня Комитет общественной безопасности постановил арестовать Бабёфа за призыв «к восстанию, убийству и роспуску национального представительства». 19 плювиоза (7 февраля 1795 г.) полиция наконец разыскала Бабёфа. Он был арестован в каморке второго этажа, на улице Сент-Антуан. При нем нашли рукопись № 33 «Народного трибуна». Арестованный потребовал, чтобы его допрос производился каким-либо депутатом, кроме того он направил в Комитет общественной безопасности заявление, озаглавленное: «Народный трибун… №.34 и Последний», в котором пытался оправдаться от обвинения в организации восстания, подчеркивая мирный характер предлагавшейся им петиции. Его заверения были, впрочем, совершенно безрезультатны. Реакция со вздохом облегчения констатировала обезвреженье опасного врага. «Арестован Бабёф, нарушитель законов и подделыватель документов, подделавший даже свое имя — Гракха, самовольно им присвоенное, — заявил в Конвенте 20 плювиоза представитель Комитета безопасности Матье, — сейчас он бессилен призывать граждан к восстанию, как он не переставал это делать весь последний месяц». Матье тут же оклеветал Бабёфа, приписав ему попытку подкупить арестовавшего его жандарма суммой в 30 тысяч ливров. Бабёф в своем заявлении Комитету общественной безопасности легко опроверг это обвинение указанием на то, что в момент ареста на его квартире было найдено всего шесть франков денег.

Реакция не только учинила расправу над личностью Бабёфа — она стремилась уничтожить экземпляры ненавистной ей газеты. 21 плювиоза группа золотой молодежи, в «театре Горы» жгла номера «Народного трибуна». Ей аплодировала буржуазная публика, наполнявшая театр. Такое же аутодафе учинили с вышедшей около того же времени прокламацией Бабёфа, в которой он «из глубины своего заключения» пытался реабилитировать себя от обвинения в подлоге официальных документов. Бабёфу нечего было ждать пощады от своих врагов. 15 марта он был переведен в тюрьму, в провинциальный город Аррас.

6

Аррасские тюрьмы, а в частности тюрьма Боде, в которую

Бабёф попал вместе с маратистом Лебуа, редактором «Друга народа», были переполнены врагами господствовавшего режима. Шарль Жермен из Нарбона, бывший гусарский офицер, Тафуро, Кошэ, Фонтанье, — все они впоследствии стали участниками «заговора равных». Несмотря на всю строгость, заключенные поддерживали между собой весьма оживленную переписку. Кроме того, к ним сравнительно регулярно поступали сведения из внешнего мира, и они были таким образом в курсе важнейших политических событий.

Прежде всего пришлось им услышать о кровавых днях жерминаля и прериаля. Дважды подымался за это время изголодавшийся рабочий люд парижских предместий. Дважды потерпел он полное поражение. 12 жерминаля громадные толпы рабочих, мужчин, женщин и детей ворвались в залу заседаний Конвента с исступленными криками «хлеба, хлеба». Оратор демонстрантов потребовал у Собрания осуществления конституции 1793 г., освобождения патриотов, арестованных после 9 термидора, и решительных мер к преодолению продовольственного кризиса. В течение нескольких часов в переполненном до отказа зале стоял шум голосов многотысячной толпы. Постепенно энергия ее стала угасать. Небольшая группа монтаньяров, последыши великой Горы 1793 г. — Ромм, Гужон, Субрани и др., на поддержку которых рассчитывали демонстранты, держались пассивно. Более того, смешавшись с толпой, они стали убеждать демонстрантов разойтись по домам. Начался великий исход. Зал постепенно опустел. Как только термидорианцы сообразили, что опасность миновала, они перешли к политике репрессий. Объявили Париж на осадном положении. Постановили немедленно выслать в колонии бывших членов правительственных комитетов, «левых» термидорианцев Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье, которые теперь только полностью вкусили от плодов своего участия в термидоровской контрреволюции. Наконец, с помощью буржуазной национальной гвардии и войск разогнали сборища активных участников демонстрации, пытавшихся укрыться в рабочих секциях Парижа.

Жерминаль подкосил, но не сломил сил рабочего класса. Прошло немногим более полутора месяцев, и в 5 часов утра 1 прериаля удары набатного колокола возвестили Парижу о новом восстании. Конвент был вновь наводнен массой демонстрантов. Терроризованные их видом депутаты приняли ряд предложений, занесенных монтаньярами, вынужденными под давлением обстоятельств выйти из состояния нейтралитета. Однако достигнутый успех не был закреплен. К вечеру толпа стала

редеть. Остатки ее были рассеяны буржуазными национальными гвардейцами, ворвавшимися в залу заседаний с ружьями наперевес. Депутаты монтаньяров были арестованы и черновики декретов, принятых «по настоянию мятежников», торжественно сожжены.

На следующий день 20-тысячная вооруженная толпа, располагавшая даже несколькими пушками, обложила Конвент, вызвавший на защиту национальную гвардию и войска. Однако и на этот раз термидорианцам удалось не довести дела до открытого вооруженного столкновения. Рабочих разложили, братаясь с ними, послав в гущу толпы самых опытных агитаторов. Демонстранты разошлись по домам, не сознавая еще, что они проиграли решающую битву.

Новая демонстрация не была допущена. 4 прериаля пехота и конница ворвались в Антуанское предместье и разоружили его рабочее население. Начались репрессии. Особо учрежденная военная комиссия вынесла 38 смертных приговоров. Смертные приговоры были вынесены и арестованным депутатам-монтаньярам. Эти герои соглашательства сумели дать высокий образец бесплодного героизма, покончив с собой в самый момент объявления приговора. Из пяти только двое стали жертвой гильотины.

Между тем руководство движением не было делом рук монтаньяров. И жерминаль и прериаль подготовлены были электоральцами, т. е. теми осколками «бешеных» и эбертистов, которые объединились на платформе электорального клуба. Мы можем также со значительной долей вероятности утверждать, что и Бабёф сыграл определенную роль в подготовке восстания. 25 вантоза он писал Фуше из тюрьмы по поводу жерминальских событий: «Мы проиграли великую битву». Выражение это несомненно не случайно, оно указывает нам, что Бабёф не только солидаризовался с восстанием, но и мыслил себя как одного из его участников.

В самом деле, и жерминаль и в большей степени прериаль, по крайней мере в первый его день, были попыткой осуществления того плана вооруженной, но мирной демонстрации, который Бабёф развивал в последних номерах своего «Народного трибуна». Недаром утром 1 прериаля в толпе циркулировали экземпляры этой газеты.

Надо, впрочем, признать, что план этот был из рук вон плох. Он исключал возможность разгона Конвента и искусственно замыкал восстание в рамки вооруженной демонстрации, означавшей бессмысленную растрату революционной энергии масс. Демократические иллюзии, разделявшиеся Бабёфом

совместно с эбертистами и «бешеными» принесли свои плоды. Если восставшая толпа и обнаруживала стремление к разгону негодного парламента, то руководители ее не сочувствовали этим стремлениям, направляя самое восстание в такое русло, на котором оно заранее было обречено на неудачу.

Изучение опыта жерминаля и прериаля должно было оказать на Бабёфа сильнейшее впечатление. Опыт этот учил тому, что только хорошо подготовленное, тщательно руководимое и организованное вооруженное восстание может низвергнуть политическое господство нуворишей. Опыт этот подсказывал далее, что, захватив власть, нужно будет ответить террором на террор и что режим, который наступит на другой день после победоносного восстания, может быть только режимом революционной диктатуры. Отсюда уже следовали и выводы, касавшиеся оценки исторического прошлого Французской революции. Бабёфу пришлось иными глазами взглянуть на якобинцев, пришлось признать громадное положительное значение якобинской диктатуры, пришлось признать контрреволюционный характер переворота, происшедшего 9 термидора. Но этим не исчерпывалась еще переоценка ценностей, на которую пошел Бабёф. Углубляя свой эгалитаризм, Бабёф решительно провозгласил осуществление фактического равенства конечной целью революции. Этим самым эгалитаризм Бабёфа поднимался на новую, высшую ступень, на которой он переставал быть эгалитаризмом.

Следы сложной эволюции, проделанной Бабёфом в дни тюремного заключения, сохранены в переписке, которую он вел с товарищами по заключению, главным образом с жизнерадостным и полным революционного энтузиазма Жерменом. К сожалению, до нас дошли далеко не все письма, которыми обменивались друзья и товарищи по заключению, в особенности мало писем сохранилось от Бабёфа. Тем не менее можно, хотя бы и в самых общих чертах, восстановить основные этапы пути, проделанного Бабёфом. Особенно важным с этой точки зрения является письмо от 10 термидора, в котором Бабёф дает исчерпывающую характеристику своих новых воззрений. И вот что интересно отметить: у Бабёфа теория идет всегда рука об руку с практикой; более того, теория носит подчас служебный, подчиненный характер, на первом плане стоит революционная практика, осуществление на деле отвлеченной, казалось, схемы общественного переустройства. Так и в аррасской тюрьме: выработка нового взгляда на конечные цели революции, новой социальной утопии идет параллельно с подготовкой нового революционного восстания.

Бабёф и Жермен переписывались не только на чисто отвлеченные темы; в порядке дня стояла организация распыленных сил революции под новым знаменем, под новыми лозунгами. «Мы расточаем слова и не движемся вперед. Кому нужна при таких условиях наша непоколебимая стойкость?» — писал Бабёф Жермену, а тот отвечал ему: «Полагаешь ли ты, что пришел час действовать?» «Твой план, — читаем мы в другом письме Жермена, — это законы Гракхов»… Письмо Бабёфа от 10 термидора начинается с указания на возможность близкого освобождения. Правительство, обеспокоенное успехами роялистов, нуждается, по его мнению, в поддержке стойких и мужественных патриотов, и это обстоятельство надо использовать для того, чтобы всецело отдаться «нашему великому делу». Дальше следует развитие новых мыслей касательно торговли и распределения материальных благ.

«Я вижу, — пишет Бабёф, — без рубах, без сапог, без платья почти всех тех, кто растит лен и пеньку, почти всех тех, кто фабрикует эти материи, шерсть или шелк, почти всех тех, кто ткет, кто изготовляет полотно и ткани, выделывает кожу и шьет обувь. Я вижу также, что рабочие, занятые в производстве мебели, ремесленных инструментов или домашней утвари и на постройках, нуждаются почти во всем. Присматриваясь затем к ничтожному меньшинству, не нуждающемуся ни в чем, я замечаю, что, за исключением землевладельцев, оно состоит из всех тех, кто не довольствуется вычислениями, комбинациями, выворачиванием наизнанку, разогреванием и подшиванием — каждый раз все в новой форме — старого-престарого заговора части против целого; с помощью этого заговора становится возможным привести в движение массу рабочих рук так, чтобы сами работники не воспользовались созданным ими продуктом, предназначенным скопиться в огромном количестве под руками преступных спекулянтов, которые, столкнувшись в целях непрерывного понижения заработной платы, сговариваются между собою или с посредниками, распределяющими сосредоточенные ими запасы, т. е. с купцами, их соучастниками в воровстве, для того, чтобы установить определенные цены на все товары, цены, доступные богачам их круга, всем тем, кто в состоянии всякими правдами и неправдами накоплять деньги и захватывать в свои руки все богатства. С этого момента эти бесчисленные рабочие руки, создавшие все продукты, не могут ничего добиться и ни к чему прикоснуться, и настоящие производители обречены на лишения; по крайней мере, можно сказать, что ничтожная доля, которую им предоставляют, это просто какие-то объедки или жалкие крохи со стола природы».

Бабёф пытается в дальнейшем дать свое определение торговли; по его мнению, это совокупность действий, необходимых для того, чтобы добыть сырье, использовать его в разных направлениях и надлежащим образом распределить. Но купцы, занятые самой подчиненной функцией торговли — распределением, получают несравненно больше, чем непосредственные производители. Это результат злоупотребления с их стороны. «Вот, — замечает по этому поводу Бабёф, — варварский закон, продиктованный капиталами». Этой системе должен быть положен конец. Бабёф не делает пока что никаких конкретных выводов из этого положения, опасаясь, быть может, непрошенных читателей. Жермен, с другой стороны, одушевленный воззрениями Бабёфа, ищет единомышленников и занят пропагандой аграрного закона в стенах аррасской тюрьмы. Так 11 термидора он пишет Бабёфу: «Гуйяр (один из политических заключенных. — П.Щ.) обнимает тебя; я посвятил его в мистерии «аграрианизма». Можно предположить, что среди заключенных были заложены основы конспиративной организации, призванной бороться за осуществление идеалов Бабёфа. О том же Гуйяре Жермен пишет 28 термидора: «Я выполнил твои распоряжения: Гуйяр стал членом ордена равных, он произнес обеты со всем жаром и благочестием, которые приличествуют нашей миссии разума и справедливости. Он полон веры и энтузиазма. Я надеюсь, что он останется верным принципам Гракхов».

Сам Жермен переживает глубокий революционный подъем и охвачен готовностью ко всяким жертвам. «Я клялся, я верю, я готов» — эти слова он без устали повторяет в своих письмах.

Каким удивительно светлым пятном выделяется эта горсть политических энтузиастов на мрачном фоне Франции 95-го года. Сколько энергии, революционной веры и мужества нужно было иметь для того, чтобы в стране, охваченной реакцией и придавленной экономическим кризисом, начать проповедь новой революции. И где начать проповедь! В тюрьме, среди кучки отщепенцев термидора, раздавленных и побежденных в борьбе с реакцией, в тюрьме, где заключенные роялисты угрожали самосудом Бабёфу и его товарищам. Именно из тюрьмы раскинулись по Франции первые нити заговора, первые нити новой революционной организации. Бабёф, Жермен и их единомышленники, конечно, всячески старались удержать связь с внешним миром. Два письма Бабёфа, обращенные к «Адской армии», служат лучшим образчиком той пропаганды, которую пытались вести бабувисты. Особенно интересно второе письмо, в котором содержится резкая критика новой конституции, только

что провозглашенной Конвентом. По этой конституции, «богачи и интеллигенты — одни составят всю нацию». По этой конституции, «у вас не будет короля, у вас целых пять королей». Бабёф предлагает всем патриотам разнести вдребезги отвратительное сооружение тирании.

Второе послание Бабёфа помечено 18 фруктидора III года республики. Срок заключения в Аррасе приходил к концу. 24 фруктидора (12 сентября 1795 года) Бабёф и Жермен были переведены из Арраса в парижскую тюрьму Плесси. В Париже Бабёф провел в заключении немного больше одного месяца. Роялистское восстание в вандемьере вызвало внезапное полевение у заправил Конвента. Казалось неудобным держать в тюрьме людей, которые, временно хотя бы, могли быть использованы для борьбы с роялистской опасностью. Восстание имело место 12–13 вандемьера, а 26 (18 октября) Комитет общественной безопасности особым постановлением освободил Бабёфа. «Народный трибун» был снова на свободе. 4 брюмера общая амнистия, объявленная Конвентом, вернула Бабёфу его новых друзей и единомышленников. Теперь можно было приниматься за организацию, за подготовку новой революции во-имя равенства, во имя общего блага.

Глава IV
Директория и пантеоновцы

1

2 ноября 1795 г. Исполнительная директория Французской республики вступила в исполнение своих обязанностей. Наступил новый этап в развитии после-термидоровской буржуазной реакции. «После падения Робеспьера, — писал Маркс, — начинается эра прозаического осуществления политического просвещения, которое раньше хотело превзойти самого себя, которое утопало в преувеличениях. Революция освободила буржуазное общество от феодальных пут и официально признала его, как ни старался впоследствии терроризм принести это общество в жертву антично-политическому строю жизни, Но только при правительстве Директории стремительно вырывается наружу и закипает ключом настоящая жизнь буржуазного общества. Горячка коммерческих предприятий, страсть к обогащению, опьянение новой буржуазной жизнью, где на первых шагах наслаждение принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и одурманивающий облик; действительно просвещенное использование французских земель, феодальное расчленение которых разбито было молотом революции и которые лихорадочная горячность бесчисленных новых собственников подвергла теперь всесторонней обработке; первые движения освободившейся промышленности, — все это были отдельные жизненные симптомы только что народившегося буржуазного общества. Буржуазное общество находит своего положительного представителя в буржуазии. Буржуазия вступает таким образом на путь своего господства. Права человека перестают существовать исключительно в теории». («Святое семейство». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 151).

Директория, по словам Энгельса, «представляла собой буржуазное и крестьянское правительство». (Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». Соч., т. XIV, стр. 377). Уточняя классовую базу Директории, мы можем сказать, что она в первую очередь опиралась на новую, спекулятивную буржуазию. Непосредственное ее окружение состояло из нуворишей — новых богачей, удачливых спекулянтов, военных поставщиков, приобретателей национальных имуществ, людей, наживших состояние в бурные годы революции. Конституция III года была

не чем иным, как попыткой закрепить политическое господство нуворишей, придав ему форму буржуазной, цензовой республики. При выработке новой конституции и при обсуждении ее в Конвенте термидорианские заправилы не стеснялись прямо указывать на ее социальный смысл. «Нами должны управлять наилучшие, — докладывал Конвенту в заседании 5 мессидора Буасси и д'Англа, — наилучшие же — это наиболее образованные и наиболее заинтересованные в поддержании законов. Но, за очень немногим исключением, вы встретите подобных людей лишь среди тех, которые, обладая собственностью, привязаны к стране, где она находится, к законам, защищающим ее…. Страна, управляемая собственниками, живет в условиях общественного строя; страна, где управляют не собственники, живет в естественном состоянии». Не менее красочно выражался в брошюре, посвященной проекту конституции, известный буржуазный экономист Дюпон де Немур: «Очевидно, что собственники, без согласия которых никто не мог бы иметь ни жилища, ни пищи в стране, суть ее граждане по преимуществу. Они верховные повелители милостью божией, благодаря самой природе, своему труду и своим затратам». Невозможно было более откровенно обобщить уроки, извлеченные буржуазией из опыта великих народных движений 1792–1794 гг. Задача конституции сводилась к тому, в первую очередь, чтобы воздвигнуть прочную плотину против массовых движений, против возможных потрясений складывающегося буржуазного общества. Она отменяла всеобщее избирательное право и признавала полноту политических прав лишь за плательщиками налогов. При этом восстанавливая систему двойных выборов, конституция сужала ряды избирателей второй степени, включала в их состав только располагавших имуществом, приносившим доход, равным по цене 200 рабочим дням, наемщиков жилищ, приносящих доход, равный цене 150 рабочих дней, и арендаторов сельскохозяйственного имущества с доходом, равным цене 200 рабочих дней.

Законодательный корпус, по конституции, разделялся на две палаты — Совет пятисот и Совет старейшин. Каждый год одна треть состава Советов должна была переизбираться. Совет пятисот получил право законодательной инициативы, право предлагать проекты законов, которые затем должны были утверждаться старейшинами. Исполнительная власть поручалась Директории из пяти лиц, избираемых старейшинами из числа кандидатов, намеченных Советом пятисот. Полномочия Директории были достаточно обширны, в особенности в области внешней политики, хотя, с другой стороны, она была лишена

прямого участия в законодательной власти. Управляла Директория с помощью министров, ответственных только перед ней.

В области местного самоуправления конституция III года завершила разгром народной организации власти. Коммуны с населением меньше 5 000 жителей вовсе лишились самоуправления. Зато крупные города оказались разбитыми на несколько самоуправляющихся единиц, ничем между собой не связанных. Сами муниципалитеты поставлены были под строгий контроль департаментских властей и агентов центральной власти.

Таков, в самых общих чертах, фасад политического здания, воздвигнутого термидорианскими дельцами. Прозаический факт господства нуворишей оказался тщательно завуалированным сложной комбинацией и игрой конституционных сил. Однако антинародный, контрреволюционный характер конституции был с самого начала ясен и Бабёфу и последышам Горы.

Последние месяцы Конвента оказались периодом острейшей борьбы в лагере буржуазии. Значительная часть крупной буржуазии старой формации, экономически обескровленная в годы революции, видела единственно возможную гарантию своего процветания в восстановлении монархии. Только через подавление поднятого в вандемьере роялистского восстания части парижских крупнобуржуазных секций пришли термидорианцы к сохранению и консолидации своего политического господства. Поэтому-то Директория с момента своего возникновения имела противников и слева и справа. Справа это были не только представители разгромленного феодализма, но также и монархически настроенное крыло крупной буржуазии. Слева в оппозиции к Директории находились мелкая буржуазия и пролетариат — классы, потерпевшие поражение, экономически истощенные, но все еще представлявшие реальную угрозу существующему порядку вещей. Само собой разумеется, что острие всей политики Директории заострено было налево, что здесь перед ней находился главный, самый опасный противник. Демагогические заигрывания Директории и отдельных ее представителей с остатками якобинской партии, с людьми, близкими кругам «левой оппозиции», ничего не меняли в этом деле. Идея левого блока коалиции с «террористами», выдвигалась директорами только для запугивания правого крыла Советов.

Правда, и внутри самой Директории было свое левое и свое правое крыло. Все пять директоров, связанные общностью своего политического прошлого, вышли из рядов Национального

конвента, все пять голосовали за казнь Людовика XVI, все пять активно участвовали в событиях термидорианской реакции. Но из этих пяти двое — «организатор победы» Карно и его коллега военный инженер Летурнер — обнаруживали явную тягу вправо, явное желание добиться установления политических связей с правым, скрыто монархическим крылом Советов. Центральную, до известной степени, позицию занимал Барра, бывший дворянин, офицер королевского флота и в Конвенте один из видных лидеров термидорианцев, создавший себе репутацию победителя на посту командующего «внутренней (парижской) армией» в день термидоровского переворота и позднее, в эпоху вандемьерского восстания. Барра воплощал в себе стиль и манеру жизни победивших нуворишей. Продажный политик, азартный игрок, авантюрист крупного калибра, он в шляпе с огромным плюмажем, бряцающий громадной позолоченной саблей — был несомненно самым «представительным» из членов нового правительства. «Жизнь его, — пишет историк Сорель, — представляет как бы разыгрываемый, на сцене роялистов роман конца века, развратный, похотливый, кровожадный в роскошном переплете и с гнусными иллюстрациями».

Эльзасский адвокат Ребель на ряду с Карно самый методичный и работоспособный из всех директоров, оказывался вовлеченным в спекуляции самого сомнительного свойства; к нему обращались, чтобы получить те или иные поставки или доходные комиссии. Наконец, Ларевельер-Лепо, бывший жирондист, представлял собой образец реакционного доктринера. Главной его заботой было попечение о новой религиозной секте, вербовавшей своих адептов в кругах буржуазной интеллигенции, так называемом «культе теофилантропов».

Таков был состав правительства, в борьбу с которым вступили Бабёф и его единомышленники.

Политика Директории на всем протяжении ее существования была не чем иным, как попыткой упрочить в форме буржуазной республики господство нуворишей. Характерные черты этой политики — лавирование, зигзаги, уклоны то вправо, то влево, при непременном условии подавления революционно-демократической и пролетарской оппозиции и при одновременном отстранении от власти представителей тех собственнических крупнобуржуазных слоев, которые обнаруживали стремление к компромиссу со старым порядком ценою восстановления монархии и политической ликвидации режима «цареубийц». Орудием политики Директории должна была стать целая цепь переворотов, потому что самая оболочка парламентской республики оказалась слишком тесной для

вандемьеровских победителей. Напоследок же вконец проституированная республика нуворишей должна была сама пасть жертвой военного переворота и уступить место неприкрытой диктатуре сабли и штыка.

2

Укрепление буржуазной реакции в первые месяцы Директории шло параллельно с глубоким обнищанием народных низов. Экономический кризис, продолжая свирепствовать в стране, обрекал массы на долгие месяцы полуголодного существования. Экономическая политика, проводившаяся термидорианцами, облегчила невиданное еще развитие спекуляции и ажиотажа. По словам одной современной наблюдательницы, «мания торговли овладела французами… Бумажные деньги в особенности способствуют развитию во Франции духа спекуляции и позволяют воображению обольщаться призраками несуществующих богатств… Пара башмаков стоит тысячу франков, кусок ленты пятьсот… Даже женщины ударились в спекуляцию. Одни продают свечи, другие мужскую обувь, все охвачены жаждой наживы и заняты разноской по домам образцов своих товаров».

«Сегодня, — читаем мы в другой газете, — все стали торговцами, новые богачи окончательно обнаглели, бедняк худеет, рабочий ропщет, фермер пухнет от ассигнаций и тем не менее презирает их, деревня разоряет город и обрекает его на голод».

Непрекращающееся падение курса ассигнаций образует фон картины. К октябрю 1795 г. за 10 ливров бумажными ассигнациями давали 1 ливр 19 су и 3 денье в металле. Если луидор (золотая монета в 80 ливров) 5 брюмера (27 октября) котируется в 2376 ливров, то 6 брюмера он подымается до 2666, 7-го — до 3202 и т д. К 1 ноября курс ассигнаций падает до 16 су 6 денье за 100 бумажных ливров, к 1 января — до 8 су 9 денье, к 1 марта — до 7 су 9 денье и к 1 июня — до 3 су 9 денье. В ноябре 1795 г. в Париже пара чулок стоила 1500 ливров, сапоги — 3000 ливров, шляпа — 2700 ливров, обед в ресторане — 500 ливров. С половины декабря 1794 г. и до половины октября 1795 г. хлеб вздорожал в 30 раз, уголь — в 27 раз, дрова — больше чем в 22 раза, картофель — почти в 19 раз, масло — более чем в 15 раз, мясо — в 13 раз, башмаки — в 13 раз, сахар — в 9 раз. За период с 1790 г: по сентябрь 1795 г., по подсчету «Французской газеты», большинство товаров повысилось в цене в 25–30 раз, в то время

как основной предмет питания беднейшего населения — хлеб — повысился в цене в 117 1/2 раз! Немудрено, поэтому, что зима 1795/1796 г. оказалась продолжением того «голода посреди изобилия», который прочно воцарился в Париже после отмены максимума. Продовольственный кризис бил не только по рабочим и ремесленникам, но и по всему мелкому люду столицы. Только общее настроение по сравнению с предыдущей зимой было гораздо мрачнее, гораздо подавленнее. Сказывались последствия поражений в жерминале и прериале, роста политической реакции и буржуазного террора. Однако глухая ненависть к торгашам и спекулянтам и к их правительству, ненависть, все время пробивавшаяся наружу ив самой толщи народных масс, не переключалась в еще более действенные формы, в открытую борьбу против Директории. И тем не менее власти с тревогой и беспокойством следили за малейшими проявлениями недовольства и брожения в рабочем классе Парижа. А поводов к такому брожению было сколько угодно. Помимо общеэкономического положения, вся политика Директории изо дня в день наглядно демонстрировали рабочему классу, что он может ждать от победившей и торжествующей буржуазии.

При режиме Директории не могло быть речи ни о каком легальном стачечном движении, ни о каком объединении рабочих, хотя бы на чисто экономической почве. Статья 360 конституции III года подтверждала запрещение каких бы то ни было «корпораций и ассоциаций, противных общественному порядку». Когда в 1796 г. начались волнения среди рабочих бумажных мануфактур, Директория ответила на них свирепейшим постановлением от 16 фруктидора IV года республики. В постановлении этом указывается прежде всего на то, что «рабочие бумажных мануфактур продолжают соблюдать между собой обычаи, противные общественному порядку, празднуют праздники своих объединений и братств, налагают друг на друга штрафы, прекращают подчас работу в своих мастерских, запрещая ее другим, требуют чудовищной платы от своих хозяев и т. д». Самое постановление Директории воспроизводит почти дословно королевский регламент от 27 января 1739 г., направленный против рабочих-бумажников. Более того, Директория считает этот регламент не утратившим своей силы и действующими наравне со знаменитым законом Ле Шапелье от 27 июня 1791 г., объявившим под запретом всякие коалиции и объединения рабочих. Первый пункт категорически воспрещает какие бы то ни было объединения рабочих, — рабочий может подать жалобу «индивидуально», но он «ни в коем случае не может прекратить работу» (п. 2). Далее запрещаются

всякие штрафы, всякие попытки бойкота отдельных предпринимателей. Сборища рабочих, «угрожающие свободе промышленности труда, будут рассеиваться силой».

Таким образом, правительство буржуазной республики продолжало по отношению к рабочему классу политику королевского абсолютизма. Получив все возможное от революции, приказчики нуворишей загоняли пролетариат под сень «королевских регламентов».

Между тем экономическое положение рабочего класса и в Париже и в провинции продолжало оставаться чрезвычайно тяжелым. Кризис, возникший в 1792/1793 г. и охвативший все важнейшие отрасли промышленности, не был ликвидирован и в эпоху Директории. Наоборот, можно утверждать, что фритредерская политика Директории, проводившаяся в интересах спекулянтских слоев финансово-торговой буржуазии, углубила его, сделала его последствия особо тягостными для рабочего класса. Французская промышленность переживала в это время полосу глубочайшей депрессии. Не хватало сырья, расстройство бумажно-денежного обращения, вызванное отменой максимума, приводило к тому, что нужное сырье пряталось. Обескровленная отливом капиталов, страдающая от технической отсталости французская промышленность не могла сколько-нибудь удачно конкурировать с потоком заграничной контрабанды.

Все вместе взятое делало положение парижского пролетариата в зиму 1795/1796 г. бедственным, если не прямо катастрофическим. Средний дневной заработок рабочего равнялся 100–120 ливрам ассигнациями. Между тем уже в декабре четверик худшего картофеля стоил 200 ливров, за фунт хлеба платили 50–55 ливров, за фунт мяса — 120 ливров. На первых порах в менее сознательных прослойках столичной бедноты с установлением Директории связывались кой-какие надежды. «Бедный ропщет и боится, — читаем мы в полицейском донесении, — надвигающейся зимы. Что его возмущает, так это низкая алчность и наглость крестьян и торговцев овощами и мукой; все его надежды связываются с новым конституционным режимом». В другом донесении читаем: «Народ…. отдаваясь своим прихотям, хочет максимума, домашних обысков, уравнения в цене ассигнаций со звонкой монетой, уничтожения самых досок, с которых печатают ассигнации. Он подобен больному, охваченному лихорадкой, несчитающемуся с усилиями врача вывести его из этого положения». Впрочем, автор этого донесения, не поскупившийся на краски при изображении «прихотей народа», резюмирует свои наблюдения в более спокойных тонах. «Приходят после зрелого обсуждения всех этих

вопросов к необходимости положиться на мудрость законодательного корпуса и суровость исполнительной власти». Однако все надежды, связываемые с установлением нового правительства, относятся не столько, к самому факту политической перемены, сколько к возможности облегчения продовольственной нужды столицы. И когда вспыхнувшая было надежда сходит на-нет, она уступает место отчаянию. «Нет больше доверия, нет больше надежды, — констатирует рапорт от 8 брюмера, — отчаяние — вот единственное сохранившееся чувство».

На первых порах усиливающийся ропот грозил не столько политической революцией, сколько разгромом лавок и магазинов голодающей толпой. «Рабочие Жерменского предместья, возмущенные исключительной дороговизной съестных припасов, решились, кажется, двинуться на торговцев», — читаем мы в донесении от 20 брюмера. На следующий день «женщины грозятся наказать барышников с ножом в руках, если не последует уменьшение цен». Брожение выливается на площади перед дворцом Равенства (б. Пале-Рояль) в открытые беспорядки. Толпа врывается в торговые помещения, обращает в бегство булочников, опрокидывает столы и грабит хлеб. Движение носит, по-видимому, чисто стихийный характер. Впрочем, на следующий день полиции удается установить политическую окраску брожения. В секции Пуассоньер раздаются «возмутительные угрозы» по адресу законодательного корпуса, единственного виновника всех бед, и предлагают силой открыть все магазины. На площади Мобер картофель продается по 180 ливров за буассо, и женщины кричат: «К черту республику! В царствование Робеспьера жилось лучше, по крайней мере не приходилось умирать с голоду». Они грозятся взять палки и ножи — «это будет действительнее всяких петиций». Тут же полицейский отчет отмечает попытки реакционной агитации, не имевшей, впрочем, никакого успеха среди рабочих.

Прием у Директории. С литографии по современному рисунку

В следующие дни брожение пошло на убыль. Отчеты констатируют «успокоение умов». «Рабочие предместья Оноре и соседних кварталов, убежденные в том, что временная недостача хлеба не является результатом непредусмотрительности правительства, приписывают ее интригам фермеров и роялистов и говорят, что предпочтут скорее платить по сто ливров за фунт хлеба, чем восставать». На ряду с этим, судя по агентским донесениям, в массе назревает движение в пользу организации повальных, домашних обысков. «Отправляйтесь, — говорит народ, — не только по лавкам и магазинам, — ищите в швейцарских, на чердаках больших домов, в будуарах и салонах, даже в кабинетах деловых людей и юристов, — везде вы найдете магазин или прилавок, и рядом с этими скопищами всевозможных товаров народ погибает от нужды, не имея даже ассигнаций, обесцениваемых всячески теми, у кого они лежат целыми портфелями».

Такие настроения царят среди рабочих всю зиму. Тон полицейских донесений становится однообразным. «…Только и слышны, что сожаления о временах Робеспьера, говорят об изобилии, царившем при тирании, и о нищете при теперешнем правительстве». «Старого правительства не щадят, не более доброжелательно отзываются о новом. Имена Робеспьера и Бийо-Варенна повторяются с сочувствием. Положение торговли и финансов в эпоху тирании рисуется в самых радужных красках». В декабре повторяются все знакомые нам картины. «Рабочие предместья Марсо заявляют, что они восстанут, если их продержат еще двадцать четыре часа без хлеба; даже женщины и дети говорят тем же языком». «Женщины квартала Пантеон

требуют возвращения к якобинцам, потому что в их время, — говорят они, — был хлеб».

Январь принес с собой дальнейшее ухудшение положения — закрытие целого ряда промышленных заведений. Усиление безработицы вызывает новые жалобы со стороны рабочих. «В секциях Финистер и Ботанического сада, — читаем в донесении от 9 плювиоза (28 января 1796 года), — закрыто большое число мастерских и мануфактур; рабочие, занятые в них, остались без работы». Донесение от 12 плювиоза отмечает, что «большое число рабочих, в особенности в Сент-Антуанском предместье, осталось на улице и что безработных в этом районе насчитывается до шести тысяч человек». Полиция регистрирует несколько попыток организовать стачечное движение. «Вчера, — читаем мы в донесении от 23 фримера (14 декабря), — было установлено наблюдение за рабочими-печатниками, собравшимися в одном трактире. Они сговаривались обратиться к владельцам типографии с требованием повышения заработной платы; их собеседование касалось исключительно этого вопроса, а также дороговизны. Большая часть этих рабочих — отцы семейств, тем не менее они опорожнили несколько корзин вина и расстались в полном спокойствии». 2 нивоза (23 декабря) «грузчики порта Бернар, собравшись на улице Сены, говорили, что они не могут больше существовать, несмотря на то, что они получают 300 ливров ежедневно, что от них не берут их ассигнаций, что, если правительство не наведет порядка в течение ближайших дней, они сами возьмутся за дело». 20 нивоза (10 января) «носильщики мешков (с мукой), занятые в магазине Ассомсьон, потребовали чрезмерную прибавку к их жалованью и были разогнаны и заменены гренадерами; носильщики составили тогда шайку, чтобы напасть на тех, кто их заменил. Они решились также сорвать работу носильщиков, из Сен-Лазара, потому что те отказались поддержать их требования». На следующий день «в орудийной мастерской на улице Лилль имел место формальный отказ рабочих продолжать работу. Они требовали значительного повышения заработной платы. «Эти волнения имели подстрекателей главным образом в лице «военных, откомандированных на работу в мастерскую». Положение рабочих настолько тяжело, настолько безысходно, что это не может не вызвать беспокойства в правящих кругах. «Будущее заставляет трепетать, если только подумаешь, что купец не торгует, рабочий не работает и что, сверх всего, у него отнимают всякие средства к существованию».

Один из агентов подслушал разговор самого неутешительного свойства о решимости жителей Сент-

Антуанского предместья, окончательно отчаявшихся в современном положении вещей, собраться всем вместе. «Они не хотят больше обращать внимания на войска, потому что предпочитают быть убитыми, чем умереть голодной смертью». Полиция опять начинала нервничать, с беспокойством озираться вокруг, следить за деятельностью агитаторов.

Революционное брожение бросалось в глаза не только полицейским ищейкам Директории. Вот что писал в январе 1796 г. хорошо осведомленный представитель роялистской эмиграции Малле дю Пан, сам убежденный контрреволюционер и монархист: «Ни время, ни нищета не смогли изменить простонародья, оно по-прежнему охвачено ненавистью к тирану и любовью к равенству. Не слушайте тех, кто станет утверждать, что народ выздоровел. При первом ударе набата он повторит 10 августа или 2 сентября, демагоги по-прежнему могут рассчитывать на него всякий раз, как зайдет речь о нападении на собственность».

Беспокойство Малле дю Пана, как видим, мало отличается от беспокойства агентов республиканской полиции. Несомненно, налицо были симптомы, грозные не только с точки зрения эмигранта-монархиста, но достаточно тревожные и для глаз сторонников Директории. Мы ничего не поймем в политической биографии Бабёфа и в истории «заговора равных», если будем игнорировать революционные настроения, проникшие зимой 1795/1796 г. в самую толщу парижского пролетариата, как это делает буржуазная историография, стремящаяся, изобразить Бабёфа как одиночку, как вождя кучки интеллигентов-неудачников. **Бабёф несомненно имел основания ориентироваться на новый революционный подъем рабочего класса.** Настроения рабочих угрожали существовавшему порядку вещей. Более того, — брожение, подмеченное в агентурных донесениях, все эти разговоры на улице или в трактире за бутылкой вина имели определенную политическую окраску. Их стержень — это несомненно воспоминания о днях якобинской диктатуры, о дотермидоровском периоде революции. В свете этих настроений и высказываний становится понятным выброшенный Бабёфом лозунг конституции 1793 г., пробуждавший в массах боевую революционную традицию, освященную восстаниями в жерминале и прериале. Но чрезвычайно знаменательно, что в массах лозунг этот связывался не с отвлеченной идеей формальной мелкобуржуазной демократии, а с представлением о революционном правительстве, о терроре, о максимуме, — словом, о всем, что составляло положительное содержание режима якобинской диктатуры. Воскрешение революционной

диктатуры, развитие средств, применявшихся ею против спекулянтов-перекупщиков и деревенских кулаков, — вот что неразрывно сочетается с лозунгом конституции 1793 г., получающем, таким образом, свое подлинно-революционное истолкование.

И Бабёф, и его противники, в конечном итоге, несомненно переоценивали степень готовности парижского пролетариата к непосредственному революционному выступлению. Жерминаль и прериаль надолго подорвали политическую боеспособность парижских предместий. Голод, подтачивая физические силы рабочего класса, не мог вернуть ему энергию и боевой темперамент первых лет революции. Но все это выяснилось далеко не сразу, и только после неудачи бабувистов стало очевидно, что назревший кризис разрешился местными вспышками, что революционное брожение пошло на убыль, так и не достигнув высшей своей точки.

3

Бабёф был освобожден из тюрьмы на основании особого постановления Комитета общей безопасности от 26 вандемьера (18 октября) IV года республики. 4 брюмера (26 октября) общая амнистия, объявленная Конвентом, вернула Бабёфу его новых друзей и единомышленников. 15 брюмера возобновил свой выход в свет, «Народный трибун». Еще раньше, в начале брюмера IV года, — как об этом повествует Буонарроти, — Бабёф, Дартэ, Буонарроти, Жюльен де ла Дром и Фонтенель попытались создать руководящий центр, чтобы вокруг него объединить разрозненных патриотов и потом сообща начать работу на пользу «общего дела».

На этих собраниях царила, однако, полнейшая разноголосица. Одни предлагали объединить всех патриотов наподобие масонской ложи, другие настаивали на немедленном образовании повстанческого комитета. Это расхождение, сопряженное с отсутствием необходимого доверия друг к другу, заставило участников собраний разойтись, не добившись никаких результатов.

Попытка объединения, тем не менее, вскоре возобновились. Основная их трудность заключалась в неоднородности элементов, на которые распадалась формировавшаяся «левая оппозиция». К ней примыкали люди с неодинаковым политическим прошлым, чистые якобинцы робеспьеровского толка, «левые» термидорианцы, захлестнутые волной политической реакции,

эбертисты, наконец «бешеные», соратники Жака Ру. Разность политического прошлого накладывала свой отпечаток на их ориентацию в настоящем. Налицо было, в первую очередь, значительнее расхождение между якобинцами старого закала, мелкобуржуазными демократами, с одной стороны, и бабувистами с другой. Первые оставались, конечно, совершенно чуждыми коммунизму и замышлявшемуся общественному переустройству. Между тем они пользовались известным влиянием, известным авторитетом и за пределами мелкой буржуазии, составлявшей их социальную базу, в тесном смысле этого слова. Мы только что констатировали широкое распространение робеспьеристских симпатий и настроений в самых широких слоях парижской бедноты. Вот с этим-то обстоятельством и приходилось считаться Бабёфу в течение всей зимы 1795/1796 г. вплоть до дня трагической неудачи «равных».

Первые неудачные попытки объединения не расхолодили Бабёфа и его друзей. Вскоре имело место новое собрание, на этот раз у Буэна. Среди присутствующих были Дартэ, Жермен, Буонарроти, Массар, Фонтенель, Филипп, Жюльен де ла Дром, Бертран, Шапель, Лакомб, Буэн, Ферю, Треншар, Бодсон, Кулаиж и два неизвестных, скрытых в книге Буонарроти под нерасшифрованными анаграммами. «Это свидание, пишет Буонарроти, — было очень трогательным: в сердца проникла надежда, почти угасшая от стольких несчастий; здесь была дана клятва оставаться в единении и способствовать торжеству равенства».

Практическим выводом из бесед, происходивших во время этого заседания, было решение собраться в помещении заброшенного сада при монастыре святой Женевьевы.

Участники этого второго собрания пришли к тому выводу, что «первой обязанностью является проверка идей, распространенных среди патриотов, возвращение им доверия народа и восстановление в этом последнем сознания своей силы и своих прав». Непосредственное выступление против Директории признано было несвоевременным. Необходимая пропагандистская работа должна была получить организующий центр в виде общества, местопребыванием которого был избран монастырь св. Женевьевы. Самый монастырь находился недалеко от Пантеона. Поэтому-то вновь возникшая организация получила название «общества Пантеона».

Директория вначале заняла выжидательную позицию и аннулировала мероприятия своего министра внутренних дел Бенезеша, пытавшегося убить общество в зародыше, выселив его из монастырского помещения. В свою очередь пантеоновцы на

первых порах избегали обострять свои отношения с правительством. В регламенте «Объединения друзей республики» цель его была обрисована в следующих выражениях: «удовлетворять потребности во взаимном сближении и просвещении граждан, распространять писания, способные служить противоядием против яда аристократической агитации и противовесом темным проискам роялистов и общественных пиявок». Деятельность его сводилась к чтению вслух и обсуждению газетных статей и корреспонденций по вопросам общей политики и законодательства. Подчиняясь законам, общество вместо постоянного президиума избирало каждые 15 дней оратора и вице-оратора, уполномоченных следить за порядком и читать вслух газеты и журналы. Выработка порядка для каждого заседания поручалась особой пятичленной комиссии переменного состава.

«Легко было убедиться, — пишет Буонарроти, — в неоднородности общества. «Равные» выделялись в нем своим рвением в деле просвещения народа и пропаганды догматов равенства, в то время как патриоты 89 года стремились влиять на правительство в своих собственных интересах. Преобладание то одной, то другой партии заставляло общество выносить противоречивые решения».

В истории Пантеоновского общества можно легко проследить три периода. Первый охватывает весь фример. В течение этого месяца большинство пантеоновцев явно благоволило Директории. Под свежим впечатлением вандемьерских дней правящие круги склонны были к заигрыванию с кругами левой оппозиции. Перед своим роспуском Конвент 3 брюмера издал, как известно, декрет, запретивший родственникам эмигрантов и не присяжных священников занятие каких бы то ни было общественных должностей. С другой стороны, Директория пыталась привлечь на свою сторону целый ряд оппозиционных деятелей и журналистов всякими подачками и субсидиями. Среди членов общества Пантеона нашлись и такие, которые склонны были пойти на компромисс с властями ценой приобретения какого-либо теплого местечка или просто денежной субсидии. Давление этой части мелкой буржуазии, склонной поддаться на правительственную коррупцию, давало себя знать, как указывает Буонарроти, и в политической работе общества.

Воззвание, принятое обществом, в самом начале его деятельности и носящее название «Правда, высказанная народу патриотами 89 года — 17 июля, 10 августа и 13 вандемьера», начинается с решительного осуждения термидоровского переворота. Результаты термидора были плачевны, потому что он

был делом порока, раскола, ненависти, честолюбия и мести; он пошел на пользу только роялистам. Значительная часть обращения посвящена характеристике термидорианской реакции.

«В течение первых двух лет республики права народа были уважаемы, его враги подавлены, торговля и ремесла пользовались должным поощрением, арсеналы были наполнены, флоты хорошо снаряжены, флаги их развевались по всем морям, четырнадцать армий повсюду были победоносны, Вандея была разбита… курс ассигнаций поддерживался на должной высоте, жадность фермеров и спекулянтов была ограничена в своем проявлении, рынки достаточно снабжены, так что наконец изобилие становилось вознаграждением за понесенные народом жертвы». На смену всему этому термидорианская реакция принесла разгром, разнузданный ажиотаж и белый террор: «Народ, ты видел, как 30 миллиардов ассигнаций были поглощены в течение десяти месяцев, как собственники-богачи, крупные торговцы, спекулянты делили между собой твое добро и пили твою кровь каплю за каплей. Ты видел голод посреди изобилия, предельную нищету рядом с самой бесстыдной роскошью». Воззвание напоминает народу роковые дни жерминаля и прериаля: «Доблестные обитатели предместий, вы, помните, как за вами гнались и охотились банды золотой молодежи… как вас осаждали в ваших домах, обезоруживали, бросали в тюрьмы». Что касается памятных дней 12, 13 и 14 вандемьера, то они хотя и спасли республику, но результаты их не могут быть признаны решающими. Все дальнейшее зависит от тех, кому доверено руководство правительством, от республиканцев, которым может удаться многое, если они приобретут доверие патриотов, ударят по роялистам, эмигрантам, неприсяжным священникам, если они примут меры к снабжению рынков, к понижению цен на предметы питания.

Таким образом воззвание оставляет открытой возможность поддержки Директории, при условии проведения ею определенной политической линии. Ту же роль играло постановление общества о недопущении в его среду бывших членов Конвента (исключение было сделано лишь для Друэ). Появление в его составе амнистированных якобинцев могло бы навлечь на него правительственные репрессии.

Растущий экономический кризис, явное нежелание Директории положить конец ажиотажу и падению ассигнаций, затем общая двусмысленность ее политики заставляли мелкую буржуазию качнуться влево. Иллюзии, добросовестно питавшиеся частью пантеоновцев, постепенно рассеивались. Ораторы в течение нивоза стали нападать на отдельных министров, все еще

опасаясь задеть самую Директорию. В первых числах нивоза предложение присягнуть на верность конституции III года было отвергнуто значительным большинством голосов. С другой стороны в середине нивоза общество узнало о нескольких мероприятиях Директории, бивших по роялистам и их союзникам справа. Так например, Директория запретила исполнение в общественных местах песни «Пробуждение народа», распевавшейся бандами золотой молодежи. Она предписала также министру полиции расследовать происки роялистов в южных департаментах, где свирепствовал белый террор. Мероприятия эти вызвали очередной сдвиг у пантеоновцев. Общество постановило приветствовать Директорию в день годовщины смерти короля. Часть пантеоновцев действительно явилась в Люксембургский дворец и здесь, к вящему негодованию Бабёфа, эскортировала коляски директоров. В конце нивоза в обществе Пантеона был принят адрес с выражением верности конституции III года и готовности поддержать правительство в его борьбе с врагами.

Численность общества между тем все возрастала. Если 29 брюмера оно насчитывало в своих рядах 150 человек, если 8 фримера это число возросло до 934, то уже 30 фримера оно включало в свой состав до 1 500 членов. Большая их часть, согласно данным полицейского рапорта, проживала в Жерменском предместье и в районе Нового моста и только незначительное меньшинство в Антуанском предместье. Последние были плохо одеты и походили на рабочих. Кроме них имелось также порядочное число военных.

«Члены общества, — читаем мы в другом рапорте, — ходят в предместье Мартен и там распространяют среди рабочих членские карточки общества. Рабочие, имеющие работу, отказываются примкнуть к ним, не желая, по их словам, связываться с какой-либо партией вообще. Безработные, наоборот, легко поддаются на убеждения пантеоновцев».

По словам Буонарротти, в плювиозе начался приток в общество людей из народа. Но тем не менее на собраниях пантеоновцев преобладала по-видимому мелкая буржуазия, хотя возможно, что процесс полевения связан был не только с радикализацией настроений парижского мещанства, но и с изменением социальной окраски самого общества.

В вопросах социально-экономических пантеоновцы не шли дальше пределов, закрепленных в практике якобинской диктатуры. Так, 7 нивоза, после заслушивания сообщений ряда граждан о росте цен на предметы первой необходимости и квартирной платы, «внесено было предложение просить

Директорию провести через законодательный корпус дополнительные законы о принудительном займе для облегчения положения бедных, о таксации предметов первой необходимости, ускорить их проведение в жизнь, установить наблюдение над булочными и мясными лавками» и т. д. Через несколько дней было повторено предложение просить Директорию о восстановлении максимума. Оно было отклонено. Сочли неудобным тревожить Директорию в момент, когда она «сама занялась изучением причин общественной нищеты». Зато в это же время или несколько позже была принята петиция по поводу падения курса бумажных денег.

Более общее, принципиальное значение имело внесенное комиссией предложение требовать проведения в жизнь т. н. вантозовских законов и закона о распределении национального имущества на сумму в миллиард франков среди «защитников отечества». По словам Буонарроти, «наиболее ревностные сторонники дела равенства видели в законе о миллиарде средство добиться осуществления вантозовских законов и, кроме того, способ освоить нацию с тем принципом, что право распоряжения всяким имуществом находится в руках суверена». Отсылка составленной в соответственном духе и единогласно принятой петиции была, однако, отсрочена «под влиянием правительственных агентов».

В плювиозе наступает третий период в истории общества Пантеона, когда оно решительно переходит в наступление против режима Директории. Оно принимает адрес с требованием выполнения вантозовских законов. Далее, после продолжительных дебатов пантеоновцы выносят постановление «об использовании празднества декад для публичного служения божеству и проповеди естественного закона». Целью инициаторов этого предложения было получить легальную возможность пропаганды среди народных масс под предлогом отправления культа. Они рассчитывали арендовать для своих собраний помещение какого-нибудь храма. Особой комиссии поручено было заняться поисками помещения и выработкой катехизиса и регламента нового культа[3].

4 вантоза Жермен предложил обществу протестовать перед Директорией против ареста жены Бабёфа. Протест принять не решились, но провели, тем не менее, подписку в пользу детей Бабёфа. Через день 6 вантоза, председательствовал Буонарроти. Дартэ прочел выдержки из № 40 «Народного трибуна». Собрание бурно аплодировало всем наиболее резким выпадам против Директории и ее министров.

Зимой 1795/1796 г. внутренней армией, расположенной в

Париже, командовал только что начавший выдвигаться молодой генерал Бонапарт. Участие в подавлении вандемьерского восстания положило начало его карьере. Она была упрочена покровительством Барра и ревностным выполнением предписаний Директории. В начале вантоза и в прессе, и в Советах стали усиливаться нападки на общество Пантеона. 8 вантоза (27 февраля) состоялось постановление Директории о закрытии общества. Для соблюдения приличий под эту меру подвели еще несколько мелких клубов роялистского направления. На следующий день оно было сообщено Совету пятисот, и в то же время Бонапарт во главе сильного отряда войск сам привел его в исполнение. Буонарроти полагает, что Бонапарт был не только простым исполнителем, но и настоящим вдохновителем этого постановления. Он велел передать себе ключи от зала, где происходили заседания общества,

«Нам сообщают из ряда департаментов, — писала газета «Плебейский оратор», — о том, что закрытие общества Пантеона вызвало торжество у роялистов и послужило предлогом к новому утеснению республиканцев». Закрытие общества имело двоякое значение: во-первых, оно положило конец всяким иллюзиям, распространенным довольно широко в среде мелкой буржуазии, о возможном повороте Директории на демократические рельсы; во-вторых, разрушив легальную базу бабувистов, оно с тем большей остротой поставило вопрос о создании конспиративного центра и о постановке в порядок дня вооруженного восстания против Директории.

Еще в пору существования общества пантеоновцев, было ясно, что помимо легального центра массового движения необходим еще и подпольный, вполне законспирированный штаб, который мог бы взять на себя подготовку вооруженного восстания. Отметим тут же, что исключительная роль, придававшаяся бабувистами Пантеону как организации массовой, лишний раз разоблачает версию об узко заговорщических установках Бабёфа и его друзей.

В начале 1796 года повстанческий комитет сформировался на собраниях, происходивших у бывшего члена Конвента Амара[4], проживавшего в Париже на улице Клери. У Амара перебывали — Дартэ, Буонарроти, Массар, Жермен, к которым присоединились Дебон, Женуа, Лепеллетье, Клеман и Маршан. Все они сходились на том, что необходимо свергнуть конституцию III года и созданное ею правительство. По словам Буонарроти, собрания у Амара «представляли собой род политического лицея, где, установив причины бедствий, гнетущих народы, стремились к выяснению принципов общественного строя, которые могли бы

устранить эти бедствия и помешать их возвращению». Члены Амаровского комитета полагали, что «причина все возрастающего порабощения народов всецело заключена в неравенстве» и что «разрушение этого неравенства должно стать задачей всякого добродетельного законодателя». Но дальше уже начинались разногласия. Амар, представитель чистой якобинской традиции, настаивал на взимании контрибуций, реквизиций и налогов с актов купли-продажи. «Другие предлагали раздел недвижимых имуществ, законы против роскоши и прогрессивный налог». Однако все это казалось недостаточным для Дебона, Дартэ, Буонарроти и Лепеллетье. Реквизиции, налоги, контрибуции, — все это были средства, испробованные уже в эпоху якобинской диктатуры. Отымая у собственника необходимые стимулы предпринимательства и закупоривая тем самым источники общественного производства, мероприятия эти, по мнению Буонарроти и его друзей, не могли бы пресечь исчезновение звонкой монеты и рост спекулятивной торговли. Половинчатому эгалитаризму Амара они противопоставляли «общность имуществ и труда» или, иначе говоря, равное распределение обязанностей и прав. В этом они видели «подлинный предмет и признак совершенства общественного строя, а также единственный общественный порядок, способный навсегда изгнать угнетение, сделав невозможной разрушительную работу честолюбия и скупости и гарантируя всем гражданам наибольшую долю счастья».

Дебон составил даже обширный мемуар, в котором доказывал несправедливость права частной собственности и обрисовывал длинную цепь бедствий, явившихся необходимым ее следствием. Аргументация эта так поразила Амара, что он, если верить Буонарроти, стал убежденнейшим сторонником системы общности имуществ. «Комитет признал, что без радикального преобразования собственности никакие законы в защиту свободы и равенства не смогут получить полезного и длительного применения». Вместе с тем члены Комитета учитывали трудности, связанные с проведением в жизнь восстановления конституции 1793 г. Их, конечно, не могли удовлетворить те ее статьи, которые гарантировали права частной собственности, но зато можно было рассчитывать на популярность ее среди широких слоев населения. Принятие конституции дало бы возможность издалека подготовить осуществление «истинного равенства», убедив народ в том, что оно является единственным средством к окончательному устранению всех мучающих его зол.

Разногласия возникли также и по вопросу о том, как должка быть организована революционная власть на другой день после

свержения Директории. Амар предлагал созвать остатки Конвента, Дебон настаивал на передаче всей власти одному лицу, облеченному диктаторскими полномочиями. Восторжествовала третья точка зрения. Решено было создать временное правительство, состав которого был бы намечен «восставшим народом Парижа».

Собрания у Амара были, как мы видим, подлинной лабораторией революционной мысли. И разногласия, на них проявившиеся, носили весьма знаменательный характер. Они подчеркнули, что бабувисты пошли решительно дальше якобинцев, что они не просто углубили эгалитарные лозунги якобинцев, а подняли самый эгалитаризм на новую, несравненно высшую ступень. Не предвосхищая здесь окончательной оценки бабувизма, мы должны однако тут же отметить, что при всей той пропасти, которая отделяет якобинский эгалитаризм от бабувистской «общности имуществ», самая бабувистская «система» ни в коей мере не должна отождествляться с научным коммунизмом Маркса и Ленина. И оговорку эту надо иметь в виду всякий раз, когда мы будем говорить о коммунизме и коммунистах 1796 г.

На собраниях у Амара дело однако не пошло дальше разговоров. Среди «друзей равенства» были и такие, которые относились к Амару с явным недоверием и личной неприязнью. Ему не могли простить роли, сыгранной им в подготовке термидоровского переворота. Его находили тщеславным, мстительным, неблагоразумным. Один из бывших агентов Комитета безопасности Герон, больной, почти умирающий, узнав о новых знакомствах Амара, вызвал к себе Феликса Лепеллетье и заклинал его порвать всякие связи с хозяином помещения на улице Клери. Его желание было удовлетворено и комитет распался, точнее говоря, прекратились происходившие у Амбара собрания и дискуссии.

Участники Амаровского комитета вплотную подошли к проблеме захвата власти. Союз с якобинцами как необходимый тактический ход, призванный облегчить группировку сил оппозиции, конституция 1793 г. как знамя восстания и «общность имуществ» как конечная цель общественного переустройства, задуманного повстанцами, — таковы основные выводы из дискуссий, происходивших у Амара. Бабёфа не было среди гостей Амара, но идеи, господствовавшие в беседах заговорщиков, были идеями Бабёфа.

Нам надлежит теперь вернуться к Бабёфу, главному действующему лицу нашего повествования, и попытаться проследить основные моменты его деятельности и борьбы в

течение зимнего периода 1795/1796 г.

Глава V
Учение равных

1

Еще в начале зимы 1795/1796 г. власти стали обращать внимание на агитационную деятельность «Народного трибуна», возобновившего свой выход 6 ноября (15 брюмера).

Напуганная писаниями Бабёфа Директория не нашла ничего лучшего, как возобновить против него старинное дело о подлоге, в свое время аннулированное уголовным трибуналом департамента Эны. Еще в термидорианский период власти всячески стремились отсрочить окончательную ликвидацию этого процесса. Позорящие честное имя Бабёфа нападки периодически всплывали на поверхность, демонстрируя лишний раз готовность врагов «трибуна» широко использовать испытанное орудие клеветы. Когда Бабёф возобновил издание своей газеты, Директория сначала подослала к нему Фуше, пытаясь завербовать его перо на службу буржуазной реакции. Фуше предлагал ему гарантировать шесть тысяч правительственных подписчиков, как об этом рассказал сам Бабёф в № 35 своей газеты. Предложение Фуше было категорически отклонено, и тогда Директория особым постановлением предложила ускорить разбор дела Бабёфа в кассационном трибунале, с тем, чтобы в скорейшем времени поставить его на суд.

Делу действительно дали ход, но пока судебные власти заняты были перепиской, подоспело раскрытие «заговора равных». Что вся история с подлогом и на этот раз была лишь средством политического шантажа, лучше всего доказывается тем, что ни во время последнего тюремного заключения Бабёфа, ни во время Вандомского процесса вопрос об уголовном преследовании не поднимался.

На легальном положении Бабёф находился до начала декабря 1795 г. Однажды к нему явился пристав, у которого было поручение отвести к судье некоего гражданина Роша, заведовавшего подпиской «Народного трибуна». Не удостоверившись в личности Бабёфа, пристав схватил его и пытался арестовать. Вырвавшись от полиции, Бабёф обратился в бегство. Полиция бросилась за ним по пятам с криком: «Держи вора!» Трижды его задерживала уличная толпа и трижды его отпускала, узнав от него, кто он такой. Наконец рабочие

продовольственного магазина Ассомсьон, очевидно носильщики, отбили его у преследователей, и он под их защитой удалился в безопасное убежище.

Эта уличная сценка была только началом новых гонений. Против № 35 «Народного трибуна» министр юстиции возбудил судебное преследование. Разбирательство окончилось оправданием. На следующий же день Директория отменила приговор. Вынужденный скрываться Бабёф продолжал выпуск своей газеты. В начале февраля министр юстиции поднял новое дело по поводу № 39 «Народного трибуна».

Однако установить местонахождение Бабёфа так и не удалось. Тогда арестовали его жену, обвинив ее в укрывательстве и рассчитывая выпытать у нее местонахождение мужа. Арестованную подвергли заключению в самых тяжелых условиях и после допроса предъявили обвинение в заговоре против правительства.

Члены общества Пантеона немедленно устроили подписку в пользу «заговорщицы» и ее детей. Бабёф, затравленный полицией, принужденный кочевать по квартирам своих друзей, обрел по крайней мере уверенность в том, что его семья не погибнет с голода и не станет жертвой тюремного режима Директории.

Свидания Бабёфа с его близкими становились все более мимолетными. Дети разыскивали убежище отца в кривых, глухих переулках парижских окраин. Они находили его за работой, пишущим, просматривающим рукописи или беседующим с друзьями. Нередко при их появлении беседы обрывались. Начинался краткий разговор с отцом. Он спрашивал детей о матери, утешал их, шутил с ними. Они расставались, не зная зачастую, когда вновь увидятся. Еще раз, и теперь уже окончательно, интересы революции заслонили от Бабёфа всякие заботы о домашнем очаге. И потом, подготавливая эту последнюю революцию, призванную осуществить всеобщее благо, он не работал разве во имя будущего своих детей, как и детей всех бедняков, всех угнетенных?

2

Посмотрим теперь, с чем выступил «Народный трибун* в той необычайно трудной и сложной обстановке, какая сложилась во Франции в первые месяцы Директории. Мы знаем уже, что один из основных моментов, обусловивших собой перестройку мировоззрения Бабёфа, заключался в пересмотре старых его воззрений на смысл и историческое значение якобинской

диктатуры. Из противника Робеспьера Бабёф превращается теперь в ярого его поклонника. А отсюда вытекает и совершенно новый взгляд, новый подход к 9 термидора.

«Мы осмеливаемся утверждать, — пишет Бабёф в № 34 «Народного трибуна», — что, несмотря на все препятствия, все противодействия, революция до 9 термидора шла вперед и что только после этой даты она обратилась вспять». 9 термидора имела место «катастрофа». Низвержение Робеспьера рисуется Бабёфу деянием введенной в заблуждение, обманутой толпы. Опытный садовник уничтожал в прекрасном саду плевела, срезал сухие ветки, корчевал ядовитые растения, расчищая путь здоровому росту полезных культур. Но толпа посредственных земледельцев, чуждая его искусству, решила, что его действия угрожают саду, угрожают почве. В этой незамысловатой притче Бабёф выражает свое новое отношение к Робеспьеру и его противникам. Пусть аллегория и бледна красками, большой путь проделан автором от «императора Максимилиана» к «опытному садовнику». Теперь он вполне отдает себе отчет в том, что после термидора имела место «плачевная деградация», настоящая реакция, ознаменовавшаяся, между прочим, «отменой закона против ненасытной жадности и варварского злорадства и организацией ужасного голода».

В другом месте, в № 40 «Народного трибуна», поднимая вопрос о Робеспьере и эгалитарных тенденциях его режима, Бабёф проводит довольно любопытную параллель между Робеспьером и Дантоном. Последний, по мнению Бабёфа, хотел республики только для того, чтобы поставить революционеров на место принцев и сеньоров. «Чем мы хуже графа д'Артуа или принца Орлеанского? — говорили между собой приверженцы этого негодяя». Прямо противоположна этому была доктрина «философа из Арраса», и Бабёф цитирует его речь от 17 плювиоза II года республики, в которой Робеспьер упоминал об обязанности отечества обеспечить благосостояние каждого индивидуума. «Урна Робеспьера! — восклицает Бабёф, — дорогие останки! Восстаньте и уничтожьте низких клеветников. Но нет, спите мирно, презрите их; весь французский народ, блага которого вы желали и для которого один ваш гений сделал больше, чем кто-либо, — весь французский народ подымется, чтобы отомстить за вас».

Сам Бабёф чрезвычайно ярко охарактеризовал сущность своего нового отношения к Робеспьеру и к революционному правительству в письме к упоминавшемуся уже Жозефу Бодсону. Сам Бодсон был и оставался еще правоверным эбертистом. Воспоминание о кровавой расправе, учиненной Робеспьером над

эбертистами, мешало Бодсону освоить новую политическую линию Бабёфа. Бабёф, как он сам пишет, решил ответить ему со всей возможной откровенностью «Я охотно признаюсь, — писал Бабёф, — в том, что отрицательно относился к революционному правительству и к Робеспьеру с Сен-Жюстом. Теперь я полагаю, что они стоят больше, чем все остальные революционеры, вместе взятые, и что их диктаторское правительство было чертовски хорошо задумано». Бабёф решительно не согласен с Бодсоном, утверждавшим, что робеспьеристы совершили большие преступления и погубили многих республиканцев. «Я не вхожу при этом в рассмотрение вопроса о виновности Эбера и Шометта. Но даже если бы они были невинны, я все же оправдаю Робеспьера. Он имел все основания считать себя единственно способным довести колесницу революции до ее настоящей цели». Вопреки мнению Бодсона, Бабёф считает нужной и обоснованной пропаганду робеспьеризма, он считает полезным подчеркивать связь, существующую между учением «равных» и принципами Робеспьера и Сен-Жюста. «Разве не полезно показать, что мы не изобретаем ничего вновь, что мы только наследуем первым великодушным защитникам народа, которые до нас поставили ту же цель достижения народом справедливости и счастья?» Воскрешать память Робеспьера — это значит пробуждать всех энергичных патриотов. «Робеспьеризм поражает вновь все фракции, он не похож ни на одну из них…» Эбертизм, например, существует только в Париже и притом в небольшой группе людей… Робеспьеризм же распространен по всей республике, во всем народе.

В строках этих содержится несомненное преувеличение, несомненная переоценка робеспьеризма. Робеспьера Бабёф вновь перекраивает на свой лад, как он уже делал это в письме к Купэ. Но если, тогда он делал его сторонником крайнего эгалитаризма, выраженного в аграрном законе, то теперь он идет дальше, Робеспьер превращен в бабувиста. Между робеспьеризмом и бабувизмом поставлен знак равенства, и это, несомненно, ошибочно. У Бабёфа, как мы еще увидим, не было основания включать робеспьеризм в родословное древо своего учения об общности имуществ. Но уже самый факт уяснения Бабёфом исторического смысла 9 термидора имел громадное положительное значение. Также правильно было им подмечено громадное пропагандистское значение робеспьеризма и необходимость в повседневной пропагандистской работе опереться на революционные традиции якобинизма.

Между тем учение «Народного трибуна», окончательно сложившееся зимою 1795/1796 г., резко отличалось от доктрины

классического якобинизма. Центральной его частью стало теперь учение о равенстве, о фактическом равенстве как ближайшей цели революции, представляющейся Бабёфу лишь одним из эпизодов извечной войны между богатыми и бедными.

«Не будем закрывать глаз на бесспорную истину, — пишет Бабёф в № 35 своей газеты, — что представляет собою политическая революция вообще? И что представляет собою Французская революция в частности? Это открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными».

Эта война возникает не с того момента, когда она открыто объявлена. «Она идет вечно; она начинается вместе с появлением учреждений, стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других; и, пока не опубликован манифест о войне, до тех пор патрициат, по-видимому, не помышляет о принятии предохранительных мер против плебейского восстания». Для богатых лучший способ упрочить свое положение, это — убедить бедняков в том, что бедность по природе своей неустранима и неизлечима. Что касается плебеев, то они борются за «всеобщее благо». Всеобщее благо — вот истинная цель революции. И теперь, когда революция находится в упадке, Бабёф думает разбудить массу напоминанием этого основного и единственного лозунга революции. «Неужели можно воодушевить народ во имя *идеальной* свободы и *химерического* равенства?» (курсив Бабёфа). Тысячу раз нет. В сознание народа надо внедрить ту высокую истину, «что счастье принадлежит одинаково всем людям, что целью их объединения в обществе является обеспечение каждому человеку его доли общего блага, что очень легко установить учреждения, способные поддержать этот прекрасный порядок вещей и что, наконец, существование их возможно только при республиканском правительстве».

На ряду с этим Бабёф ставит вопрос и о политическом лозунге для новой революции. Найти его представлялось делом нетрудным и по тактическим соображениям, и в силу традиции прериальского восстания.

Конституция 1793 года была тем знаменем, вокруг которого группировались силы левой оппозиции. Но внутри этой оппозиции необходимо было отмежеваться от якобинцев, готовых замкнуться в рамках чисто политической программы, готовых исчерпать задачу нового восстания — восстановлением конституции 1793 года. «Пришло время, — пишет Бабёф, — поговорить о демократии… Ошибаются те, кто полагает, будто я хлопочу только о том, чтобы заменить одну конституцию другой. Мы гораздо больше нуждаемся в учреждениях, чем в конституциях… Конституция 1793 года только потому и

заслужила приветственный прием всех благонамеренных людей, что она расчищала дорогу для этих учреждений. Если бы с ее помощью нельзя было достигнуть этой цели, то я перестал бы перед нею преклоняться. Постараемся же прежде всего установить хорошие плебейские учреждения, и тогда мы всегда будем твердо уверены, что вслед за тем появится и хорошая конституция. Плебейские учреждения должны обеспечить *всеобщее благо* (курсив Бабёфа), одинаковое благосостояние всех членов общества».

Выяснив чисто служебное, подчиненное значение конституции 1793 года, Бабёф переходит к определению настоящей сущности революции. Общественный договор был нарушен, равенство ниспровергнуто; результатом этого было то, что «богатства, принадлежащие всем, сосредоточились в руках незначительного меньшинства… что масса оказалась лишенной всякой возможности к существованию и встретила самое беспощадное к себе отношение со стороны касты монополистов; эти причины обусловили *наступление* эпохи *великих революций* (курсив мой — П.Щ.)… когда становится неизбежным *всеобщий переворот в системе собственности* (курсив мой. — П.Щ.), когда восстание бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может предотвратить».

Едва ли не в этих строках находим мы наиболее реалистическое, наиболее зрелое суждение Бабёфа о движущих силах революции. Бабёфовские формулировки приобретают здесь замечательную зрелость, замечательную четкость. Выяснив характер революции, Бабёф переходит к историческим параллелям между Французской революцией и социальной борьбой древнего Рима. Не приходится, конечно, переоценивать историческую достоверность и социологическую обоснованность этих параллелей. Сравнительно-исторические изыскания XVIII века зиждились на очень произвольном, очень предвзятом представлении о ходе развития античного мира. Все эти Ликурги, Солоны, Бруты, войдя необходимой принадлежностью в инвентарь идеологии XVIII века, начиная с ложно-классической трагедии и кончая «политической моралью», утратили всякое подобие, всякое сходство со своими античными прообразами. Не в этом дело, — важен аспект, в котором воспринимался материал античной истории, а Бабёф именно и искал в ней подтверждения своих взглядов на социальную сущность революционной борьбы. «Рим в 268-м году своей эры представлял ту же картину, что и Франция на IV году республики». В деятельности Тиберия Гракха хочет Бабёф найти спасительный и ободряющий пример. Но разделяет ли он по-прежнему лозунг аграрного закона? Мы

помним, что в первые годы революции аграрный закон являлся тем пределом, дальше которого не шли социальные требования Бабёфа. Теперь он считает возможным пересмотреть свою прежнюю точку зрения. «Итак, вы отстаиваете *аграрный закон*? (курсив Бабёфа) — кричат на тысячу голосов порядочные люди. — Нет: больше чем это. Мы знаем тот неопровержимый аргумент, который нам противопоставят. Нам справедливо заметят, что царство аграрного закона не может продержаться больше одного дня и что на следующий же день возобновится неравенство. Трибуны Франции, нам предшествовавшие, лучше понимали настоящую природу общественного блага. Они знали, что оно заключено в учреждениях, способных охранить и поддержать *фактическое равенство*» (курсив Бабёфа).

«Фактическое равенство, — продолжает Бабёф, — не химера. Практически оно было осуществлено в опыте великого трибуна Ликурга. Известно, как ему удалось установить эту восхитительную систему, где общественные повинности и выгоды были распределены равным образом, где довольство было неутрачиваемой долею каждого и где никто не мог пользоваться избытком». К этой цели стремились все истинно великие люди и трибуны. К их числу Бабёф затрудняется отнести «еврея Иисуса Христа», ибо он лишь смутно выразил свой идеал в поучении: «люби ближнего, как самого себя». Такая формулировка, по мнению Бабёфа, явно недостаточна. Лучше высказался Руссо, и Бабёф цитирует его слова: «Для того, чтобы усовершенствовать общественное состояние, нужно, чтобы каждый пользовался достатком и никто не имел слишком много». Бабёф аттестует эти строчки из Руссо, как «эликсир общественного договора». Затем он переходит к Дидро и находит у него не менее определенное заявление относительно необходимости «уничтожить в корне все зачатки алчности и тщеславия». Бабёф толкует эти слова в смысле признания необходимости поставить правящих в такое положение, когда они не смогут обогащаться и усиливаться за счет своих подчиненных. За Дидро следует Робеспьер, провозглашающий в своей «Декларации прав» общественное благо единственной целью общежития, и Сен-Жюст, обратившийся к «несчастным» с призывом стать господами правительства. Бабёф всячески стремится доказать, что не он первый начал проповедовать «религию чистого равенства». Он ссылается для этого на своих современников — депутата Армана, Антонелля, вспоминает соответственные пассажи из писаний Тальена и даже цитирует одну из прокламаций Фуше.

Совершенно очевидно, что Бабёф ищет своих духовных предков и единомышленников не там, где следовало бы их

искать. Об этом нам предстоит поговорить особо. Но пусть Бабёф плохо разобрался в вопросе о происхождении «религии равенства», пусть он не дал себе отчета в генезисе своей теории, — нам гораздо важнее ознакомиться с положительной стороной, с содержанием его программы. Она занимает тридцать восемь абзацев. В основе программы лежит тверже убеждение Бабёфа в недостаточности формального, юридического равенства в недостаточности политической демократии. Далее, в ее 38 пунктов входит: объявление земли общим достоянием; запрещение присвоения земли отдельной личностью в размерах, превышающих площадь, необходимую для ее пропитания; отмена права наследования, уравнение в заработке работников физического труда с интеллигенцией, равенство в воспитании и образовании; отмена частной собственности.

Коснемся сначала последнего пункта. Он несомненно является наиболее важным, и читатель не посетует на нас за несколько пространную цитату.

Прежде всего Бабёф устанавливает необходимость: «изменить социальные учреждения в таком смысле, чтобы отнять у всякого отдельного лица надежду сделаться когда-либо более богатым, могущественным или образованным, чем какой-нибудь из его равных». Из этого следует, что, «говоря яснее, необходимо определить судьбу каждого из членов общества, сделать ее независимой от стечения благоприятных или неблагоприятных шансов и обстоятельств, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не более, чем достаток, и закрыть всем людям всякие пути к получению личной доли, превышающей среднюю долю естественных произведений и продуктов труда, приходящихся на долю одного человека; что единственным средством к достижению этой цели является установление общей администрации. Необходимо отменить частную собственность, прочно привязать каждого человека в зависимости от его способностей к ремеслу, которое он знает, обязать всех сдавать продукты в натуре в общественные магазины и установить просто-напросто администрацию, заведующую их распределением, администрацию продовольствия, которая будет вести точный учет всех людей и всех предметов и распределять последние на началах самой тщательной равномерности, доставляя их каждому на дом».

В этих строках необходимо подчеркнуть следующее. Как мы видим, Бабёф требует упразднения всей частной собственности, идя в этом требовании гораздо дальше своих мнимых и действительных предшественников; однако вместе с тем отмена

частной собственности является для него лишь средством к установлению чисто уравнительной системы. Идея уравнительства красной нитью проходит через все построение Бабёфа. Каждый член общества обеспечивается известным достатком, но достаток этот строго ограничен. Все виды труда, все профессии будут строго уравнены в их заработках. Чрезвычайно характерным в этом отношении сказывается то уравнение в оплате физического и умственного труда, на котором настаивает Бабёф. Различия в ценности и почетности отдельных видов труда установлены, по мнению Бабёфа, «имущим классом». Интеллигенция претендует на более высокое вознаграждение своей работы, но это достигается исключительно за счет заработков представителей физического труда.

Печать уравнительности, лежащая на бабувизме, отмечена еще в «Коммунистическом манифесте». «Первые попытки пролетариата, — читаем мы там, — доставить непосредственное торжество своим классовым интересам во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазных эпох. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность». Под литературой этой, «которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата», авторы «Манифеста» прямо подразумевают «сочинения Бабёфа и т. д.» (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 509).

Таким образом, подчеркивая пролетарскую, классовую сущность бабувизма, Маркс и Энгельс вместе с тем считают необходимым отметить его историческую ограниченность, вытекающую из «неразвитого состояния самого пролетариата». Уравнительность у Бабёфа и есть наиболее яркое проявление этой исторической ограниченности.

Мы увидим дальше, что Бабёф в этой части своей доктрины мог непосредственно опираться на утописта Морелли. Зато абсолютно оригинальным в системе Бабёфа является то, что все затеянное им дело общественного преобразования упирается в организацию режима диктатуры трудящихся и что таким образом победоносная революция оказывается необходимейшим условием осуществления всего плана в целом.

Бабёф сам ни мало не сомневается в истинном характере своей доктрины. Он знает, что к нему будет обращен упрек в

разжигании гражданской войны. Этого упрека он не боится. «Бедствия, обрушившиеся на нас, дошли до апогея, их господство не может дольше продолжаться, но они могут быть смыты только в общем перевороте!!! Пусть же все придет в смешение!.. Пусть все элементы замутятся, смещаются, придут к столкновению! Пусть все возвращается в хаос, и пусть из этого хаоса восстанет новый и возрожденный мир!» Такими словами заканчивается № 35 «Народного трибуна».

Но «Народный трибун» — не только орган пропаганды нового учения. Газета врезается в самую гущу политической борьбы, Она не перестает агитировать, звать массы на бой. Она неустанно следит за изменчивыми настроениями рабочей массы и отмечает малейшие проявления подъёма революционного духа. Бабёф протестует против утверждения, будто энергия народа погасла. «Факты последних дней, — пишет он в № 37 газеты, — могут только подчеркнуть всю ошибочность такого воззрения. А эти факты таковы. Защитники прав народа преследуются на улицах агентами новой инквизиции, и их укрывают рыночные носильщики. Министр неправосудия угрожает и клевещет против тех же самых защитников народа, и целое предместье встает на их защиту и реабилитацию. Судят Лебуа, друга «Трибуна», и вот зал суда наполняется «террористами» обоих полов, громко выражающими свое сочувствие подсудимому. В обществе Пантеона 2 нивоза, во время обсуждения обращения к народу, «подлые лакеи аристократии, скрытые под маской плебеев», предлагают включить в текст адреса «самую бесчестную из всех возможных клятв», клятву защищать до последнего издыхания конституцию 95 года — и тотчас же взрыв негодования охватывает собравшихся и они с отвращением отвергают это «бесстыдное предложение». Два дня спустя роялисты распускают слухи о готовящемся нападении на республиканцев. Тотчас же подымается Сент-Антуанское предместье и посылает вечером вооруженную депутацию, чтобы узнать, что происходит в городе. «Наконец, пусть прислушиваются к разговорам уличной толпы *на пристанях, на рынках, в очередях, во всех народных сборищах* (курсив Бабёфа), нигде больше не стесняются повторять то самое, о чем мы не устаем писать: а именно, что нельзя больше скрывать ни от самих себя, ни от других, что контрреволюция стала действительностью после 9 термидора что лучшие друзья народа были умерщвлены в этот роковой день; что до этого дня народ был счастлив и республика торжествовала».

Бабёф стремится оформить нарастающее революционное брожение и направить его к определенной цели, обращая самые пламенные призывы к угнетенным и обездоленным. Свои

надежды Бабёф связывает с деятельностью общества Пантеона. Пусть только оно освободится от присутствия нескольких изменников, вроде тех, что недавно осмелились предложить обществу присягнуть конституции 95 года. «Общество Пантеона, — взывает Бабёф, — вспомни о своей славе, вспомни о своем добре, какое ты можешь совершить».

В приведенных строках несомненно налицо намек на зарождавшуюся как раз в это время подпольную организацию бабувистов. В № 39 Бабёф для обозначения своих единомышленников впервые употребляет название «равных», вернее — «равных 1792 года». В № 40, описывая торжество реакции, Бабёф указывает на то, что он все еще сохраняет надежду. «Посреди этих ужасных развалин, посреди этих мрачных руин величественно расцветает дерево равенства». По всей Фракции рассеяны семена нового учения. Бабёф приводит выдержки из адресов, полученных из провинций. Мозель, Мон Блан, Па дэ Калэ, Ламанш Вар, Западная армия, Английская армия, Рейнская армия, Париж, — повсюду растет число адептов равенства. В совершенно недвусмысленных выражениях Бабёф предупреждает своих читателей о начавшемся периоде подпольной работы. «Надо доказать осуществимость равенства? И для того, чтобы доказать это, мы извещаем народ о предстоящем нашем исчезновении. Пусть демократы не будут в претензии на нас, если в течение некоторого времени мы не будем подавать никаких признаков жизни. Это произойдет оттого, что мы должны в полной тишине выработать план осуществления этого счастливого режима. Мы сделаем его таким, что он явится пленительным и сверкающим на глаза всех друзей справедливости и истины».

У Бабёфа нет и тени сомнения в успехе задуманного предприятия. «Друзья, — обращается он к своим единомышленникам в № 42 «Народного трибуна», — я не должен был бы беседовать с вами сего дня. *Я прерываю работу несравненно большей важности* (курс, наш) для того, чтобы в спешке сказать вам несколько важных слов… Истина торжествует. Угнетатели трепещут. Народ прозрел наконец благодаря своим друзьям. Так же ясно смотрит на положение вещей армия».

Остается только рассеять последние сомнения, последние подозрения; остается окончательно парализовать клеветническую, провокационную деятельность агентов Директории. Более всего опасается Бабёф попыток «примазаться» к новой революции со стороны дельцов термидорианской реакции вроде Тальена, Барра, Фрерона. По его мнению, они попытаются даже вызвать какое-либо частичное движение, чтобы

возглавить его и вырвать таким образом инициативу из рук настоящих демократов. Бабёф обличает, предостерегает, призывает. Народ должен совершить настоящую революцию «для того, чтобы навсегда посредством действительной демократии обеспечить счастье народа». Это будет революция «во имя хлеба, свободы и благосостояния». И пусть мошенники «не ссылаются на то, что за ними пойдет армия. Нет! Армия на стороне народа. Никакая инквизиция — ни светская, ни гражданская — не может запретить чтение *нашим солдатам и нашим рабочим* (курс наш); из этого чтения они черпают демократическую заразу, самую деятельную и самую опьяняющую».

Статья кончается призывом к дружной работе для близкой и верной победы.

Мы видим, что Бабёф в своей пропагандистской деятельности ориентируется на пролетариат и армию. При этом, разговаривая с солдатами, он выдвигает особые лозунги, способные, по его мнению, увлечь и захватить армейскую массу. № 42 «Народного трибуна», вышедший в свет 31 марта 1796 года, весь занят прокламацией к армии. Открывается она иллюстрацией из античной истории. Бабёф разъясняет солдатам роль и значение трибуната в древнем Риме и мотивы, по которым он принял на себя звание трибуна народа. «Ваше оружие и ваши силы хотят заставить служить окончательному порабощению угнетенных под ярмо угнетателей». Бабёф напоминает солдатам славный пример «гвардейцев Капета» и заклинает их не идти против народа, не подымать оружия на своих братьев, отцов, сыновей.

В заключение — уже знакомый нам мотив. Правительство не согласно даже вознаградить защитников родины за их труды и раны. Бабёф указывает солдатам на общество Пантеона, которое в одном из обращений к Совету пятисот заклеймило правительство за его политику в этом вопросе. Бабёф указывает на пантеоновцев и на якобинцев как на естественных защитников попираемых прав народа.

И в доказательство Бабёф приводит текст адреса «аррасских патриотов», в котором аррасцы требуют немедленного наделения всех воинов землей из национального фонда.

Требование это, исполнение которого могло бы привести к созданию нового слоя мелких земельных собственников, шло несомненно в разрез с основными мотивами агитации Бабёфа, стоявшего, как мы знаем, за полное упразднение земельной собственности. Но зато оно открывало перспективу союза санкюлотов и армии. Оно должно было по крайней мере нейтрализовать эту главную опору буржуазной реакции.

Весьма вероятно, что теми же соображениями Бабёф

руководствовался и тогда, когда в последнем номере (43) своей газеты успокаивал мелкую буржуазию, мелких парижских торговцев и ремесленников. «Хотели заставить поверить, — писал Бабёф, — будто мы стремимся к ограблению самых мелких лавок, самых мелких хозяйств, как будто бы правительство уже не позаботилось о том, чтобы самому произвести этот грабеж. Как будто оно при установленном им режиме голода не нашло секрета, как заставить самих несчастных владельцев мелких лавок и хозяйств снести все их содержимое к спекулянтам и позолоченным мошенникам».

Оправдываясь в возведенном против него обвинении, Бабёф утверждал: «Совсем наоборот… разве мы не подчеркивали всегда нашего намерения поднять и укрепить маленькие лавки, маленькие хозяйства, вернув им по крайней мере все то, что отнял у них узаконенный разбой». Он стремится успокоить мелкую буржуазию торжественными заверениями следующего рода: «Разве мы не гарантировали в наших декларациях неприкосновенность состояний обычного размера? Разве мы недостаточно подчеркивали, что стремимся уничтожить лишь колоссальные состояния, улучшив положение всех остальных?» Ему рисуется блок неимущего пролетариата столицы с мелкой буржуазией, нищающей под влиянием роста спекуляции, ажиотажа и хищничества крупных капиталистов и «позолоченных мошенников». «Разве мы не можем сделать призыв к массе, составленной не только из тех, у кого уже больше ничего не осталось, но и из тех, кто располагает еще состоянием посредственных размеров, из всех, у кого сохранились еще остатки, каждодневно уменьшающиеся под влиянием существующего режима?»

Мы присутствуем, очевидно, при повторении маневра, уже проделанного однажды по отношению к армии. Основные коммунистические мотивы агитации отступают на задний план, когда Бабёфу приходится иметь дело с мелкособственнической стихией. Войдя в контакт с якобинцами, обязавшись из тактических целей работать рука об руку с эпигонами якобинства, бабувисты не могли не учесть настроений той среды, в которой якобинцы вербовали своих приверженцев. Тактический расчет подсказал Бабёфу необходимость так истолковать лозунги коммунизма, чтобы они не могли быть поняты как призывы к поголовному грабежу и переделу в панически настроенных кругах мелкой буржуазии. Отсюда же формулировки, которые «мы находим в № 43 «Трибуна», отсюда возрастающая нарочитая туманность лозунгов. Это отступление от лапидарного и четкого стиля основных положений № 35 — несомненный плод

политического блока с якобинцами и необходимости считаться с собственническими настроениями мелкой буржуазии. Оно свидетельствует об осознанном и продуманном намерении вовлечь в борьбу с правительством все обездоленные и угнетенные слои общества: пролетариев-санкюлотов, мелкую буржуазию, армию.

3

На ряду с «Народным трибуном» главным документом бабувистской агитации служила газета «Просветитель народа», предназначавшаяся специально для солдат (ее вышло всего семь номеров), прокламация, называвшаяся «Изложение доктрины Бабёфа», одобренная и редактировавшаяся Бабёфом, и брошюра «Ответ на письмо, подписанное М. В.», принадлежавшая всецело его перу.

«Изложение доктрины» резюмирует в 15 пунктах основы учения «равных». Здесь в сжатой форме воспроизведены уже известные нам положения об естественном равенстве всех людей, об истинной цели общежития, заключающейся в охране этого равенства; о возложенной природой на всех людей обязанности трудиться. Основные лозунги Бабёфа формулированы в следующих выражениях:

«4. Труд и потребление должны быть общими для всех.

6. Никто не может присвоить земельную и промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления.

10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье».

Последние четыре параграфа «изложения» суммируют политические лозунги восстания, сводя их к требованию конституции 1793 г.

Гораздо важнее по своему содержанию «Ответ на письмо гражданина М. В.». В нем мы встречаемся со значительным уточнением и дальнейшим развитием положений, намеченных в статьях, «Народного трибуна». Мы наблюдали уже уравнительную тенденцию пронизавшую собой все построение Бабёфа. Но именно принцип уравнительности и должен был создавать наибольшие трудности при разработке конкретных планов экономического переустройства общества. Как совместить уравнительность с проблемой экономического прогресса, с проблемой роста производительных сил? Не повлечет ли за собой установление царства фактического равенства экономический

упадок? Не будут ли парализованы при этом всякие стимулы к повышению производительности труда. В письме гражданина М. В. как раз и развивались всяческие сомнения по данному поводу. М. В. рекомендует себя шестидесятилетним стариком и отцом шести детей. Он сам не знает никакого ремесла. Он не торговец, не меняла, не биржевой игрок, не банкир, даже не чиновник. Тем более у него оснований желать подлинного равенства. Но вместе с тем он обуреваем сомнениями. Придется произвести поголовный раздел земель. Но разве результаты, достигнутые таким переделом, могут быть сколько-нибудь прочными? Затем, нельзя ведь ограничиться одной лишь землей. Очевидно, подвергнутся уравнению также и продукты духовного творчества и изобретательства. «Предположим, что я приношу в общественный магазин прекрасную картину, отлично работающую машину, превосходное изобретение, научные открытия в области физики, химии, гидравлики или естественной истории, поэму, музыкальную пьесу, способность играть на скрипке, на арфе или клавесине, гармоничный звук моего голоса и т. д. и т. д. Пусть вместе со мной приходит мой сосед-сапожник и пусть мы получим равные доли мяса, хлеба, вина и т. д. Это еще не все. Нужно, чтобы такой порядок вещей упрочился, чтобы он не привел к исчезновению вкуса, гения, стремления к прекрасному и ко всяким усовершенствованиям в науке и ремеслах. Наконец, даже если равенство будет осуществлено, не понадобятся ли для его поддержания новые правительственные законы? В заключение М. В. просит «Народного трибуна» разъяснить свои планы и дать ясное доказательство осуществимости действительного равенства.

Свой ответ Бабёф начинает с указания на то, что система равенства сама по себе исключает всякую возможность раздела имуществ. Раздел этот в свое время послужил источником всех зол, обрушившихся на общество. Нет ничего более противного равенству и общему счастью, чем частная собственность вообще и раздел земли в частности. В основе подлинного равенства лежит общий труд и общее потребление. Общий труд увеличит богатства общества, а равномерное распределение труда освободит от невыносимого бремени тех, кто сейчас обречен на исключительное истощение своих сил. В настоящее время народные массы влачат более жалкое существование, чем в естественном состоянии.

«Да, поистине это будет ужасно, господин М. В., если ваш хлеб, ваше мясо, ваше вино и ваша одежда выйдут из того же магазина и будут отвечать тому же вкусу, что пища и одежда какого-нибудь сапожника, — иронизирует Бабёф над своим

корреспондентом. — Но вот вопрос: зачем это природа вздумала одарять это грязное животное желудком и чувствами, подобными вашим? Несчастный! Неужели вам, утопающему в роскоши, для полноты счастья требуется еще картина чужих страданий?»

Столь же неосновательным возражением представляется Бабёфу ссылка на мнимую опасность, угрожающую ремеслам и искусствам. «Правда, если эта гибель непременно должна иметь место, народная масса, которой решительно чужды все достоинства изящных искусств, не почувствует от этого никакой неприятной перемены». Но такого исхода нечего опасаться. Бабёф подчеркивает, что не может быть и речи о нивелировке вкусов и склонностей, о возвращении к состоянию варварства. «При нашем эгалитарном устройстве, — пишет Бабёф, — искусство получит новые импульсы в виду полезности для всего общества и примет возвышенный отпечаток великих чувств, естественно порождаемых широким содружеством счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, одеваться, пользоваться развлечениями, не будет ни неравенства, ни роскоши, одна только республика будет богата, блестяща и всемогуща… Некоторые профессии, продукты которых служат для увеселения ничтожной кучки паразитов и для высасывания из них принадлежащих им огромных богатств, уступят, конечно, место другим профессиям, способным повысить благосостояние широких общественных масс. Но пожалеет ли кто о подобной перемене? Наука и искусство… быстро стряхнувши с себя иго лести и эгоизма меценатов, начнут служить исключительно интересам всего общества. Место фривольных поэм, неказистой архитектуры и бесцветных картин займут цирки, храмы и прекрасные портики, где верховный народ, ныне живущий в худшей обстановке, чем домашние животные, станет черпать в памятниках и философских творениях знание, пример и любовь к мудрости.

«В этом увлекательном плане, прелести которого я набрасываю здесь лишь в самых общих чертах, мы найдем разрешение проблемы: найти такое устройство, при котором каждый человек при минимальной затрате труда мог бы пользоваться величайшими удобствами жизни».

В качестве переходных мероприятий Бабёф предлагает сосредоточить все наличные богатства в руках республики; сделать труд обязательным; дать общественно-полезное назначение всем отраслям хозяйственного труда; собирать в общественные склады все продукты земледелия и промышленности; озаботиться равномерным их распределением; положить конец всякой частной собственности и торговле;

заменить торговлю рациональной системой распределения; поручить это дело органам государственной власти; и, наконец, основать воспитательные дома, в которых дети будут приучаться к труду.

В идеальном общежитии труд, таким образом, «сделается приятным и веселым занятием, уклоняться от которого ни у кого не будет ни охоты, ни интереса», а научный прогресс получит мощный стимул в виде «серьезного и искреннего чествования обществом своих благодетелей-ученых».

Наконец, Бабёф отвергает и последние аргументы М. В. — необходимость правительства и слишком крупные размеры территории республики. Весь правительственный механизм будет необычайно прост, работники его не смогут получать большего вознаграждения, чем остальные граждане. Труд будет распределяться сообразно с местными условиями. Равномерное распределение также будет легко налажено мудрой властью, свободной от помех, налагаемых в настоящее время своекорыстной алчностью правящих и управляемых. Наконец, совершенно исчезнут крупные города, «эти скопища всех пороков»; промышленная деятельность сблизится с земледелием. Франция покроется сетью счастливых деревень; ее жители будут отличаться горячей привязанностью к своему отечеству; общество избавится окончательно от тяготеющих над ним зол; законодательство превратится в искусство просвещать народ и давать ему полезные развлечения.

Как видим, «Ответ М. В.» — это крупнейший шаг на пути конкретизации коммунистического идеала Бабёфа. Конечно, и тут он не может освободиться от сковывающих его уравнительных тенденций. Отсюда ряд характерных для Бабёфа противоречий. С одной стороны, труд сделается общеполезным и приятным занятием, с другой стороны — большая его эффективность мыслится исключительно как результат чисто количественного его перераспределения, вне связи с общим подъемом производительных сил в коммунистическом обществе. Заметим также, что города должны исчезнуть и что, следовательно, индустриальные и торговые центры растворятся в море процветающих деревень. Правда, предварительно «ремесла» должны переменить места своего пребывания, приблизившись к земледельцам, но было бы, конечно, совершенно неправильно отождествлять бабувистскую дезурбанизацию с марксистским учением об уничтожении противоположности между городом и деревней. Ведь город для Бабёфа — это прежде всего скопище всяких пороков, которому деревня противопоставляется как почти идиллическое место процветания гражданских и семейных

добродетелей.

Вместе с тем Бабёф — и в этом положительная сторона его концепции — отстаивает науки и искусства. Будущее коммунистическое общество означает для него высшую ступень в развитии человеческой культуры. Правда, и тут необходимо допустить известные оговорки. Народная масса, и по Бабёфу, оказывается совершенно незаинтересованной в «процветании искусств». Но, так или иначе, мы видим, что от крайностей уравнительства Бабёфу в общем удалось удержаться. Характерно также, что сохранение и развитие наук и искусств у Бабёфа поставлено в связь с ростом производительного общественного труда. Впрочем, опять-таки, уподобление на этом основании воззрений Бабёфа марксистскому учению о базисе и надстройке было бы актом непростительной вульгаризации. Вспомним только начертанную Бабёфом схему развития науки. Прогресс ее определяется исключительно одним фактором — честолюбием ученых. Коммунистическое общество может лучше других общественных структур удовлетворить «это честолюбие в форме искренних и серьезных чествований». Нам кажется, что схема эта достаточно далека от марксизма, так далека, что на этом вопросе можно больше не останавливаться.

Вопрос о будущности науки и искусства послужил вместе с вопросом о государстве причиной серьезного теоретического расхождения в узком кругу руководителей «заговора равных». Сильвен Марешаль представил Тайной директории проект «Манифеста равных». Написанный с громадным подъемом «Манифест» этот содержал, однако, два спорных положения, с которыми не согласилось большинство членов Директории. Для достижения равенства, — написано было в «Манифесте», — «мы готовы снести все до основания….. Пусть погибнут, если нужно, все искусства, лишь бы у нас осталось настоящее равенство!» В другом месте «Манифест» предлагал уничтожить «возмутительное деление на богатых и бедных, на великих и малых, на господ и слуг, на правящих и управляемых». Под прямым влиянием Бабёфа Тайная директория отвергла оба эти положения. Для Бабёфа не существовало того противопоставления равенства и культуры, которое, очевидно, продолжало занимать Сильвена Марешаля. Не могла прийтись по вкусу Бабёфу и та анархическая нотка, которая прозвучала в лозунге упразднения «возмутительного деления на правящих и управляемых». Ведь Бабёф предполагал установить коммунизм средствами государственной диктатуры и в самой коммунистической республике сохранить правительственный аппарат, правда — сильно упрощенный и урезанный в своих функциях.

Вместо «Манифеста» Тайная директория приняла уже разобранное нами «Изложение доктрины Бабёфа».

Следующий документ, на котором нам придется остановиться, это «Акт восстания» Тайной директории, в некоторых отношениях окончательно расшифровывающий, окончательно переводящий на язык революционной практики теоретические основоположения бабувизма. Но в то же время вводная часть акта, мотивирующая самое объявление восстания, отличается некоторой бледностью и расплывчатостью своего содержания. Речь идет главным образом о конституции 93 года, о мятежной партии, узурпировавшей народный суверенитет, о «гнусном кодексе», названном конституцией 95 года. Об экономическом кризисе говорится в самых общих выражениях; о рабочем классе как самостоятельной социальной категории вообще ничего не упоминается. «Нищета народа», «алчность богачей», «несчастные, уже два года ежедневно умирающие с голоду», — вот и все, что можно найти в этой вводной части, касательно социальной основы провозглашаемого восстания. Эта неясность формулировок носит несомненно самый нарочитый характер. Революция, по мнению бабувистов, должна была проделать несколько этапов, и на первом из них было бы излишне и даже опасно раскрывать до конца ее социальное содержание. Кроме того, хотя «Акт» и был составлен до начала переговоров между бабувистами и якобинцами, авторам его приходилось учитывать настроение этих возможных союзников справа. После благополучного завершения переговоров в текст «Акта» были внесены два дополнения. В одном мотивировался созыв Конвента, в другом — пополнение состава Конвента представителями демократов из департаментов.

В самом тексте «Акта» из 20 статей — 13 излагают порядок самого восстания. Их содержание будет изложено нами ниже, когда мы займемся историей самого «заговора». Остаются статьи с перечнем социально-экономических мероприятий, долженствующих быть принятыми в самый день восстания. Любопытно ознакомиться с этим абрисом экономической политики бабувистов. Не забудем только, что мы имеем дело с текущими мерами, продиктованными потребностями восстания, а не с той широкой общественной реформой, какую Бабёф наметил в своем «Ответе М. В.».

Прежде всего заговорщиков интересует вопрос продовольственный. В обстановке тяжелого экономического кризиса, переживавшегося Парижем, разрешение этого вопроса неминуемо становилось вопросом жизни и смерти для правительства победивших заговорщиков. Ст. 15 «Акта восстания»

декретирует: «Все булочники мобилизуются для непрерывного изготовления хлеба, который будет раздаваться народу даром; они получают плату соответственно своим требованиям». Таким образом, заговорщики прибегают к испытанному средству из арсенала робеспьеровской диктатуры, к объявлению «под реквизицией» нужной им категории рабочих, в данном случае булочников. Однако, обеспечив народ главным предметом питания — хлебом, заговорщики идут дальше. Они отлично понимают необходимость дать трудящимся массам осязательное, материальное доказательство того факта, что революция совершается действительно в их пользу. Ст. 17 «Акта» декретирует раздачу всего имущества эмигрантов и врагов народа защитникам отечества и беднякам, вселение бедняков в дома врагов народа с наделением их необходимой мебелью и, наконец, безвозмездное возвращение народу вещей, заложенных в ломбард. Кроме того, обещается обеспечение членов семей героев, павших во время восстания, и помощь патриотам, подвергшимся преследованиям. Программа эта является не чем иным, как вариантом неоднократно упоминавшихся нами вантозовских законов. В ней, конечно, нет ничего коммунистического. Выдвигая ее, бабувисты стремились сразу создать резкий перелом в условиях материального быта трудящихся масс. «Обещанием раздачи имущества, — пишет Буонарроти, — Тайная директория привлекла внимание и поддерживала надежду в рабочем классе, не вызывая однако недоброжелательства тех, кто не видел в ненависти к новой аристократии достаточного основания для любви к равенству».

Такими же тактическими соображениями вызвана и статья 18-я «Акта»: «Общественная и частная собственность ставится под охрану народа». Продиктована она не только желанием предотвратить излишние и вредные для дела эксцессы, но и прямо направлена на то, чтобы рассеять страхи мелкой буржуазии. Лишний штрих в характеристике тактики бабувистов, рассчитанной на использование оппозиционных настроений мещанского Парижа.

Очевидно, что мы имеем дело с неотложными мероприятиями, не исчерпывающими, конечно, тех задач в области экономической политики, которые должны были встать во весь свой рост перед заговорщиками. Действительно, мы знаем, что Тайная директория прорабатывала проект законодательства по экономическим вопросам, долженствовавший стать подлинной конституцией новой, коммунистической республики. В первый же момент восстания должен был быть принят декрет, дававший на этот счет точную и

определенную директиву будущему Национальному собранию. В этом декрете «парижский народ» объявлял:

«Что неравномерное распределение имущества и труда является неистощимым источником рабства и общественных бедствий.

Что общеобязательный труд является существенным условием общественного договора.

Что обладание всем имуществом Франции принадлежит по существу французскому народу, который один может определять и изменять его распределение».

Не ограничиваясь этим декретом, бывшим в сущности голой формулировкой нескольких принципиальных положений, Тайная директория вырабатывала проект «экономического декрета». Проект должен был конкретизировать основные пункты, принятые «парижским народом».

По правильному замечанию Буонарроти, надо было не только дать картину идеального общественного строя, но и выработать цикл переходных мероприятий. Уже этого достаточно, чтобы понять всю новизну задачи, стоявшей перед бабувистами.

Посмотрим теперь, как справились с заданием эти пионеры коммунистического законодательства. Прежде всего, за французским народом установлено право распоряжаться имуществом Франции. Как же использует он это право? На этот вопрос ответ дается в первой же статье «проекта экономического декрета». Она гласит: «В республике учреждается большая Национальная коммуна». Как явствует из дальнейшего текста, в эту Коммуну передаются непроданные национальные имущества, имущества, принадлежавшие врагам революции, имущества, отошедшие в казну по судебному приговору, здания, используемые в общественных целях к моменту издания декрета, общинные имущества, числившиеся таковыми до издания закона 10 июня 1793 года, имущества, принадлежащие больницам и учебным заведениям, имущества, перешедшие к бедным гражданам согласно «акта восстания», имущества лиц, добровольно покидающих республику, имущества лиц, обогатившихся при исполнении служебных обязанностей, и, наконец, имущества, не эксплуатируемые их собственниками.

Обрисовав таким образом материальный базис коммуны, декрет далее постановляет полную отмену права наследования и переход в Национальную коммуну всего имущества частных лиц в случае их смерти.

Статья 5-я декрета устанавливает условия допуска в Национальную коммуну. Может быть допущен всякий француз, если он предварительно откажется в пользу коммуны от всего

принадлежащего ему имущества и обязуется всецело посвятить коммуне свою личность и свой труд. Далее устанавливаются две специальные категории граждан, являющихся по праву членами коммуны. Это — старики, достигшие 60-летнего возраста, инвалиды и юноши, воспитанные в национальных воспитательных домах. Кроме того, хотя вступление в коммуну и является номинально актом добровольным, республика обращается ко всем «добрым гражданам» с призывом отчудить свое имущество коммуне. Помимо всего, с определенного срока доступ к гражданским к военным должностям предоставляется исключительно членам коммуны. Коммуна гарантирует всем своим членам равный достаток. Все хозяйство коммуны ведется совместными силами; труд обязателен. От него освобождаются только лица, достигшие 60-летнего возраста и инвалиды. Для лиц, добровольно вошедших в коммуну, устанавливаются известные ограничения. Если им свыше 40 лет, они освобождаются от особо тяжелой работы.

В каждой общине, на которые распадается коммуна, граждане делятся на несколько классов, сообразно своей специальности. Во главе каждого класса стоят выборные представители. Кроме того, все профессии делегируют своих уполномоченных в особый Совет старейшин, заседающий при муниципальной администрации. Этот Совет является совещательным органом муниципалитета по всем вопросам, касающимся распределения и организации работ. Муниципальные власти наблюдают за ходом работ и дают соответственную информацию высшим инстанциям коммуны. Это верховная администрация в свою очередь берет на себя распространение и усовершенствование машин и технических знаний, способных облегчить и в то же время интенсифицировать производственные процессы.

Коммуна гарантирует каждому своему сочлену:

«здоровое, удобное и хорошо обставленное жилище, платья для работы (мы бы сказали «производственную одежду») и для досуга — из полотна или шерсти, как этого будет требовать форма национального костюма;

отопление и освещение;

необходимое количество предметов питания, как-то: хлеба мяса, птицы, рыбы, яиц, масла, вина, овощей, фруктов, кореньев и других вещей, нужных для умеренного и здорового достатка; медицинскую помощь».

В коммуне бабувистов вводится строжайший коммунизм потребления. Устраиваются общественные трапезы, участие в которых обязательно для членов коммуны. Распределение хозяйственных благ производится общинной администрацией из

общественных магазинов, в которые стекаются продукты труда членов общины. Но этим задача еще не исчерпана. Не забудем, что Национальная коммуна — это целое государство, призванное в конечном счете охватить всю Францию. Отсюда необходимость установить рациональные основы трудового сотрудничества между отдельными общинами. Именно это сотрудничество и должно спаять разрозненные общины в единый производственный организм. Соответственно с этим территория коммуны разделяется на округа; округа охватывают группы департаментов, однородных по своей экономической структуре. Каждый округ имеет свою администрацию, являющуюся промежуточной инстанцией между верховными органами республики и департаментскими властями. Это районирование по территориально-экономическому признаку облегчает задачи верховной администрации, выполняющей в бабувистской коммуне функции своеобразного Госплана. Этот Госплан определяет объем и характер работ, выпадающих на долю каждого округа

Что касается окружных властей, то они прежде всего регулируют хозяйственную жизнь департаментов. Дефицитные департаменты покрывают свой дефицит из излишков других департаментов.

То же имеет место и в отношении округов. Округа, обладающие избытком продуктов, уступают его округам недостаточным, дефицитным. Верховная администрация заботится также о снабжении армии и делает заготовки на случай неурожайных лет. Бабувисты предусматривают необходимость хозяйственного обмена между их коммуной и остальными государствами. Этот обмен предполагает организацию государственной монополии внешней торговли. Весь избыточный продукт коммуны, предназначенный к сбыту на внешнем рынке, сосредоточивается в особых магазинах, расположенных на границах республики. Все торговые операции совершаются через посредство особых правительственных агентов. Особое внимание привлекает также и проблема транспорта. Транспорт — это настоящая кровеносная система всего хозяйственного организма коммуны. Каждая община сполна обеспечивается необходимыми ей транспортными средствами. Высшая администрация наблюдает за рациональным использованием наличных средств. Коммуна, конечно, не знает никаких налогов и податей, но граждане, не входящие в ее состав, облагаются натуральным прогрессивным налогом. Общая сумма налога удваивается каждый год и затем распределяется между департаментами. Все долговые обязательства членов коммуны аннулируются.

Аннулируется также и национальный долг; но зато продолжается уплата по долгам заграничным. Наконец, республика прекращает выделку денег. Деньги, которые окажутся в распоряжении коммуны, будут затрачены на приобретение иностранных товаров. Ввоз золота и серебра прекратится совершенно.

Таков остов экономической программы бабувистов. Несомненно, что этот остов имеет своим прообразом законодательные схемы утописта Морелли. Но также несомненно, что бабувисты подвергли эти схемы весьма основательному пересмотру. Нам кажется, что можно установить несколько пунктов, в которых бабувисты действительно ограничились простым заимствованием у Морелли. Так, Морелли в своих «Распределительных законах» говорит: «Избыточные припасы каждого города, каждой провинции будут направляемы либо в те местности, где их может оказаться недостаточно, либо сберегаемы для будущих надобностей». Это положение несомненно целиком использовано и бабувистами, они именно так и мыслят себе устранение перебоев, могущих возникнуть из неравенства хозяйственного эффекта в работе отдельных округов их коммуны. Точно так же и бабёфовский «внешторг» кажется нам навеянным одной из статей законодательства Морелли. Есть ряд других деталей, почерпнутых из того же источника. Таково, например, постановление о двух платьях, рабочем и праздничном, причитающихся каждому гражданину. Но есть, впрочем, и существенные отступления от Морелли. Так, бабувисты были, очевидно, сторонниками дезурбанизации, превращения городов в крупные, цветущие села. Морелли, наоборот, делает города основными единицами своей коммуны. У Морелли сохраняется также деление нации на семьи и роды. От всей этой «патриархальщины» у бабувистов остался только институт Совета старейшин. Провести надлежащую демаркационную линию между Бабёфом и Мореллем совсем не так трудно. Из всего «Образцового законодательства» Бабёф использовал «законы основные и священные», «законы распределительные», и отчасти «законы полицейские» и о «роскоши».

Вместе с тем, только бабувистам впервые пришлось поставить проблему разработки конкретных, переходных мероприятий, способных обеспечить реализацию их конечной цели. И в этом вопросе они были вполне оригинальны. У бабувистов мы находим полное сознание трудности и сложности этой задачи, сознание необходимости соблюдения известной постепенности в ее разрешении.

Посмотрим теперь, каковы те политические средства, с

помощью которых должно быть обеспечено благополучное завершение процесса последовательной «коммунизации» государственного организма. Представление об этих средствах дает фрагмент полицейского декрета, разрабатывавшегося Тайной директорией. Согласно этому декрету, все население республики делится на граждан и иностранцев. В категорию граждан зачисляются исключительно трудящиеся, занятые общеполезным трудом. Полезным же трудом считаются: земледелие, скотоводство, рыболовство, судоходство, механические и ремесленные мастерства, мелочная торговля, работа при транспорте, военное дело, работа просветительная и научная. Впрочем, работники умственного труда нуждаются в особом удостоверении, в гражданском свидетельстве, устанавливающем действительную полезность их труда. Все политические права составляют монополию трудящихся. Иностранцы лишены права посещать общественные собрания, они находятся на положении подозрительных, под постоянным надзором властей, они могут всякое время быть заключены в исправительные лагеря, они не имеют права носить оружие и караются смертной казнью за нарушение этого постановления. Наконец, на островах Маргариты и Онорэ, Пера, Олерон и Рэ, согласно статей 17–18 декрета, учреждаются особые исправительные лагеря; туда должны отсылаться на общественные работы все подозрительные и социально-опасные элементы. Острова должны стать недоступными, и их администрация — непосредственно подчиненной правительству. Впрочем, у высланных не отнимается надежда на возвращение в республику, они должны для этого проявить прилежание в работе и хорошее поведение.

Таковы политические условия задуманного переустройства. Как видим, в республике бабувистов последовательно осуществляется принцип политического господства политической диктатуры трудящихся. Именно поэтому «полицейский декрет» и является, может быть, самым значительным, самым интересным документом заговора. В нем нашел свое высшее выражение разрыв бабувистов с идеями формальной демократии, нераздельно господствовавшими в течение предыдущих периодов Великой революции. Исторический поворот воззрений Бабёфа на якобинскую диктатуру замечателен тем, что он запечатлел переход его с позиций демократии на позиции революционной диктатуры. Но самый переход этот отнюдь не означал простого возврата к теории революционного правительства, выдвинутой в свое время робеспьеристами. Уроки якобинской диктатуры не прошли даром для Бабёфа и его единомышленников. И для них

диктатура должна была явиться не временным состоянием, обусловленным превратностями военного времени и не средством к осуществлению оскопленного эгалитаризма в духе вантозовских законов, а необходимой предпосылкой полного, всестороннего преобразования общественного строя. Вместе с целевой установкой меняется и внутренняя структура режима диктатуры. Он покоится на признанном, открыто провозглашенном ограничении политической правоспособности нетрудящейся части населения республики.

Незавершенность всех этих проектов, отрывочность сохранившихся документов оставляют открытым целый ряд существенных вопросов. Мы знаем, например, что заговорщики занимались внесением ряда поправок в конституцию 1793 г. Между этой работой по исправлению и приспособлению конституции 1793 года и «полицейским декретом» есть известная неувязка. Предлагавшееся декретом деление на иностранцев и граждан в корне ломало всю якобинскую постройку 1793 года. Можно предположить, что с демократической конституцией бабувистам приходилось иметь дело, поскольку она все время фигурировала в качестве официального лозунга проектировавшегося восстания. После захвата власти бабувисты должны были считаться с необходимостью хотя бы временного ее осуществления. Но сама реализация конституции мыслилась ими в формах, значительно суживавших ее парламентарно-демократическую базу. В руках бабувистов она должна была стать лишь внешней оболочкой режима диктатуры, получавшего свое окончательное завершение в полицейском декрете. Дальнейшее же развитие демократии могло иметь место только по завершении задуманного общественного переустройства, когда границы коммуны должны были сомкнуться с границами республики, включая в свои пределы все ее население. В конечном итоге власти предстояло раствориться в обществе, сохранив в качестве главной своей функции не столько управление людьми, сколько управление вещами.

Помимо этих основных политических и экономических проектов, существовали и другие, касавшиеся организации военного дела, воспитания юношества, народных празднеств. Существенное значение имеет лишь, пожалуй, «декрет о войсках», который на ряду со всеобщей воинской повинностью и обязательной пятилетней службой в войсках устанавливает выборность командного состава. Соответственно с принципами общественного преобразования, и здесь предусматривается замена денежного довольства натуральным военным пайком. Воспитание юношества должно было стать национальным,

всеобщим, равным. Государство должно было раз навсегда изъять это дело из рук семьи и взять его в свои. Соответственный проект бабувистов представляет, по замечанию самого Буонарроти, переработку проекта депутата Конвента Лепеллетье, выработанного еще в 1793 году. Бабувисты, конечно, учли те особенные задачи народного образования, какие выдвигались на первый план предстоящим общественным переворотом. Особенно тщательно подчеркнуто у них требование «действительного равенства» в воспитании. В общем образовании большое место уделено политическому просвещению. Оно охватывает историю, законоведение, топографию, естественную историю и статистику республики. Все эти дисциплины должны в совокупности дать гражданам представление «об оберегающей их силе и о мудрости учреждений, заставляющих все части столь большого целого принимать участие в счастии каждого индивида». Кроме того должен был быть создан ряд семинариев, в которых гражданам преподавались бы основы морали и политики. Печать рассматривалась бабувистами как самое мощное и верно действующее орудие пропаганды. Исходя из этого убеждения, они со строгой последовательностью вывели из него необходимость полной ликвидации так называемой свободы печати. Даже после установления режима равенства должно было сохраниться в силе запрещение высказывать в печати мнения, клонящиеся к ниспровержению равенства и народного суверенитета. Кроме того, предусматривалось печатание и распространение на государственный счет сочинений, получивших одобрение у «охранителей народной воли». Бабувисты предполагали также оказать всевозможное содействие дальнейшему усовершенствованию научных знаний. С этой целью особо одаренные юноши должны были поступать в распоряжение специальных уполномоченных «хранителей сокровищ человеческих знаний».

Мы исчерпали содержание программы «заговора равных». Мы видели, как строго бабувисты проводили разграничение между двумя эпохами, двумя этапами революции, между переходным периодом организованной диктатуры трудящихся и царством фактического равенства. Это разграничение и вытекающие из него поиски переходных форм, переходных мероприятий, способных обеспечить и ускорить наступление второго периода революции, и составляют самую оригинальную, самую значительную черту всех этих реформаторских замыслов.

Пожалуй, стоит еще упомянуть о проекте воззвания к французам, в котором предусмотрено: освобождение трудящихся от уплаты прямых налогов и пошлин, прогрессивное и

натуральное обложение всех богачей, устройство общественных магазинов, отмена денежной оплаты труда, снабжение натурой семей неимущих защитников родины, предложение богачам добровольно отдать народу свои избытки.

4

Мы ознакомили читателя с учением Бабёфа, как оно сложилось в тревожную зиму 1795/1796 г. Мы привели в выдержках наиболее существенные места, наиболее ярко, по нашему мнению, характеризующие социально-политические воззрения «Народного трибуна». Нам надлежит теперь дать критическую оценку его доктрины, опираясь на отзывы Маркса и Энгельса, разбросанные в целом ряде их работ, начиная с произведений юношеской поры и кончая «Анти-Дюрингом».

Начнем с вопроса о генезисе бабувизма. Уже в первой главе нашей работы нам пришлось указывать на широкое распространение, которое получила накануне Великой революции идея равенства. Исторические предпосылки возникновения и дальнейшего развития идеи равенства с исчерпывающей полнотой обрисованы Энгельсом. «Благодаря росту городов, — читаем мы у него, — и вызванному им усилению более или менее развитых элементов как буржуазии, так и пролетариата, опять должно было выдвигаться требование равенства как условия буржуазного существования, а в связи с этим требованием и пролетарии начали связывать с политическим равенством социальное. Впервые, конечно, в религиозной форме — это требование было ясно выражено во время крестьянской войны» (Соч., т. XIV, стр. 367).

Идея равенства поддавалась, как указывает Энгельс, двоякой интерпретации. Буржуазное ее толкование замыкалось на идее формального равенства, равенства перед законом. Наиболее яркое и радикальное преломление идея формального равенства получила у Ж. Ж. Руссо, идеолога мелкой буржуазии и автора знаменитого «Общественного договора». В мелкобуржуазной струе просветительства с идеей равенства связывалось представление о необходимости имущественного уравнения. Отсюда эгалитарная окрашенность учения Руссо, передавшаяся классическому революционному якобинству 1793–1794 гг. Вместе с тем и Руссо, и Робеспьер прочно стояли на почве буржуазной, частной собственности. Бабёф ошибался, изображая их своими предшественниками и учителями. Из доктрины Руссо, как мы уже говорили (см. выше II главу), можно было еще вывести аграрный

закон, идею черного передела, но никак не идею «общности имущества» и упразднения частной собственности. «Несомненно, — писал Руссо, — что право частной собственности является наиболее священным из всех прав гражданина и в некоторых отношениях даже более важным, чем свобода… Собственность является действительным основанием гражданского общества».

Правда, тот же Руссо неоднократно выступал с критикой существующей системы частной собственности. И эта критическая сторона руссоизма оказала несомненное воздействие на Бабёфа. Недаром уже после раскрытия «заговора равных», во время следствия, к делу Бабёфа приобщили писанный его рукою отрывок о происхождении неравенства, оказавшийся на деле выпиской из Руссо. Вот этот отрывок, дающий чрезвычайно характерную формулировку указанной стороны социальной философии Руссо. «Прежде чем были изобретены страшные слова: мое и твое; прежде чем появились жестокие и безжалостные люди, которых называют теперь господами, и люди, называемые теперь рабами; прежде чем, наконец, появились негодяи, способные обладать избытком, в то время как другие умирают, от голода, — прежде чем все они стали плутами, завистниками и предателями… в чем, скажите, могли бы состоять людские пороки и преступления?»

Бабёф в своей защитительной речи на суде на основании этого отрывка назвал Руссо сообщником «флореальских заговорщиков» (т. е. бабувистов). Кроме того, он подчеркнул влияние, оказанное Руссо на «Манифест равных», и в частности на то его место, где говорилось о гибели искусства. Мы знаем, что положение это вызвало настолько серьезные возражения в тесном кругу заговорщиков, что и самый «Манифест» был ими забракован и отвергнут. Бабёф, не касаясь этого обстоятельства, доказал, что и это положение навеяно учением Руссо. Из своего досье он извлек и другой отрывок из Руссо: «Какое зрелище представлял бы собою человеческий род, если бы он был составлен исключительно из работников, солдат, охотников и пастухов? Несравненно более привлекательное, чем зрелище человечества, составленного из поваров, поэтов, писателей, ювелиров и музыкантов». Но из всего учения Руссо Бабёф воспринял только его критику собственности. Неужели же ему остался неизвестен Руссо — апологет собственности, Руссо, провозгласивший необходимость легализации всех захватов и превращения их через общественный договор из пользования в собственность? Авторитет Руссо был слишком велик в глазах поколения, делавшего Великую революцию, традиции руссоизма

слишком долго господствовали над умами революционеров XVIII века, чтобы Бабёф не сделал попытки превратить в своего единомышленника и сообщника автора «Общественного договора». Но, повторяем, на деле Бабёф знал или хотел знать только одну из многочисленных и противоречивых тенденций в учении Руссо, и сам Руссо был важен для него лишь как суровый критик института частной собственности и проистекающего из нее неравенства.

Между тем, если, по словам Энгельса, «буржуазная сторона равенства была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования сформулирована Руссо» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367), то одновременно с руссоизмом в потоке просветительной философии наметилось и другое течение, представители которого не ограничивались буржуазным толкованием понятия равенства, а шли дальше, сознательно раздвигая и ломая рамки буржуазного просветительства. «Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса, — говорит Энгельс, — возникали и соответствующие теории с утопическим изображением идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли) (там же, стр. 18).

Морелли, автор «Кодекса природы», оказал несомненно сильнейшее и непосредственное влияние на Бабёфа. Об этом нам уже пришлось говорить. В тексте защитительной речи на ряду с именем Руссо упоминаются также имена Мабли и Дидро. Но упоминание Дидро основано на очевидном недоразумении. По распространенному, но ошибочному мнению, он считался автором «Кодекса природы», вышедшего анонимно и принадлежавшего на самом деле перу Морелли. «Кодекс природы» был даже напечатан в одном из изданий сочинений знаменитого энциклопедиста. В защитительной речи Бабёф так и говорит о Дидро: автор «Кодекса природы». Он полагает, что с точки зрения его обвинителей Дидро оказался бы верховным вождем и вдохновителем всех заговоров. Действительно, если и не Дидро, то Морелли во всяком случае занимал достаточно радикальную позицию в вопросе о собственности, находя корень всех зол, терзающих общество, в разрушении первобытного коммунизма, в установлении института частной собственности. В будущем обществе Морелли устанавливает три священных закона природы. Первым из них упраздняется частная собственность, за исключением собственности на предметы потребления и «предметы», необходимые для повседневного труда. Второй признает за каждым гражданином право на труд и существование и обязует государство доставлять ему занятие и пропитание.

Наконец третий устанавливает обязанность граждан принимать участие в общественном труде. Морелли устанавливает далее обязательный для всех граждан в возрасте от 20 до 25 лет труд в сельском хозяйстве. Городская промышленность организована у него по цехам. Торговля запрещена. Весь продукт общественного труда распределяется государством. Таковы основные положения «Кодекса природы», на который, в свою очередь, большое влияние оказала бессмертная утопия Томаса Мора.

Правда, Бабёф пошел дальше Морелли. Последний оставлял в частной собственности членов общества предметы потребления и орудия труда. Бабёф преодолел этот остаток мелко-собственнической идеологии и этим порвал с традицией Морелли. Но, с другой стороны, разве не в «Кодексе» нашел он мысль о вредоносности паллиативных мероприятий и о необходимости полного уничтожения корней общественного зла — собственности? Поэтому-то больше, чем Руссо и вся школа уравнителей, может Морелли претендовать на звание «духовного отца» Бабёфа и идейного вдохновителя «равных».

На втором месте после Морелли нужно упомянуть Мабли. Мабли считал, что современный общественный порядок, базирующийся на институте частной собственности, находится в прямом противоречии с порядком естественным. Он полагал, что окончательное примирение частного интереса с общественным возможно только при господстве общности имуществ. В своих «Принципах законодательства» он заявляет, что не может понять, как люди ухитрялись установить институт частной собственности и решительно отказывается рассматривать коммунизм как неосуществимую химеру. Этот пассаж впоследствии сочувственно процитировал «Народный трибун», а в защитительной речи Бабёф опять вспомнил Мабли, «чувствительного, человечного добряка Мабли», как он его называет, Мабли, провозгласившего первой обязанностью законодателя полное имущественное уравнение всех граждан.

По Энгельсу, «Современный социализм… в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, и его первые представители Морелли, Мабли недаром принадлежали к их числу» (там же, стр. 357).

Бабёф и «равные» являются дальнейшей ступенью в развитии социализма. «Как и при всех требованиях буржуазии, — говорит Энгельс о буржуазном требовании равенства, — и в данном случае пролетариат, как тень, следует за буржуазией и делает свои выводы». В скобках Энгельс добавляет при этом: Бабёф (там

же, стр. 367).

Но самый бабувизм не является продуктом простого развития социалистических идей. Как определенное общественное движение он имеет своих предшественников в самостоятельных движениях «того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата». К таким движениям Энгельс причисляет «движение перекрещенцев и Томаса Мюнцера, в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров — во время английской революции, Бабёфа — во время французской (там же, стр. 18). Ближайшим же образом бабувизм является историческим продуктом классовой борьбы, развернувшейся в эпоху Великой революции. Общей его предпосылкой служит опыт якобинской диктатуры. Энгельс и Маркс неоднократно подчеркивали наличие связи между бабувизмом и якобинизмом. По Энгельсу, «заговор Бабёфа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были тогда» (Соч., т. V, стр. 28). Не следует только понимать при этом якобинскую демократию как формальную демократию, каковой она на самом деле никогда и не была: «Тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация» (там же). Свидетельство тому: «декретирование максимума цен, законы против скупщиков жизненных припасов, боевой клич революционных армий: война дворцам, мир хижинам… и сотни других несомненных признаков» (там же). Якобинцы, создав режим революционного правительства, предельно развили элементы демократии, основанной на подлинном, не бумажном, не формальном господстве народных масс. Но именно этим они создали базу для постановки вопроса о фактическом равенстве как о логическом и «завершающем выводе» из идей якобинской демократии. «Французская революция была социальным движением от начала и до конца и после нее чисто политическая демократия невозможна» (там же).

Подобно Энгельсу, и Маркс подчеркивает, что «первое появление действительной активной коммунистической партии мы видим в буржуазной революции, в тот момент, когда устранена была конституционная монархия… «Заговор Бабёфа», описанный его другом и товарищем по партии Буонарроти, показывает, как эти республиканцы из «движения» почерпнули то убеждение, что с устранением социального вопроса в монархии и республике для пролетариата ни один «социальный вопрос» еще не был решен» (Соч., т. V, стр. 208).

Энгельс проводит также любопытную параллель между Бабёфом и Наполеоном. Упадок демократии должен был

обнаружить скрытое в ней противоречие. «Либо равенство, т. е. неприкрытый деспотизм, либо истинная свобода, истинное равенство, т. е. коммунизм. Оба являются последствиями Французской революции. Первое последствие извлек Наполеон, второе — Бабёф» (Соч., т. II, стр. 394).

Таким образом, якобинская диктатура является тем сгустком классовой борьбы эпохи революции, от которого оттолкнулся бабувизм. Но из этого еще никак не следует, что можно было бы исчерпать вопрос о происхождении бабувизма, связав его по прямой магистрали с классическим робеспьеровским якобинством. Никто другой, как Маркс, с исключительной проницательностью вскрыл линию развития бабувизма и выяснил его ближайших и непосредственных предшественников уже в ходе самой революции. «Революционное движение, — писал Маркс в «Святом семействе», — которое началось в 1789 г. в «Социальном кружке», которое в середине пути имело своими главными представителями Леклера и Ру, и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабёфа, — движение это вызвало коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Францию другом Бабёфа, Буонарроти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка» (Соч., т. III, стр. 147).

Как видим, Маркс находит предшественников Бабёфа в лагере левой оппозиции эпохи якобинской диктатуры, в лагере «бешеных». В каком же смысле можно говорить о «бешеных», о Ру, о Леклере как о предшественниках Бабёфа? Необходимо сейчас же подчеркнуть, что и идеологи «Социального кружка» и «бешеные» не были ни социалистами, ни тем более коммунистами. Жак Ру и его единомышленники всецело стояли на точке зрения сохранения частной собственности.

Недаром Жак Ру эпиграфом к своей речи, произнесенной им в Конвенте 25 июня 1793 г., взял слова: «Народ, защищая свои права, я презираю смерть; докажи мне свою благодарность уважением к лицам и собственности».

Целью «бешеных» было вместе с тем устранение социального неравенства. «Свобода лишь пустой призрак, — говорил Жак Ру в той же речи, — когда один класс людей может безнаказанно заставлять другой голодать. Равенство лишь пустой призрак, когда благодаря монополии богатые имеют право жизни и смерти над своими ближними…» Достижение этой цели «бешеные» мыслят себе в формах последовательно проведенного эгалитаризма. Жак Ру выдвигает проект изгнания «богатых» из армий, Леклер проектирует национализировать торговлю и т. д. Можно сказать, что «бешеные» вплотную продвинулись к

демаркационной линии, отделяющей эгалитаризм от коммунизма. Именно поэтому и родословную Бабёфа мы должны выводить не из половинчатого эгалитаризма якобинцев, а из гораздо более последовательного, более радикального эгалитаризма «бешеных». И это обстоятельство имеет свои совершенно определенные классовые предпосылки. Движение «бешеных» уходило своими корнями в тот слой, который, говоря словами Энгельса, был в эпоху революции «более или менее развитым предшественником современного пролетариата». Перерастание эгалитарной идеологии «бешеных» и отчасти эбертистов в бабувизм соответствует, таким образом, внутреннему развитию, проделываемому рабочим классом в эпоху революции. Оно является выражением роста его классового самосознания в связи с общим ходом и конечными результатами буржуазной революции. «Благосостояние для всех на основе труда — даже чересчур определенно выражает стремления тогдашнего плебейского братства, — писал Энгельс в письме Каутскому от февраля 1889 г. — Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока Бабёф, спустя долгое время после падения Коммуны, не придал этому определенной формы. Если Коммуна со всеми стремлениями к братству выступила слишком рано, то Бабёф пришел слишком поздно». («Историк-марксист» № 2 (80) стр. 43.)

Политическая биография Бабёфа может быть надлежащим образом оценена только в свете приведенных указаний Маркса и Энгельса.

Таковы исторические истоки бабувизма. Определив их, мы этим самым определяем его историческое значение. Идея бабувизма выходила, говоря словами Маркса, «за пределы идей всего старого мирового порядка», она была идеей нового мирового порядка, или, иначе говоря, идеей коммунизма.

Вместе с тем нужно сейчас же оговориться насчет того, в каком смысле Маркс и Энгельс говорили о коммунизме применительно к бабувистской идеологии.

И Маркс, и Энгельс неоднократно подчеркивали слабые, реакционные стороны бабувизма. Еще в 1842 г. Энгельс, говоря о Бабёфе и Буонарроти, указывал на то, что «коммунистический замысел не удался потому, что тогдашний коммунизм был еще слишком сырой и поверхностный…» (Соч., т. II, стр. 394).

«Бабувисты, — пишет Маркс в «Святом семействе», — были грубыми, нецивилизованными материалистами…» (Соч., т. III, стр. 160). Их коммунизм противопоставляется «развитому коммунизму», ведущему свое происхождение «непосредственно от французского материализма».

Отзыв, данный в «Коммунистическом манифесте», нам уже известен. Сводится он к тому, что революционная литература, выражавшая во всех великих революциях требования пролетариата, в том числе и «сочинения Бабёфа», проповедовала «всеобщий аскетизм и грубую уравнительность». Совершенно очевидно, также, что Энгельс в «Анти-Дюринге» имеет в виду бабувизм, говоря об «аскетически суровом, спартанском коммунизме, осуждавшем всякое наслаждение» (Соч., т. XIV, стр. 18). При разборе отдельных сторон учения Бабёфа мы имели возможность убедиться в полной обоснованности подобной оценки бабувизма.

Идеи уравнительства, как известно, не имеют ничего общего с марксизмом. «Прочтите, — говорит тов. Сталин в беседе с немецким журналистом Людвигом, — как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите марксову критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных «коммунистов» времен Кромвеля и Французской революции».

Примитивность Бабёфовского коммунизма проявляется в целом ряде других характерных его особенностей. Бабувизм незнаком с природой общественных классов, он не идет дальше простого противопоставления богатых и бедных. Правда, бедноту он мыслит как класс, живущий на наемную плату, но от этого еще достаточно далеко до понимания места пролетариата в капиталистическом обществе и его исторической миссии. Поэтому-то и будущую диктатуру, призванную расчистить дорогу коммунистическому преобразованию общества, бабувизм мыслит себе в расплывчатых очертаниях диктатуры трудящихся, поэтому ему недоступна стальная отточенность марксовой формулы диктатуры пролетариата.

Наконец, мы видели, как в конкретном плане экономической реконструкции, разработанном Бабёфом, доминирующее место заняло сельское хозяйство, как исходной его точкой стала идея упразднения частной собственности на землю.

Ленин, полемизируя в 1902 г. с эсеровской программой-минимум и обращая особенное внимание на соединение в этой программе требования социализации земли с требованием «развития в крестьянстве всевозможных видов… экономических кооперацій», писал: «Поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, — для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны — Бабёф, с другой — г. Левитский[5]» (Ленин, Соч., т. V, стр. 159). Таким образом, Ленин также подчеркивает связь, существующую между бабувизмом и идеей социализации земли.

Из этого, конечно, не следует, что мы должны весь коммунизм Бабёфа сводить без остатка к коммунизму «аграрному». Предполагая полное упразднение частной собственности, Бабёф тем самым включал сюда и собственность на орудия и средства производства. В п. 8 «экономического декрета» прямо говорится о машинах, которые будут находиться в заведовании властей национальной коммуны. Мы знаем также, что предполагаемое упразднение городов отнюдь не должно было повлечь за собой какой-либо технической деградации. Администрация коммуны должна была следить за применением машин и «всяких изобретений, способных уменьшить тяжесть человеческого труда».

То, что в программе бабувистов вопросы, связанные с промышленностью, с организацией обобществленного промышленного производства оказались недостаточно оттененными, имеет совершенно определенные исторические предпосылки. Это те же предпосылки, которые обусловливают уравнительность и примитивность Бабёфовского коммунизма в его целом. Заключаются они в уровне зрелости французского рабочего класса, идеологами которого выступили Бабёф и его единомышленники. Мы видим, что Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали пролетарскую, классовую сущность бабувизма. Однако тот же Энгельс указывает на то, что в эпоху Французской революции мы сталкиваемся не с пролетариатом, в современном смысле этого слова, а лишь с «более или менее развитым его предшественником».

В письме к Каутскому, написанном в мае 1895 г., Энгельс говорит об элементах, образующих «самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, стоящий вне земельной общины, феодальной зависимости, цеховых связей. Из этих элементов развивается предпролетариат, который в 1789 г. в парижских предместьях произвел революцию». (Фр. Энгельс, Крестьянская война в Германии, «Библиотека Марксиста», изд.

1926 г., стр. 89.)

Именно эта незрелость пролетариата и делала его доступным проникновению в его среду психологии уравниловки, психологии примитивного крестьянского «коммунизма», о котором говорит тов. Сталин. Именно ею объясняются своеобразные черты бабувизма.

Что касается степени зрелости пролетариата, то она, в свою очередь, вытекала из общего уровня капиталистического развития Франции, как он сложился еще накануне революции.

Французский капитализм переживал в это время расцвет своей мануфактурной стадии. Франция XVIII в. — это страна централизованной капиталистической мануфактуры, еще не переступившая заветного порога промышленной революции. Между тем, современный пролетариат является продуктом промышленной революции; недаром Энгельс говорит о том, что «история рабочего класса в Англии начинается… с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка» (Соч., т. III, стр. 301). Что касается до рабочего класса эпохи Великой французской революции, то он всецело принадлежал к мануфактурной стадии капитализма. Ему только еще предстояло превращение в современный пролетариат.

Для времени своего возникновения бабувизм является, несомненно, передовой идеологией передового класса. Прогрессивное революционное значение он сохранял еще в 30-х гг., когда книга Буонарроти «Заговор равных» бросила в самую гущу западно-европейского пролетариата семена учения «равных». Громадным плюсом бабувизма по сравнению с системами утопического социализма была его революционная непримиримость по отношению к существующему порядку вещей, его твердая ориентация на революционное свержение власти буржуазии.

С момента выступления марксизма на мировую арену, все системы домарксовского коммунизма, в том числе и бабувизм, утратили былое прогрессивное значение. На своем победоносном пути марксизм должен был пройти полосу борьбы против всех разновидностей утопического уравнительного социализма, в том числе и против бабувизма, представленного эпигонами Бабёфа и Буонарроти.

Глава VI
«Заговор равных»

1

К началу весны 1796 г. среди группы сторонников Бабёфа созрела мысль о необходимости перенести центр тяжести всей работы в подполье, создать конспиративный центр, могущий исподволь подготовить падение Директории. Сам Бабёф в своей газете не удержался, как мы видели, от довольно прозрачных намеков на эти новые планы бабувистов. После распада комитета, собиравшегося у Амара, потребность в создании конспиративного центра была настолько ощутима, что по всему Парижу раскинулась сеть аналогичных организаций. Все они были недолговечны. Надзор полиции и привлекавшая все силы демократов деятельность Пантеона вскоре положили конец этим собраниям. Но они уже заложили основы организационной структуры заговора, и в этом отношении кратковременное их существование не осталось совершенно бесследным.

В первых числах жерминаля, или иначе — в конце марта 1796 г. — Бабёф и его друзья Сильвен Марешаль, Феликс Лепеллетье и Антонелль постановили образовать тайную «Директорию общественного спасения». Между первыми тремя из них уже давно заключен был самый тесный союз. Они совместно обсуждали темы и характер своих политических сочинений. Теперь они решили приступить к действию. Тайная директория вскоре пополнилась тремя новыми членами, а именно — в ее состав вошли Дартэ, Буонарроти и Дебон. Она окончательно сконструировалась 10 жерминаля (30 марта 1796 года). Ее собрания происходили у Клерка, у Рейса или у Лекера, единомышленников Бабёфа.

Повстанческий центр был создан. Аппарат Директории принял следующие формы. Директория имела при себе секретаря для ведения дел. Двенадцать агентов были уполномочены руководить агитацией и работой в двенадцати районах, на которые был разбит Париж. Их имена были: Морель, Бодеман, Моннесье, Буэн, Гильом, Фике, Пари, Казен, Дере, Пьеррон, Бодсон и Моруа. Кроме того, для координации работы агентов была создана должность главного агента, которую поручили слесарю Дидье. К этим районным агентам Директория впоследствии добавила специальных военных агентов. Их было

всего пять: Фион — для работы среди инвалидов, Жермен — в полицейском легионе, Массен — в отрядах, расквартированных во Франсиаде, Ваннек — в войсках вообще и, наконец, Жорж Гризель— в Гренельском лагере. Выбор агентов был, по словам Буонарроти, произведен со всевозможной тщательностью после подробной проверки мотивов, приведенных каждым из лиц, выставлявших кандидатуру. Директория выработала также устав и инструкцию для агентов. Согласно устава, личный состав Директории должен был оставаться тайной для всех без исключения членов организации.

В тесной фаланге друзей и единомышленников Бабёфа больше других выделялся Буонарроти. Итальянец по национальности, революционный деятель, вынужденный покинуть свою родину Тоскану, — Буонарроти с жаром примкнул к великой революции, работал на Корсике, в Сардинии, на юге Франции, повсюду проявил себя как человек кипучей, неукротимой энергии и превосходный администратор. После 9 термидора Буонарроти был арестован по обвинению в терроризме, переведен в Париж и заключен в тюрьму Плесси. Из тюрьмы он вышел ревностным сторонником идей Бабёфа: среди бабувистов он был, пожалуй, самой яркой фигурой. Кроме него следует особо выделить Дартэ. Дартэ, юрист по образованию, провел большую часть революции в провинции, занимал ответственные посты общественного прокурора при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ и пал одной из первых жертв термидорианской реакции, которая сняла его со всех постов и бросила в тюрьму. Это был человек, по отзыву Буонарроти, очень гибкий, постоянно деятельный, не лишенный качеств дипломата, умелый примиритель в спорах и трезвый советчик для людей, слишком способных поддаваться первоначальному порыву. На ряду с этими практиками движения следует особо упомянуть о Сильвене Марешале, авторе «Манифеста равных». Этот человек, в прошлом поэт и журналист, внес несомненно свою лепту в дело разработки теоретических основ бабувизма. Упрямый аскет, он еще в начале революции был одним из немногочисленных сторонников аграрного закона. Он проповедовал «передачу в общественную собственность всего того, что было роздано с таким чудовищным неравенством», и упразднение государства. Он сравнительно давно знал Бабёфа и немало помогал ему в 93 году. Кроме Буонарроти, Дартэ, Марешаля и уже знакомого нам Жермена следует запомнить имена Лепеллетье де Сен-Фаржо, брата известного члена Конвента, павшего в начале 1792 г. жертвой роялистского покушения, Дебона, Дюплэ — племянника квартирохозяина

Робеспьера, Друэ, бывшего члена Конвента, сына почтмейстера, арестовавшего Людовика XVI во время его бегства в Варенн и многих других.

Определяя политическое прошлое участников «заговора», как его руководства, так и периферии, мы можем сказать, что видную роль в их составе играли бывшие «бешеные» и эбертисты. Было также довольно много экс-робеспьеристов, вроде Дартэ. Задача бабувистского руководства и сводилась к тому, чтобы в едином сплаве ассимилировать представителей этих зачастую разнородных течений.

Окончательно сформировавшись, Тайная директория приступила к действию. Сильвен Марешаль составил воззвание к народу под названием «Манифест равных» и предложил его на рассмотрение Директории. Проект был отклонен по причинам, о которых мы уже говорили в предыдущей главе. Вместо «Манифеста» Директория приняла прокламацию, озаглавленную «Содержание доктрины Бабёфа, осужденного Исполнительной директорией за проповедь правды». Она распространялась и расклеивалась по городу 20 жерминаля (9 апреля). Кроме того, агенты заговорщиков распространяли газеты «Народный трибун» и «Просветитель народа или защитник 24 миллионов угнетенных». Последняя была занята популяризацией идей «Трибуна». В ней, между прочим, Сильвен Марешаль помещал свои стихи, направленные против Директории. Она прекратилась на седьмом номере.

23 жерминаля появилось- «Мнение о двух конституциях; 25-го пущена была в обращение прокламация, озаглавленная: «Должно ли повиноваться конституции 1795 года»; 24-го напечатано: «Письмо воли-свободы к своему другу террору» (редактированное Гризелем); 27-го раздали «Воззвание трибуна к армии»; 29-го распространили «Ответ господину М. В.», а 1 флореаля был выпущен «Окрик французского народа на своих угнетателей».

Так, день за днем, ширилась агитация заговорщиков. Тайная директория собиралась каждый вечер на конспиративной квартире Бабёфа, всегда имевшего под рукой главные документы и печать общества. На этой печати, по которой агенты заговора узнавали распоряжения Директории, вокруг по краю шли слова: «Общественное спасение». Вот что сообщает Буонарроти о характере работ Директории: «На собраниях рассматривались следующие дела: 1) донесения агентов и проекты ответов на них; 2) подлежащие печатанию прокламации; 3) предложения о форме ведения восстания; 4) законодательные акты, долженствующие сопутствовать восстанию; 5) вопросы об учреждении и

организации будущей республики. Все решения, принимавшиеся Тайной директорией по большинству голосов, регистрировались и служили материалом для корреспонденции и других подготовительных работ, распределенных между заговорщиками. Все было без подписи. Бабёф, вынужденный благодаря преследованию скрываться, был почти единственным редактором писем и инструкций. Их переписывал секретарь и рассылал революционным агентам Дидье.

Благодаря работе своих агентов Директория была в курсе всего, что делалось в Париже. Она получала подробные донесения о настроении различных общественных кругов. Мнения, речи, споры, — все передавалось ей через агентов. День за днем Тайная директория наблюдала рост оппозиционных настроений в Париже. День за днем увеличивались шансы на успех вооруженного восстания.

Между тем заговорщикам стало известно, что монтаньяры, бывшие члены Конвента, замышляют, со своей стороны, восстание в целях восстановления Конвента и конституции 1793 года. Возник вопрос о блоке между «равными» и остатками якобинской партии. Подобный блок делал необходимым уступки якобинцам, известный политический компромисс. «Равные» в собственной среде должны были изжить довольно крупные разногласия по вопросу об организации власти после переворота.

Излюбленный лозунг агитации заговорщиков «Конституция 93 года» выдвигался ими преимущественно в тактических целях, на самом же деле не могло быть и речи о немедленном введении в действие конституции. Между самим актом восстания и установлением новой конституционной власти мыслился определенный переходный период, заполнить который мог только режим диктатуры, режим временной, революционной власти, способной раз навсегда вырвать народ из-под влияния «естественных врагов равенства».

Существовало три предложения касательно самого устройства этой временной власти. Согласно первому из них восстанавливался Конвент. Это предложение, выдвигавшееся в свое время Амаром, основывалось на необходимости иметь власть, санкционированную народным суверенитетом. Предполагалось созвать Конвент в составе депутатов, насильственно удаленных из Собрания в эпоху термидорианской реакции и впоследствии объявленных не подлежащими избранию. Однако и в таком составе Конвент не мог удовлетворить Тайную директорию. Он включил бы слишком много элементов «болота», слишком много малодушных, скомпрометированных, слишком много третьесортных якобинцев, явно не расположенных к

принятию коммунистических планов «равных». Отклонив созыв Конвента, Директория пришла к мысли о назначении восставшими временного революционного правительства. Дебон и Дартэ предлагали учредить единоличную диктатуру и поручить ее какому-либо «добродетельному гражданину», но большинство высказалось за коллегиальную форму правления. Итак, немногочисленное правительство с неограниченными, чисто диктаторскими полномочиями должно было взять на себя руководство революцией в ее переходный период. Оно должно было также определить состав Национального собрания, составленного из депутатов, по одному от каждого департамента. Собрание это должно было быть облечено верховной властью. Однако на деле эта власть была бы чисто номинальной, так как правительство должно было сохранить за собой право контроля работ собрания. Таковы были планы заговорщиков до того, как им пришлось завязать переговоры с якобинцами.

Как видим, «равные» стремились учредить настоящую революционную диктатуру, способную осуществить замышлявшийся ими экономический переворот. Этот проект не мог не встретить решительных возражений со стороны якобинцев. Между тем с якобинцами были тесно связаны члены Военного комитета при Тайной директории, в частности Фион и Россиньоль. Генерал Россиньоль, очень популярный среди жителей Антуанского предместья, был по своим настроениям гораздо ближе к якобинцам, и поэтому, узнав об их планах, он стал выражать явное неудовольствие тактикой Тайной директории. Несмотря на живейшие протесты Дебона, Тайная директория после долгих и горячих прений приняла предлагавшееся соединение. Пришлось согласиться на созыв Конвента, но при условии добавления к его составу по одному депутату от каждого департамента по назначению Директории. Кроме того, якобинцам предложено было подчиниться всем декретам, какие будут даны заговорщиками в день восстания. Однако это компромиссное предложение не удовлетворило якобинцев. Они отвергли назначение депутатов как покушение на народный суверенитет и отказались санкционировать революционное законодательство заговорщиков. Тайная директория в заседании 16 флореаля (5 мая) дала резкий отпор притязаниям якобинцев. Их представителю было указано на то естественное недоверие, какое вызывали среди «равных», бывшие члены Конвента, скомпрометированные своим бездействием в самые решающие дни революции. К вечеру 18 флореаля (7 мая) якобинцы переменили свое решение и приняли условия Тайной директории. На следующий же день было созвано объединенное

заседание Тайной директории и комитета якобинцев, на котором присутствовали Бабёф, Буонарроти, Дартэ, Дидье, Дион, Массар, Россиньоль, Робер Линдэ, Друэ, Рикор, Леньело, Жавог и Жорж Гризель. Собрание имело место на квартире у Друэ. Тайная директория обратилась к собравшимся с изложением мотивов, побудивших ее встать во главе заговора.

«Вспомните ваши клятвы, — говорил заговорщикам оратор, — вспомните бедствия, вызванные забвением тех принципов, которые вы клялись закрепить вашею кровью. Настало время сдержать ваши обязательства: надо сражаться… Никогда не было заговора более законного; дело не в том, чтобы избрать новых повелителей, ни один из нас не стремится к богатству или власти; эти изменники заставляют нас взяться за оружие только во имя права на существование, во имя свободы и ради счастья наших сограждан; тайно набранная нами армия освободителей ждет нашего сигнала, чтобы ринуться на кучку тиранов, угнетающих народ… Все благонамеренные нам известны; злые трепещут от страха. В назначенный вами день то оружие, которое тирания тщетно старается у вас отнять, окажется в руках наших братьев. Вы пожелали, чтобы подготовляемая нами революция была революцией до конца и чтобы народу не приходилось больше довольствоваться отвлеченной свободой и смехотворным равенством. Фактическая законная свобода — вот что должно отличать ваше возвышенное дело от всех предшествующих. Все затруднения побеждены; любовь к отечеству объединила нас — условия, подписанные бывшими представителями нации, и единогласно принятые положения «Акта восстания» возвестят и обеспечат народу справедливость и полезность этого восстания. Время не терпит: народное нетерпение дошло до крайних пределов; не будем же дальнейшим промедлением рисковать потерей случая, который, может быть, нам больше не представится. Мы просим вас: добавить к принятым нами мерам то, что вы найдете необходимым, и назначить время восстания.

Мы или погибнем в бою, или закончим столь долгую, столь кровавую революцию победой и равенством».

Так говорит представитель Тайной директории. Затем выступил Робер Линдэ, бывший член Конвента и будущий министр финансов Директории. Он пытался обосновать созыв Конвента и указывал на необходимость придать революции совсем особенный, чисто народный характер путем проведения в жизнь полнейшего равенства.

После него слово взял Гризель. Он рассказал, как ему удалось достать 10 тысяч ливров у своего дяди-аристократа на нужды

заговора.

Новый акт восстания был утвержден собравшимися. Они также заслушали доклад, сделанный от имени Военного комитета Массаром. Нам еще придется подробнее говорить об его содержании, когда мы будем разбирать тактические планы заговорщиков. «Собрание постановило, что: 1. Тайная директория ускорит развязку заговора; 2. Она даст своим агентам инструкции, соответствующие планам Военного комитета; 3. Через два дня она соберется, чтобы заслушать последние донесения о положении вещей и чтобы назначить день восстания».

Едва успели заговорщики разойтись, как в квартиру Друэ вторглась полиция. Она произвела там тщательный обыск, не давший, впрочем, никаких результатов. Этот обыск произвел некоторое смятение среди заговорщиков. Поговаривали даже о возможности измены. Стали подозревать Жермена, не пришедшего на заседание 18 флореаля. Но эти толки были рассеяны Гризелем. Он убедил своих товарищей, что обыск был простой случайностью. Так и не были приняты какие-либо меры предосторожности.

2

Весной 1796 года Париж был охвачен все теми же настроениями, теми же заботами, какие господствовали в течение только что прошедшей зимы. Даже стиль полицейских донесений сохранил характерные особенности, усвоенные им в течение зимних месяцев 95 года. Это все та же подозрительность людей, питающихся тревожными слухами, неопределенными и туманными, та же глухая, скрытая тревога, рождающаяся из впечатлений о подслушанных разговорах. «Рабочие распропагандированы агитаторами, посещающими их в трактирах в часы отдыха», — читаем мы в донесении от 23 февраля. «Рабочий класс, страдающий от суровой погоды и из-за недостатка работы, позволяет себе самые оскорбительные выпады против Директории, против Совета пятисот, против всех депутатов вообще» (донесение от 14 марта).

Колебания и настроения парижского населения шли параллельно с движением цен на продукты питания, с общим ростом дороговизны. А так как экономический кризис остался непреодоленным и голод продолжал свирепствовать в предместьях Парижа, то и настроение столичного пролетариата не могло быть удовлетворительным с точки зрения правящих

властей. «Рабочий, лишенный работы, лишенный всяких средств к существованию, не упускает ни одного случая для выражения своего недовольства существующим порядком вещей. Он называет конституцию кодексом позолоченного миллиона»… (донесение от 14 марта). Пришла весна и положение не улучшилось; и вот 13 апреля рабочие, собравшиеся в Тюильри, жалуются на отсутствие работы и говорят: «Наступило время покончить со всем этим. Горе партии, заставляющей нас умирать с голоду в течение восемнадцати месяцев».

Все эти обстоятельства заставляли быть начеку и Директорию, и ее полицию. Каков же был переполох в правительственных сферах, когда полицейский рапорт от 10 апреля известил их о появлении в городе возмутительного листка-прокламации, озаглавленной «Изложение доктрины Бабёфа, осужденного Исполнительной директорией за проповедь правды». Первое упоминание об «Изложении доктрины» содержится в донесении от 10 апреля. В нем просто упоминается о расклейке этой прокламации в ряде кварталов. На следующий день полицейский отчет сообщает: «В Антуанском предместьи собралась значительная толпа вокруг афиши, озаглавленной «Изложение доктрины Бабёфа». В некотором отдалении та же афиша, но в маленьком размере, читалась какой-то женщиной, у которой она была отобрана полицейским агентом; после этого сборище рассеялось». В том же отчете, под другой рубрикой, находим новое упоминание об «Изложении доктрины»; по выражению отчета, оно «расклеено по всем углам Парижа». Расклейка прокламации повторялась несколько раз, по крайней мере газета «Республиканский курьер» от 14 апреля сообщает: «Люди из Пантеона наглеют с каждым днем…. Вчера они прибивали к стенам в предместьях, на Гревской площади и в других местах возмутительную прокламацию, составленную Бабёфом и содержащую изложение его доктрины. Та же прокламация, напечатанная в маленьком формате, раздавалась женщинами в уличной толпе, становящейся с каждым днем все более многолюдной. Так, одна из этих женщин поднялась на стул в саду Тюильри и читала вслух бунтовщическое воззвание Бабёфа. Стража пыталась положить конец подобному бесчинству, но услужливые пантеоновцы дали возможность скрыться женщине-оратору». Та же газета в номере от 15 апреля дает необычайно красочное, хотя и насквозь враждебное, описание уличной агитации бабувистов. «Встречаются четверо или пятеро пантеоновцев, они начинают говорить между собой об общественных делах, оплакивают народную нужду; к ним присоединяются уличные зеваки; подходят вязальщицы-

робеспьеристки; начинаются жалобы на тиранию торговцев, на роялистские заговоры, но главным образом на деспотизм пяти королей и шуанов из двух советов… Такое сравнение крепко засело в головах многочисленных невежд, и вот начинаются разговоры о свободе, о равенстве… Комментируют Шале, Антонелля, Бабёфа. Восхваляют блага, которые могли бы установиться в случае общности имуществ и доходов с промышленности. Наконец, все время проклинают день 9 термидора. Говорят о счастливых днях неподкупного Робеспьера. Он одергивал богатых; он давал хлеб народу; он поддерживал курс ассигнаций; он платил деньги рабочим; он массами гильотинировал аристократов; одним словом — все было лучше во времена Робеспьера». Газета возмущена этой «варварской и антисоциальной пропагандой» и заканчивает статью выражением живейшего беспокойства по поводу надвигающихся событий. Такую же тревогу бьют полицейские рапорты: «Изложение доктрины Бабёфа читается при аплодисментах слушателей, преимущественно рабочих, прокламация эта оживленно обсуждалась в течение вчерашнего дня в Антуанском предместьи… новые экземпляры были вывешены сегодня ночью, часть их удалось убрать в течение утра». Так же бойко идет распространение остальной литературы заговорщиков, в особенности «Просветителя народа». В кафе распевают «Песнь предместий», сочиненную Сильвен Марешалем. Еще 28 жерминаля (17 апреля) находят на рынках все новые экземпляры «Изложения доктрины».

Даже из полицейских отчетов ясно, что деятельность агентов Тайной директории носила чрезвычайно организованный и систематический характер. В основу их работы был положен ряд инструкций. Так, инструкция от 12 жерминаля (1 апреля) предусматривала создание в каждом районе одной или нескольких групп патриотов, которые должны были заняться чтением газет и беседами на политические темы. Инструкция от 19 жерминаля (8 апреля) предписывала, между прочим, революционным агентам «подсчитать число мастерских в их районе, выяснить количество занятых в них рабочих, характер их работы и т. д.». В той же инструкции был преподан ряд указаний технического порядка: о приискании конспиративных квартир, о самообложении патриотов, о составлении списков полицейских шпионов, об организации агитаторов и расклейщиков прокламаций Тайной директории.

И цитированный только что параграф инструкции и самый характер бабувистской пропаганды, засвидетельствованный в полицейских отчетах, доказывают, что в поисках социальной базы

заговорщики прежде всего обратились к рабочему классу столицы. Недаром Буонарроти считал «рвение пролетариев единственной опорой равенства». Сообразно с этим главные усилия заговорщиков сосредоточены были на агитации в рабочих предместьях. 24 жерминаля (13 апреля) агент XII округа Моруа доносил о двух красильнях, расположенных в его округе, одной с 80, другой с 30 рабочими, «все добрыми санкюлотами», и о двух десятках кожевенных мастерских с числом рабочих от 15 до 50 человек, настроенных не менее решительно. В тот же день агент V округа Гильом доносил: «Мне удалось найти несколько мастерских; теперь мы заняты обработкой рабочих; усердие и энергия моих людей подают мне большие надежды».

Кроме рабочих, кроме пролетарского населения, Директория рассчитывала также отчасти на армию. Бабёф великолепно отдавал себе отчет в том, какую роль должна была сыграть регулярная вооруженная сила в момент восстания. Мы помним его «Обращение к армии», помним ряд отрывков из «Народного трибуна», в которых он взывает к «защитникам отечества». Тайная директория обратила самое пристальное внимание на надлежащую подготовку агитации в войсках. Она сейчас же назначила специальных военных агентов. Пропагандистская работа заговорщиков стала скоро сказываться на настроении некоторых частей, расквартированных в Париже, в частности полицейского легиона, охранявшего Законодательный корпус. С полицейским легионом дело обстояло настолько серьезно, что 9 флореаля (28 апреля) Директория распорядилась вывести из Парижа два наиболее недисциплинированных батальона. Этот приказ вызвал формальное неповиновение среди легионеров и чуть было не ускорил ожидавшийся кризис. Организованный в полицейском легионе комитет даже успел войти в сношения с Тайной директорией. Среди народных масс Парижа этот эпизод вызвал самый живейший отклик. «В предместьи Марсо говорили, что полицейский легион составлен из настоящих патриотов, подобных французским гвардейцам 1789 года, преданных народной партии и удаленных из Парижа за то, что они служили народу». Но волнения были в корне пресечены приказом Директории о роспуске непослушных легионов. Этому приказу легионеры, по выражению Буонарроти, подчинились с радостью. Момент для восстания был упущен.

Впрочем, это обстоятельство не могло ослабить пыл заговорщиков. Тайная директория решила поставить в порядок дня выработку плана восстания. С этой целью 11 флореаля (30 апреля) в заседание Тайной директории были вызваны Фион, Жермен, Россиньоль, Массар и Гризель — «военспецы» будущего

восстания; кроме них присутствовали Бабёф, Буонарроти, Дебон, Дартэ, Марешаль и Дидье. На этом заседании был образован особый Военный комитет, включивший в свой состав пятерых военных, перечисленных выше.

Уже 15-го числа Комитет, разобравшись в данном ему Тайной директорией поручении, смог доложить ей о результатах своих работ. Два проекта привлекли особенное внимание Тайной директории. В одном предлагалось воспользоваться поддержкой роялистов для свержения существующего правительства. Он был забракован ввиду принципиальной недопустимости хотя бы временного блока с монархической партией. Второй проект заключался в том, что два офицера из полицейского легиона предлагали убить в ту же ночь членов Исполнительной директории. Он также не был принят в виду неподготовленности заговорщиков к его немедленному осуществлению. Не было денег, да и Военный комитет не нашел еще способов поднять народное движение повсюду и одновременно. В то же время руководители комитета дали понять Тайной директории свои якобинские симпатии, и на очереди стал вопрос о переговорах с якобинцами. Мы уже знакомы с ходом переговоров и знаем, что они в конце концов увенчались успехом. На объединенном заседании 19 флореаля (8 мая) от имени Военного комитета выступил Массар. Военный комитет предлагал сформировать в двенадцати округах Парижа три дивизии, которые под начальством своих генералов должны были атаковать Законодательный корпус, Исполнительную директорию и штаб внутренней армии. «Передовые взводы должны были быть составлены из самых горячих демократов; общее нетерпение достигло таких размеров, что казалось нетрудным поднять рабочих призывом со стороны революционных агентов и деятельных друзей равенства» (Буонарроти).

После того как объединенное заседание постановило ускорить развязку заговора, 20 флореаля состоялось новое собрание, на котором заговорщики обсуждали различные вопросы, связанные с тактикой восстания. Собрание состоялось у Массара, на нем присутствовали Дартэ, Дидье, Жермен, Фион, Массар, Россиньоль, Гризель и все районные агенты. Здесь каждый выступал с предложениями, могущими, на его взгляд, обеспечить успех заговора. Предлагалось забаррикадировать Антуанское предместье, захватить в самом начале восстания Монмартрскую возвышенность, обеспечить лодочным мостом сообщение между предместьями Антуан и Марсо. Интересовались даже подземными ходами из Люксембургского дворца, по которым могли бы скрыться члены Исполнительной директории.

«Бодсон, — сообщает Буонарроти, — агент 11 района, выражал желание, чтобы восстание произошло в тот день, когда праздник декады будет совпадать с воскресеньем; таким образом было бы удобнее собрать рабочих, еще привязанных к христианским обрядам, а также и отказавшихся от них». Все агенты подтверждали, что нетерпение дошло до крайности и является почти всеобщим, однако Военный комитет счел данные, сообщенные ему агентами, недостаточными и назначил новое собрание на утро следующего дня. Оно должно было состояться на квартире Дюфура в предместьи Пуассоньер.

Мы видим, с какой тщательностью и осторожностью велись все подготовительные работы заговорщиков. Наученные опытом революции, они больше всего опасались пучизма, вспышкопускательства. Этому примером может служить обращение Тайной директории к своим агентам от 18 флореаля, в котором, между прочим, говорится следующее: «Мы удовольствуемся тем, что сообщим вам, что по рассмотрении находящихся в нашем распоряжении средств к нападению мы сочли их все еще недостаточными, и это именно заставляет нас удерживать патриотический порыв, могущий в противном случае стать сигналом окончательной погибели демократов».

Объединение с якобинцами, оптимистические доклады агентов, наконец решимость Военного комитета, — все это не могло не оказать решающего на членов Тайной директории. Теперь они рассчитывали на успех. Они видели в своем распоряжении не менее 17 000 человек, включая в это число 4 000 революционеров, 1 500 должностных лиц робеспьеровского режима, 1 000 артиллеристов, 500 смещенных офицеров, 1 000 революционеров из провинции, 1 500 гренадеров Законодательного корпуса, 500 военных арестантов, 6 000 полицейских легионеров, 1 000 инвалидов. Оружие заговорщики рассчитывали захватить у ружейных мастеров, в центрах секций, в Тюильри, у фельянов и у инвалидов. Кроме того, они надеялись на артиллерию преданного им Венсенского лагеря. Заговорщики полагали также, что войска присоединятся к народу и внезапность самого выступления вызовет панику в правительственном лагере.

Самый день восстания рисовался им в следующих чертах. Рано утром в предместьях Парижа начнет бить набат. Тотчас же повсюду зазвучат трубы. Об этих трубах Директория позаботилась в одной из своих инструкций, наказав своим агентам раздобыть их в возможно большем количестве. Тотчас после этого агенты, которым Повстанческий комитет вверит знамена с надписью: «Конституция 1793 года или смерть, равенство, свобода, общее

благо», обнародуют акт восстания. Эти же агенты станут во главе отдельных взводов, секций и округов и приведут свои отряды под команду генералов (заговорщики имели в виду Фиона, Жермена, Россиньоля и Массара). Начальники округов предоставляют, кроме того, в распоряжение Повстанческого комитета по десяти хорошо вооруженных санкюлотов каждый; эти санкюлоты образуют гвардию комитета и в случае неуспеха восстания погибнут вместе с ним под «развалинами свободы». Когда таким образом окончательно сформируется народная армия, она, поддержанная всем рабочим классом столицы, двинется к Законодательному корпусу, к Исполнительной директории и к штабу внутренней армии. Наилучше вооруженные граждане должны будут захватить склады оружия. Будут также заняты: национальное казначейство, почта, дома министров и все общественные и частные магазины с жизненными припасами и военным снаряжением. Гренельский и Венсенский лагери также поддержат восстание. Ораторы должны увлечь за собой солдат, женщины будут им раздавать цветы и съестные припасы, инвалиды — подавать пример доблестного поведения. На случай временной заминки приняты меры к заграждению улиц. Правительственные войска будут облиты водой, смешанной с купоросом, засыпаны градом камней и черепиц. После достижения окончательной победы повстанцы обратятся к народу с воззванием, разъясняющим смысл и значение происшедшей революции.

Всякое сопротивление будет жестоко караться. Предполагалось убийство всех членов Исполнительной директории. В их квартиры заговорщики должны были проникнуть с помощью своих приверженцев из состава стражи, охраняющей Директорию.

Акт восстания и все другие акты, подлежащие опубликованию в этот день, будут подписаны Повстанческим комитетом общественного спасения. Это название принимается Тайной директорией в память робеспьеровского правительства и для избежания всякого сходства, даже в наименовании, с учреждениями конституции III года. Повстанческий комитет возьмет на себя инициативу и исполнение революционного законодательства, иначе говоря — он станет правительством революционной диктатуры.

Таков в общих чертах план намеченного восстания. Стратегия бабувистов вырастала из критического усвоения опыта жерминаля и прериаля. Об этом достаточно отчетливо говорят прежде всего сами заговорщики. В своем циркуляре от 18 флореаля Тайная директория сообщает своим агентам, что

находящиеся в ее распоряжении средства нападения недостаточны, поэтому необходимо сдерживать пыл патриотов: «Ужасные уроки жерминаля и прериаля должны быть всегда перед глазами республиканцев: достаточно одного только повторения подобного урока, чтобы погубить их навсегда». «Враги попытаются обмануть нас и уничтожить затем с помощью штыков, как они это сделали в жерминале и прериале III года», — читаем мы в писанном рукою Бабёфа наброске обращения к солдатам. Налицо, далее, текстуальное совпадение целого ряда мест в этих двух актах восстания. Пункты I (§ 3), II, X, IV и VIII в прериальоком акте совпадают с пунктами 2, 18, 6, 7 и 3 в «Акте восстания» Тайной директории. Мы оставим сейчас в стороне вопрос о совпадении центрального, в обоих случаях, политического лозунга конституции 1793 г. Пункт 3 «Акта восстания», где говорится о том, как граждане и гражданки двинутся «в беспорядке и не ожидая движения соседних кварталов», воспроизведен дословно, заменяя только слово «секция» словом «квартал». Начало пункта VIII прериальского акта соответствует пункту 10, и там и тут речь о закрытии и об охране городских застав, пункт же 7 — пункту IV, с той только разницей, что у бабувистов «народ овладевает национальным казначейством, почтой, домами министров, и магазинами», в то время как у авторов прериальского акта он «захватывает заставы, мосты, телеграф, сигнальную пушку, набатные колокола и барабаны национальной гвардии». О заставах, мостах и колоколах бабувисты позаботились в других местах, телеграф же и сигнальную пушку они почему-то опустили. Наконец, в обоих документах фигурирует пункт о передаче общественной и частной собственности под охрану народа. У прериальцев шла в данном случае речь еще и о такой же охране «личности», но бабувисты эту статью опустили, не желая, очевидно, заранее связывать себя подобными гарантиями. Зато и там, и тут проектируется беспощадное подавление всех сопротивляющихся, в особенности агентов правительства. Важнее, однако, этого совпадения аксессуаров «дня» тождественность основного стратегического приема. Стратегия обоих «актов» покоится на организованном выступлении масс, и тот и другой имеют в виду подлинную народную революцию, причем однако объекты их не совпадают. В прериале надо было «очищать» Конвент, оказывая на него организованное давление в виде вооруженной демонстрации, в 1796 году надо было свергнуть правительство буржуазной реакции. Изживая демократические, парламентские иллюзии, заставившие руководителей прериальского движения замкнуться в рамках вооруженной демонстрации, исключавшей

возможность разгона Конвента, бабувисты тем самым подняли все движение в целом на новую, высшую ступень. Они использовали классическую форму уличного, народного выступления, освященную традицией революционных дней, для организации вооруженного восстания.

Таким образом, совершенно очевидно, что «заговор равных» не был заговором в том специфическом смысле, какой обычно придается самому понятию заговора. Не о заговоре шла речь, а о подготовке вооруженного восстания парижских народных масс против правительства буржуазной реакции.

3

Вернемся теперь к прерванному нами рассказу о ходе событий.

Мы знаем, что в числе заговорщиков был капитан Жорж Гризель. Он был агентом Тайной директории при Гренельском лагере. Гризель пользовался большими симпатиями заговорщиков. Вместе с другими военными он был несколько раз на заседании Тайной директории.

15 флореаля (4 мая) Жорж Гризель, узнав имена главных заговорщиков, донес президенту Исполнительной директории Карно о планах бабувистов. Он подписался вымышленным именем Арман и стал ждать дальнейших результатов своего шага.

Правительство в течение некоторого времени чувствовало, что дело обстоит неладно. «Спокойствие Парижа только кажущееся», — доносила ему полиция. В целом ряде секретных полицейских донесений прощупывались ответвления обширной подпольной организации. В Париже было слишком душно в эти майские дни 1796 года. Все предвещало грозу, и Карно ни на минуту не усомнился в правдоподобности того, о чем писал Арман-Гризель. Он принял его лично и выразил ему благодарность от имени правительства.

Вечером 17 флореаля (6 мая) министр полиции, недавно назначенный на этот пост, Кошон де Лаппаран принял человека, предъявившего ему записку директора Карно следующего содержания: «Гражданин министр. Посылаю к вам гражданина Гризеля. Он желает говорить с вами сегодня же вечером. Прошу вас выслушать его. Привет и братство. Карно». Выслушав самый подробный доклад Гризеля, министр полиции решил немедленно приступить к действию.

Первая попытка арестовать заговорщиков была произведена, как мы знаем, вечером 19 флореаля (8 мая). Полиция опоздала на

несколько минут. Она застала Друэ, хозяина квартиры, и Дартэ. Кошон воздержался от их ареста, чтобы не ввести в подозрение остальных заговорщиков.

Действительно, Гризелю легко удалось обмануть Тайную директорию. Если и возникли какие-либо подозрения, то они были направлены исключительно против Жермена.

Решено было отсрочить ликвидацию заговора на два дня. 10 мая члены Тайной директории и Военного комитета должны были собраться утром на квартире Дюфура. Предполагалось окончательно фиксировать день восстания. В это же утро Бабёф и Буонарроти должны были на квартире Бабёфа заняться окончательной редакцией того воззвания к французам, о котором мы упоминали выше. Эти утренние часы и были избраны Гризелем для нанесения решительного удара заговорщикам. Арест Бабёфа был поручен инспектору полиции Оссонвилю.

В девять часов утра 21 флореаля (10 мая) 1796 г. Оссонвиль собрался в поход. Бабёф скрывался в квартире некоего Тиссо, в доме 21, по улице Гранд-Трюандери. Прибыв туда, Оссонвиль подождал кавалерийского пикета. Чтобы не возбуждать волнений, он распустил слух, что дело идет о поимке воров. После этого он отправился за мировым судьей. Прошло целых два часа, а он не находил охотников сопутствовать ему в его щекотливой миссии. Трое судей отказались. Наконец он нашел четвертого и направился с ним к дому, оцепленному войсками и полицией. Было одиннадцать часов утра.

В это время Бабёф занят был редактированием № 44 «Народного трибуна». И он и Буонарроти провели бессонную ночь. Кроме них в комнате находился некто Пилле, один из второстепенных участников заговора. Буонарроти переписывал начисто текст «Воззвания к французам». Он писал: «Повстанческий комитет общественного спасения. Народ победил, тирании больше не существует, вы свободны…»

Между тем Оссонвиль со своими агентами вошел в дом, в коридоре послышались шаги, Буонарроти перестал писать. Внезапно дверь распахнулась, перед заговорщиками стоял Оссонвиль, окруженный полицейскими.

Предоставим теперь слово Оссонвилю. В своем донесении он пишет: «В этот момент самое мрачное отчаяние выразилось на лицах трех заговорщиков; у них как бы опустились руки; хотя они и были вооружены и в первый момент видели только меня, они не сделали, ни малейшей попытки к сопротивлению. Бабёф поднялся со своего сидения, Буонарроти пытался спрятать какую-то бумагу, которую он, впрочем, тотчас положил на место…. Потом Бабёф воскликнул: «Дело сделано: тирания, так тирания!»

Несколько мгновений спустя он спросил меня, почему я повинуюсь своим господам»…

В то же время были арестованы заговорщики, собравшиеся у Дюфура.

Директория использовала раскрытие заговора для расправы с левой оппозицией. Тюрьмы быстро переполнились заключенными. Буржуазное общественное мнение столицы с удовольствием констатировало предусмотрительность Директории и рачительность ее полиции.

Правда, известия об аресте Бабёфа и его друзей вызвали ропот и брожение в рабочих кварталах. Правда, в течение лета 1796 г, полиция не переставала забрасывать Директорию угрожающими донесениями о готовящемся восстании, о проектах освобождения арестованных участников «заговора равных». Бабувистская агитация продолжалась одно время и после ареста вождей; была даже попытка взбунтовать рабочих на одном складочном пункте. Однако до открытого восстания дело так и не дошло.

Бабёф в тюрьме. Из альбома «Gallerie historique de la Revolution

francaise»

Разрядкой брожения, охватившего рабочие кварталы, было организованное 9 сентября уцелевшими бабувистами и якобинцами нападение на Гренельский лагерь. Нападавшие думали поднять войска, стоявшие в лагере, но при этом они сами пали жертвой грубой провокации. Горсть мятежников, завлеченная в лагерь, подверглась, там беспощадному расстрелу.

Точно так же были ликвидированы довольно многочисленные провинциальные ответвления заговора в Тулузе, Меце, Лилле, Кале и некоторых других местах.

«Заговор равных» мог найти настоящую, опору только в рабочем классе. Правда, головка заговора по своему социальному положению принадлежала к мелкобуржуазной интеллигенции, — из 65 подсудимых Вандомского процесса только 15–16 человек могут считаться рабочими и мелкими ремесленниками. Правда, заговорщики стремились вовлечь в движение и мелкую буржуазию. «Соединимся, — говорила Тайная директория, — с мелкими собственниками, небогатыми торговцами, поденщиками, работниками, ремесленниками, со всеми несчастными…» Но мелкая буржуазия могла играть только роль попутчицы революции. Сами заговорщики отлично сознавали это и, не имея еще ясного представления о пролетариате как таковом, ориентировались на «трудящихся», на «бедных», на «рабочий люд». Нечего и говорить после всего этого, что предательство Гризеля было только поводом, а не причиной крушения заговора.

Активность рабочего класса была сломлена еще в роковые дни жерминаля и прериаля. Как интенсивно ни было брожение рабочих: кварталов в течение зимы 1795/1796 г., оно не смогло уже вылиться в новый подъем массового пролетарского движения. Но даже в случае победоносного захвата власти бабувистами в Париже исторически их дело было обречено на неуспех. И уровень развития французского пролетариата и общее соотношение классовых сил исключали возможность установления той революционной диктатуры, которая по мысли Бабёфа должна была явиться необходимым инструментом задуманного общественного преобразования. Именно поэтому Энгельс считал «безумной» «попытку Бабёфа непосредственно перескочить от Директории к коммунизму» (Соч., т. XIV, стр. 377).

В свою очередь неудача бабувистов окончательно обрекла рабочих, на тоскливые будни, заполненные борьбой за насущный кусок хлеба.

На этом месте мы свободно можем поставить точку. История судебного процесса в Вандоме — это только эпилог рассказанных нами событий. Попытаемся в нескольких строках передать содержание этого последнего акта жизненной драмы Бабёфа.

Через два дня после ареста Бабёф написал письмо Исполнительной директории, в котором он сделал попытку убедить директоров в необходимости изменить правительственную политику: «Граждане, члены Директории, управляйте в народном духе, — вот и все, чего требуют от вас эти же патриоты». Он даже гарантировал им в этом последнем случае поддержку всех патриотов. «Вы знаете, в какой мере имею я влияние на этот класс людей, я хочу сказать — на патриотов; я использую это влияние, чтобы убедить их, что, раз вы за народ, они должны быть с вами едины». Эта политическая наивная попытка разговаривать с Директорией в качестве равноправной державы не привела ни к каким результатам. Очевидно, что еще в мае 1796 года Бабёф питал несбыточные иллюзии относительно действительного положения вещей.

Контрреволюционная аллегория на раскрытие «заговора равных»

На допросах он и не думал отрицать существование заговора. «Глубоко убежденный, — заявлял он, — что теперешнее правительство является угнетателем, я сделал бы все, что в моих силах, для его свержения. Я вступил в союз со всеми демократами республики, но долг не позволяет мне назвать ни одного из них». Спрошенный о средствах, которые он рассчитывал употребить, Бабёф отвечал: «Все средства законны против тиранов». Он категорически отрицал свое главенство в заговорщической организации.

После продолжительного заключения в Тампле Бабёф и

другие подсудимые были переведены в Вандом. Процесс начался в октябре и продолжался около полугода.

Собственно обвиняемых был 65. Из них 18 обвинялись заочно. Из 47 бывших налицо только 24, по словам Буонарроти, принимали прямое участие в заговоре и 5 косвенное. К ним у Буонарроти причислены: Бабёф, Дартэ, Буонарроти, Россиньоль, Жермен, Казен, Клод Фике, Буэн, Фион, Рикор, Друэ, Линдэ, Амар, Антонелль. Девиль добавляет к этому списку Массара, Дидье, Мореля, Моруа, Леньело, Гулара, Клерка, Пилле, Дюпле-отца, Дюпле-сына, Лепеллетье, Меннессье, Гильома, Бодсона и Рейса. Из них судились заочно: Россиньоль, Фике, Друэ, Линдэ, Буэн, Лепеллетье, Меннессье, Гильом, Бодсон и Рейс. Из членов Тайной директории Сильвен Марешаль и Дебон избежали ареста, потому что их имена не упоминались в присутствии Гризеля. Друэ, при помощи члена Директории Барра, удалось бежать в августе 1796 года. Имя его, однако, фигурировало в списке обвиняемых, и на том основании, что он был депутат, все дело было объявлено подсудным Верховному суду.

Прибыв в Вандом, главные подсудимые решили отказаться от всяких уверток и запирательств, но это их решение вызвало решительный протест со стороны менее скомпрометированных обвиняемых. Во избежание раскола было решено, что «формальный заговор следует отрицать». Однако необычайно подробные показания Гризеля и масса захваченных бумаг необычайно усложнили задачи защиты. Кроме того, обвинительный вердикт был обусловлен и неблагоприятным для заговорщиков личным составом присяжных.

На самом процессе Дартэ категорически отказался давать какие бы то ни было объяснения, не признавая себя подсудным Верховному суду. Бабёф произнес обширную защитительную речь, в которой стремился доказать, что «не было настоящего проекта, настоящей мысли о заговоре и еще меньше средств и возможностей к выполнению такового». Сам Бабёф великолепно понимал почти полную безвыходность своего положения. В самые критические минуты он не обнаружил ни малейшего страха перед смертью. «Неужели я мог надеяться, — говорил он в своей защитительной речи, — что моя карьера завершится в такой славный момент… Умереть за дело добродетели почетно».

Наконец 26 мая (7 прериаля) 1797 года был объявлен приговор: Бабёф, Дартэ, Буонарроти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо, Менес-сье и Буэн были признаны виновными в попытке восстановить конституцию 1793 года. Первые два были приговорены к смертной казни через гильотинирование. Остальные к ссылке. После объявления приговора Бабёф и Дартэ

пытались кончить жизнь самоубийством, но безуспешно. Раненый Бабёф успел еще написать письмо к своей семье, находившейся все время в Вандоме. Оно кончалось словами: «Прощайте же еще раз, мои горячо любимые, мои дорогие друзья. Прощайте навсегда. Я погружаюсь в сон честного человека».

Утром следующего дня Бабёф и Дартэ были гильотинированы.

После смерти Бабёфа осталось трое сыновей, из которых один родился в Вандоме. Эмиль был усыновлен Лепеллетье, два другие — генералом Тюро. Из сыновей Бабёфа один был убит на войне в 1814 году, другой покончил с собой в 1815 году во время второго нашествия союзников на Париж. Эмиль один умер в сравнительно преклонных годах. Жена Бабёфа дожила до глубокой старости и умерла в середине XIX века продавщицей туалетных принадлежностей.

Что касается предателя Гризеля, то ему так и не удалась карьера, к которой он так страстно стремился.

Вскоре после ареста заговорщиков, 8 прериаля, он получил от Директории саблю с поясом и тридцать франков серебром.

Эти тридцать Серебрянников должны были показаться ему далеко недостаточной оплатой его услуг.

Существовала легенда, по которой Эмиль Бабёф вызвал на дуэль» и убил предателя Гризеля. На самом деле это неверно. Гризель, вознагражденный денежной суммой и спокойным местечком в воен~ ном ведомстве, умер в Нанте в 1812 году.

Послесловие

Биография Г. Бабёфа и «Заговор равных» имеет не только исторический интерес; это тема большого историко-политического значения. Речь идет о генезисе идей современного коммунизма. Социал-демократы во главе с Эд. Бернштейном искали истоки социализма в XIX веке в учении Луи Блана и Прудона. Это были духовные отцы соглашательского, мелкобуржуазного социализма. Изучая опыт социальной революции XVIII века, Луи Блан и Прудон противопоставляли реформу революции, представляя себе последнюю как сумму радикальных реформ, ликвидирующих классовую борьбу и опасность гражданской войны. Вот почему Эд. Бернштейн ругал всех революционных марксистов «бланкистами» и «бабувистами», считая признаком их отсталости тот факт, что они восприняли критически проверенный опыт революции 1789–1799 гг.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса бесспорным было, что утопический социализм в его «французском издании», т. е. в сочетании с опытом массовой революционной борьбы, служит составной частью марксизма. Коммунизм, по Энгельсу, в конце XVIII века был логическим выводом из идей политической демократии II года. Бабёф был теоретиком этой «демократии трудящихся» Французской революции. То была эпоха, когда, по словам Ленина, демократия и коммунизм совпадали (Ленин, «Что такое друзья народа»). В XIX веке, к 1848 году, они противостояли друг другу, демократы и коммунисты стали классовыми врагами в эпоху империализма, когда только коммунистическая революция несла с собою торжество демократии, а так называемые социал-демократы, стали опорой буржуазно-парламентского, лже-демократического государства.

Характерной особенностью демократов-коммунистов конца XVIII века было их учение о восстании и революционной диктатуре. У Гракха-Бабёфа диктатура была рычагом грядущего переворота; освобождение трудящихся будет итогом победы; строительство коммунизма начнется на завтра после торжества революции. Это и сближает Бабёфа с нами; изучение идеи революционной диктатуры у Марата, Бабёфа и др. становится нашей задачей, так как в эпоху II Интернационала оппортунисты — политики и историки игнорировали вопросы теории пролетарской революции.

Учение Бабёфа, несмотря на то, что оно принадлежит прошлой эпохе, истории предпролетариата, что только с формированием рабочего класса в эпоху машинного производства

мыслима стала теория научного коммунизма, — благодаря идее о революционной диктатуре приобретает политический интерес и для наших дней.

В эпоху торжества формального равенства Бабёф противопоставил «равенство фактическое» равенству перед законом буржуазного общества. Он провозгласил: «Французская революция — только предтеча другой, более великой и более величественной революции, которая уже будет последней». Революция пролетариата в 1917 г. и была этой в 1796 г. предугадываемой Бабёфом революцией; ее цель сформулирована как пункт «доктрины Бабёфа» «уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье». Но стоит сравнить, противопоставить те мероприятия, которые проведены были нами на завтра после торжества революции, с тем, что предлагал Бабёф, чтобы отдать себе ясный отчет, какой огромный исторический путь проделал пролетариат с 1796 г. по 1933 г., от первых попыток наметить программу коммунистической революции к развернутому плану социалистического строительства нового общества. Таким образом, и то общее, что сближает учение Бабёфа с нами, и то, что отличает его от научного коммунизма Маркса-Ленина, в одинаковой степени предоставляет в наши дни большой историко-политический интерес.

Библиография [6]

Литература

Е. В. Тарле. Дело Бабёфа (в сборнике «Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке». Спб. 1893).

Тель. Кай Гракх-Бабёф — идеолог равных. 1907.

Жбанков. Гракх-Бабёф и «заговор равных». Спб. 1911.

Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Сб. 2. Спб. 1911.

В. П. Волгин. Идейное наследие бабувизма («Очерки по истории социализма», 3-е изд. 1926).

А. Пригожин. Гракх-Бабёф. 1925.

П. П. Щеголев. Заговор Бабёфа. Л. 1927.

Его же. «Заговор равных» («Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. II, 1930).

В. П. Волгин. История социалистических идей. Ч. 1. 1928.

Т. С. Зайдель. Бабувизм и марксизм («Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. II, 1930).

П. П. Щеголев. После термидора. Л. 1930.

Г. С. Зайдель. Тарле и его школа (Сборник «Классовый враг на историческом фронте..» 1931 — В докладе Г. С. Зайделя дана критика антимарксистской установки Тарле).

Ph. Buonarroti. Conspiration pour l'egalite dite de Babeuf. Bruxelles, 1828, 2v. (Русский перевод под редакцией проф. Святловского произведен с сокращенного издания. Полный перевод под ред. П. П. Щеголева готовится к печати в изд. «Academia»).

Ed. Fleury. Biographie de Babeuf (Etudes revolutionnaires, 1 edition, sans date a Laon. 2 edition Laon, 1850).

Victor Advielle. Histoire de Babeuf et du Babouvisme. P. 1884, 2 volumes.

Georges Lecocq. Un manifesfe de Gracchus Babeuf. P. MDCCCLXXXV.

L. Sciout. Le Directoire T. I. P. 1895.

A. Espinas. La philosophic sociale du XVIJI siecle et la revolution. P. 1898, A. Espinas. Babeuf. 1899.

Alb. Thomas. Babeuf («Revue socialiste» 1905, и отдельной книгой). (Русский перевод Ю. Стеклова под назв.: Тома. — «Бабёф. Учение равных», Спб. 1907).

J. Jaures. Histoire socialiste. T. I–IV.

G. Deville. Thermidor et Directoire.

G. Deville, Gr. Babeuf et la conjuration des Egaux. P. 1887.

Paul Robiquet. Histoire et droit 1-e serie. P. 1907.

Paul Robiquet. Buonarrotiet la secte des Egaux. P. 1910.

Ch. Picqenard. La societe du Pantheon. («La revolution francaise». I. Г. XXXIII).

*M. Dommanget. Babeuf et la Conjuration des Egaux. (Русский перевод Л. 1925).

* M. Dommanget. La structure et les methodes de la Conjuration des Egaux. P. Sans date.

P. Bessand-Massenet. L'attaque de Grenelle. P. 1926.

A. Mathiez. La reaction thermidorienne. P. 1929. (Русский перевод Л. 1925).

A. Mathiez. Le Directoire («Revue des cours et conferences». 30-e annee, №№ 11, 13, 14, 15. P. 1929).

A. Mathiez. Babeuf et Robespierre. («Autour de Robespierre». P. 1926).

H. Laski. The socialist tradition in the french revolution. London. 1930.

A. Aulard. Babeuf et son imprimeur Guffroy («La revolution francaise» T. LXXXII).

Fr. Wolters. Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1790. Leipzig, 1905. (Русский перевод. Госиздат 1923)

Источники[7]

A. Aulard. Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. Tt. I–III.

Moniteu r. Reimpression de l'ancien Moniteu.

Copie des pieces saisies dans le local que Babeuf occupait lors de son arrestation a Paris. Nivise, an V. Tt. 1, 2.

Debats du proces instruit par la Haute — Cour de Justice de Vendome contre Drouet, Babeuf et autres. P. an V. Tt. 1 —VIII.

«JournaI de la liberte de la Presse».

«Le Tribun du peuple».

G. Babeuf. Du systeme de depopulation ou la vie et les crimes de carrier. A Paris — An 3-e.

G. Babeuf. Voyage des Jacobins dans les quatre parties du monde.

G. Babeuf. Les battus payent l'amende.

G. Babeuf. On veut sauver carrier!

Документы по делу, «заговора равных» хранятся в Париже в Archives Nationales в картонах №№ F7 4276 — 4278; ADI112, BB3

21 и др.

notes

Примечания

1

Введенные в изложение цитаты заимствованы из произведений классиков марксизма или из источников. Перечень использованных источников дан в конце книги. Цитаты из классиков марксизма оговариваются в тексте.

2

Камилл — Демулен, Анаксагор — Шометт, Анахарзис — Клоотц.

3

Из сообщения Буонарроти неясно, было ли это предложение простым тактическим приемом, или же за ним скрывалась известная традиция, восходившая, быть может, к культу верховного существа.

4

Амар (1755–1816) в Конвенте примыкал к Горе, затем в ряду других «левых» термидорианцев. Принял участие в перевороте 9 термидора. 12 жерминаля Конвент, по предложению Мерлена (из Тионвиля), декретировал его арест. Заключенный сначала в замке Ам, позднее в Седанской цитадели, Амар был выпущен на свободу по закону об амнистии от 4 брюмера.

5

Н. В. Левитский — народник, известный пропагандист и организатор земледельческих артелей.

Марксистские работы отмечены звездочкой.

К источникам следует отнести и книгу Буонарроти. Кроме того, ряд источников содержит упомянутые работы Advielle Espinas.